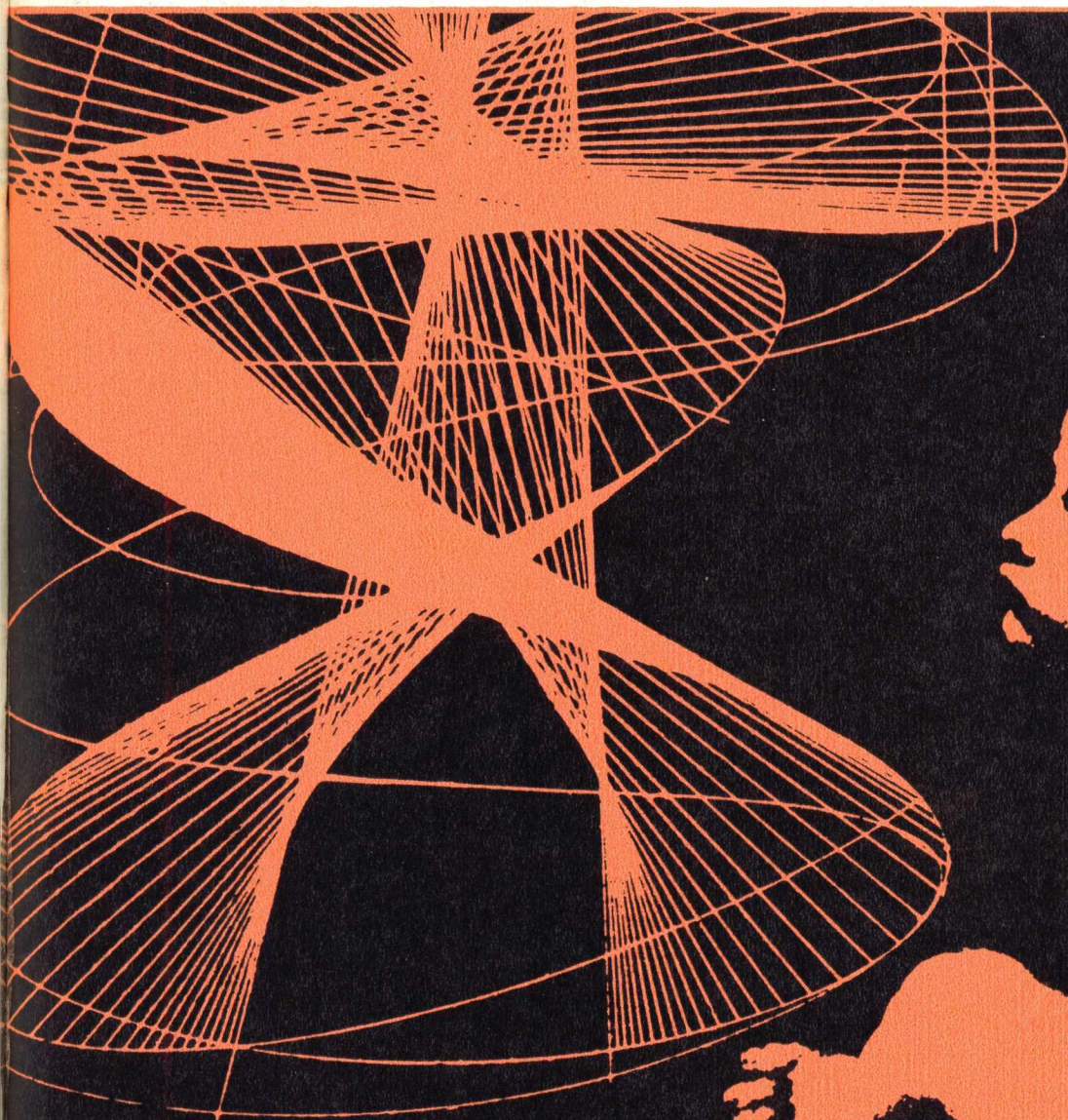

СЕМЬЯ И ШКОЛА

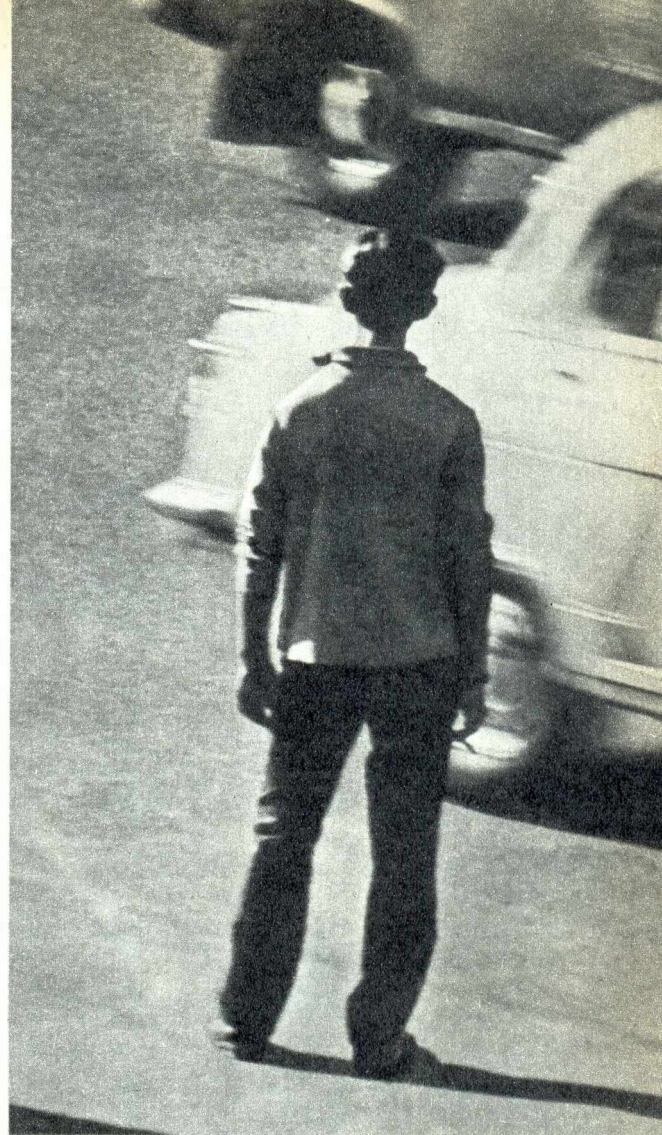
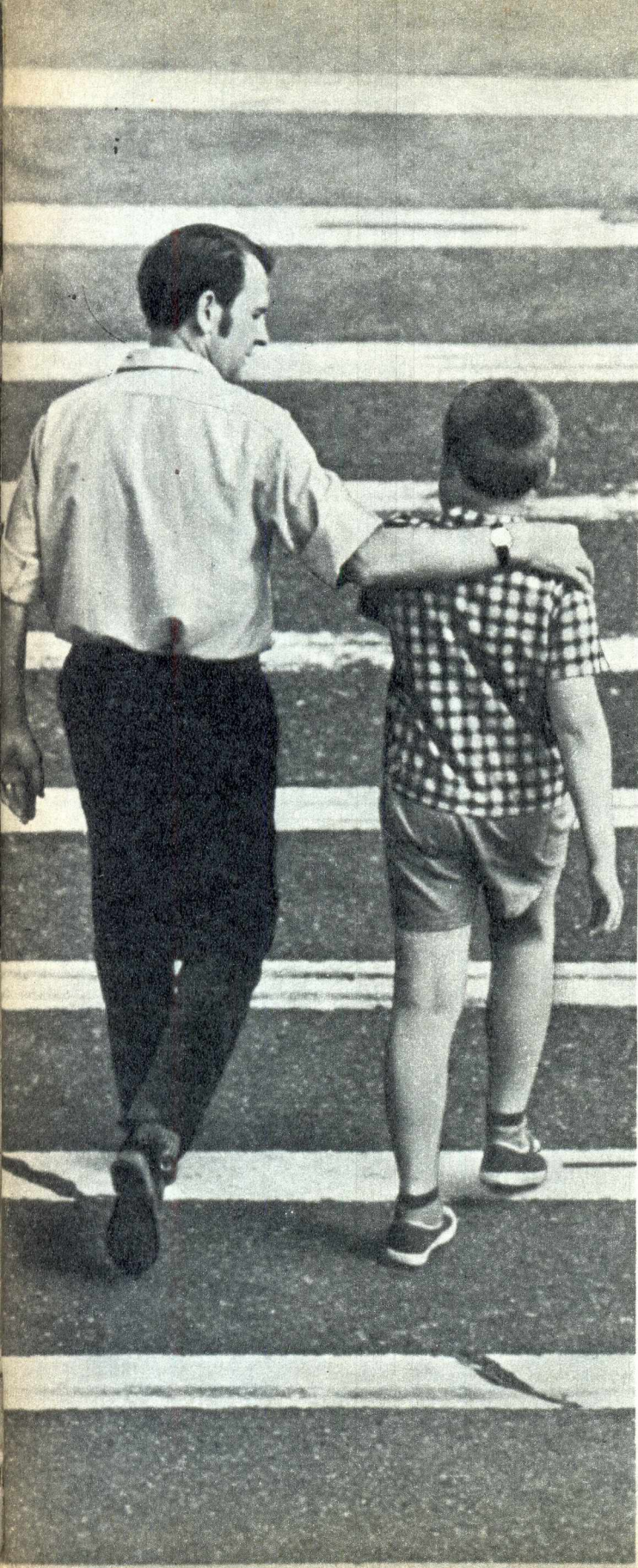
4/1972

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

*Как рано нужно начинать
готовить малыша к школе?
Если под такой подготовкой
понимать не просто научение
счёту и буквам, но общее развитие
сил и способностей, то ответ возможен
такой — никогда не рано!*

*посмотри
налево,
посмотри
направо!*

Фото С. Тапкина

«А улицу надо переходить?» — спрашиваем мы у ребенка, когда он просит разрешения пойти к другу, или в кружок, или в кино. И если надо, непреодолима наша тревога: не растеряется ли маленький перед потоком машин? Вот и приходится — или водить всюду самим, сжимая выдерживающуюся руку, или запрещать. А если научить? Но только по всем правилам, не отступая, не давая поблажек ни себе, ни ему. Ведь улицу переходить — надо.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Яковлев. «Он каждого ребенка в уме держал...»	2	Музыка и каждый из нас Ф. Розинер. Час музыки академика Александра	39
Навстречу 50-летию пионерии В. Матвеев. Чей завтра праздник?	6	Т. Маврина. О чем говорят зайчики?	42
Почта Л. Хусаинова. Родительская наука	11	В. Емельянов. Тётя	46
В порядке вещей. (Ответ на письмо читательницы Т. Олейник)	11	Старинные наставления	49
Нравные с математикой. (Ответ на письмо читательницы В. Поныткиной)	12	Г. Честертон. Человек с золотым ключом	50
В. Крылов. Где же «уроки улицы»?	13	Книги В. Смирнова. Берегите ребенка! В. Война. Когда учить завязывать галстук?	54 55
Родительский опыт Как ветви от ствола. (Рассказывает Герой Социалистического Труда М. Юсупов, мастер Ташкентского завода сельскохозяйственных машин)	14	З. Литвиненко. Девочка из Вьетнама Недавно выпущено...	57 57
Предложения и предположения Н. Амосов. Умные дети	16	Пластины Н. Танаев. Новая красота	58
Н. Сомова. Воспоминания о Светлом	20	Проверьте свои способности!	60
Консультации «Семьи и школы»	25	С. Глязер. Прыг-скок	62
Про Мурашку Э. Красс, Г. Сашин. Сколько будет дважды два?	26	Раз, два — и в дамки!	63
Наши права, наши обязанности Р. Бахтамов. Исполнитель и соучастник	29	Картины нравов Л. Осипова. Буйная сила	64
Стычки мелкие, последствия крупные	31	На 2-й странице вкладки фото С. Тапкина. На 4-й странице обложки иллюстрация Т. Мавриной к сказке «Царевна-лягушка».	
Природа А. Онегов. «Я хочу собаку...»	32		
Какую выбрать	34		
Плата за выстрел	34		
У врача А. Авдулина. Научите их быть здоровыми	36		

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Ежемесячный журнал
для родителей
Академии
педагогических наук СССР
Апрель 1972 года
№ 4 27-й год издания

«ОН каждого ребенка в уме держал...»

— Скажи мне,
как к тебе
относятся дети,
и я скажу тебе,
кто ты, —
можно перефразировать
известное изречение
о друзьях.
Ни в чем, пожалуй,
так не проявляется
гуманизм
человеческой личности,
как в отношениях
с детьми
и отношении к детям.
Дети безошибочно
различают искренность
и фальшь.
Доброту подлинную
и показную.
Нравственную
чистоту
и лицемерное
ханжество.
Высоко ценят они
единство слова
и дела.
Этических требований
и поступков.
Им особенно близки
жизнерадостность
и юмор.
Восторгает их
мужество и отвага...
Все эти
пусть не новые,
но далеко
не бесполезные истины,
провозглашать которые
всегда
несравненно легче,
чем осуществлять,
становятся
осязуемо очевидными
на примере Ленина
и его друзей
по революционному делу.
Из многих тысяч

новых публикаций
ленинских документов
и воспоминаний
о Владимире Ильиче,
пополнивших
за последние годы
юбилейную Лениниану,
сотни —
не десятки,
а сотни! —
так или иначе
освещают тему
«Ленин и дети».
Раскрывают ленинские
педагогические заветы.
Отражают действенную
ленинскую заботу
о малышах и подростках,
порой нуждающихся
не в меньшей,
а даже
в более пристальной
и трудной заботе,
чем малыши.
Ленинским
декретам
и государственным
предписаниям
советским работникам
о действенной
помощи детям;
ленинским
высказываниям,
указаниям,
письмам,
проникнутым
заботой о советской
детворе;
ленинскому
педагогическому такту;
нежной и ласковой
ленинской любви
к детям —
посвящены
эти краткие заметки
о новом
в документальной
Лениниане.

ЛЕНИНСКИЕ ДЕКРЕТЫ О ДЕТАХ

В первые послеоктябрьские годы интервенция и блокада несли гибель миллионам детей. Ленину обязаны они своим спасением от голода и эпидемий. Недаром сотни тысяч сверстников и сверстниц пишущего эти строки хорошо помнят и никогда не забудут ленинский декрет о бесплатном детском питании, принятый 17 мая 1919 года. Помнят если не его официальный текст, то безотказное действие.

Помню «столовку» в Малом Казенном, возле Курского вокзала. У ее входа мы становились с утра со своими алюминевыми мисочками, универсально предназначенными для супа с «пшш» и каши из той же «пши», сдобренной — увы! — рыбьим жиром или экзотическим какаовым маслом. Каким-то чудом сохранилось оно с довоенных лет на складах московских кондитерских фабрик.

Рыбий жир отмерялся деревянной ложкой и, заткнув нос, его надлежало проглотить мигом или вылить в кашу. А «какавое» масло, как мы его неуважительно прозвали, нарезалось плотными кубиками, не имевшими ничего общего ни по цвету, ни по запаху с легендарным, мифологическим, сказочным, былинным — словом, совершенно «доисторическим» шоколадом. Запах целительного жира и спасительного масла не выветрился из памяти и полвека спустя. Но не будь деревянной ложки, переходившей от одних ребячьих губ к другим, и «пайки» подгорелой, но горячий, поджаристой, казавшейся чертовски вкусной «пши», малолетним москвичам, петроградцам, тулякам, ивановцам не совладать бы со всем, что так «щедро» выпадало в то время на нашу долю.

Мы не читали ленинского декрета. Однако твердо знали, что обед дают «по приказу Ленина». И даже распостылый рыбий жир глотали, подчиняясь его непогрешимому авторитету гораздо больше, чем терпеливым настояниям «сестер милосердия», еще не успевших превратиться в сурово-энергичских «медсестер».

Не знали мы и того, о чем недавно напомнил многоотомный сборник «Декреты Советской власти» — самое фундаментальное и наистрожайшее документальное пособие о ленинском государственной деятельности 1917—1922 годов. Я имею в виду менее известный ленинский декрет, которым с августа 1918

года продовольственный паек для детей до пяти лет увеличивался «до размера пайка взрослым».

Невелик — очень невелик! — был и этот последний. Порой он не превышал печально известной «осьмушки» — то есть 200 граммов весьма неважного хлеба. Однако и такое увеличение детского пайка спасло жизнь миллионам малышей, особенно в многодетных рабочих семьях. А главные статьи ленинского декрета 1919 года обязывали местные продовольственные органы все «предметы питания... детям в возрасте до 14 лет включительно выдавать бесплатно за счет государства».

И это подлинно коммунистическое, еще не по потребностям, а лишь по возможностям право на бесплатное питание предоставлялось решительно всем детям «безотносительно к категории классового пайка их родителей».

„как равный...“

Ленин всегда дружил с детьми. И дети повсюду дружили с Лениным. Он очень много работал и слишком мало отдыхал. Но лучшие редкие часы, а то и минуты отдыха неизменно принадлежали детям. Так было в ссылке, эмиграции, подполье. Верными друзьями Ленина становились маленькие сибиряки в Шушенском и юные рыбаки на Капри. Дети товарищей по партии в Куоккале и просто малыши Парижа и Женевы, Цюриха и Берна. Младшие Емельяновы и Парвизайневы в Разливке и Ялкале в такие опасные дни последнего ленинского подполья. Детвора Кремля и Горок. Крестьянские ребятишки ближнего и дальнего Подмосковья, с которыми Владимир Ильич, совсем по-некрасовски, встречался в своих охотничьих странствиях.

И все ленинское отношение к детям всегда проникала радость. Владимиру Ильичу было интересно, весело и занято с детьми. Как весело и занято было с ними Толстому и Горькому, Макаренно и Чуковскому, Гайдари и Маршаку.

Никто больше Ленина не сделал для того, чтобы в дни войны, голода и разрухи спасти миллионы детей. Никогда не забывал он, что дети (как, впрочем, и взрослые!) живы отнюдь не только «хлебом единым».

Из воспоминаний современников Владимира Ильича, опубликованных за юбилейные и предъюбилейные годы, остановимся на особенно

выразительных записях Раисы Харитоновой. Она рассказывает, как в последние дни швейцарской эмиграции Ленин отметил день рождения ее двухлетней дочери.

По свидетельству мемуаристки, подкупающему психологической и эмоциональной достоверностью, Владимир Ильич сам так рассказал забавную историю своего подарка маленькой «юбилярше»:

— В магазине игрушек у нас глаза разбежались. Смотрим: на полках и стойках кругом множество всяких игрушек; мы растерялись, не знали, что и выбрать. «Купим вон ту красивую куклу», — говорит Надя. «Нет, это не пойдет, — отвечаю я. — Не станем мы покупать куклу, поищем что-нибудь поинтереснее». Продавец все подавал нам игрушки: были тут и зайцы, и кролики, и котята, и мячи... «Нет, — говорю я, — все не то». Осматриваю полку за полкой и вдруг на самой верхней... вижу вот эту самую собачонку. Одно ушко у нее торчит кверху, на шее красная ленточка с бубенцом, острая мордочка, и такой у нее шельмоватый ррреволюционный вид. «Вот, — говорю я Наде, — эту собачку мы и возьмем».

Раиса Харитоновна комментирует этот впервые воспроизведенный в ее воспоминаниях шутильный ленинский рассказ об игрушечной собачке «шельмоватого ррреволюционного вида»:

— Владимир Ильич... заразительно смеялся, показывая нам игрушку со всех сторон и любуясь ею сам... он... принес девочке не только понравившуюся ему игрушку, но и радость, которую он испытал...

Дети всегда дарили Ленину радость. И он никогда не оставался у детей в долгу. Отправляясь к Харитоновым, Владимир Ильич знал, что маленькая «виновница торжества» всю неделю проводит в яслях. Оказывается дома только по воскресеньям, а болтает пока лишь по-немецки.

Через несколько минут девочка заливалась радостным смехом, подпрыгивая на коленях Владимира Ильича в такт его песенке на немецком...

О радости, которую приносило Ленину общение с детьми, пишут решительно все мемуаристы. Особенно ценны в этом смысле воспоминания родных Владимира Ильича. Отметим среди их новых публикаций впервые напечатанный очерк Марии Ильиничны Ульяновой, озаглавленный «Из воспоминаний». Она отмечает, что брат унаследовал от отца все, что «завоевывает детей».

Вот как характеризует мемуаристка эти ульяновские педагогиче-

ские принципы, ставшие в наше время ленинскими заветами коммунистического воспитания советских детей:

— Он подходил к ним просто, ласково и... как равный, как к есаждейшим людям, хотя и маленьким. В его тоне и обращении с ними не было ни пренебрежительности, которая так часто чувствуется у взрослых по отношению к детям, ни особого подлаживания под детей и под детские интересы.

По мнению младшей сестры Владимира Ильича, он сам «много детского, в лучшем смысле этого слова, сохранил до последних дней своей жизни». Это выражалось в удивительной чистоте, искренности, жизнерадостности, способности увлекаться, «как ребенок», охотой, прогулкой, игрой.

Чувство ответственности в семье и классе всегда выше там, где воспитатель весел, а не сухопутно строг. Где детей уважают, а не пренебрежительно муштруют. Где шутка (но, разумеется, не насмешка!) абсолютно преобладает над нотацией. Многим и родителям и педагогам следует вдуматься в простые слова сестры Ленина, как и он, наделенной «ульяновским» педагогическим тактом:

— ...Всегда, когда Владимиру Ильичу приходилось встречаться с детьми, у него очень быстро устанавливались с ними самые дружеские отношения, с оттенком влюбленности со стороны детей. Знакомство завязывалось быстро, и через некоторое время слышались уже громкий хохот, возня и беготня.

Конечно, и «возня и беготня» не лучшие спутники урока в классе, как, пожалуй, и вечернего отдыха в семье, но «громкий хохот» — незаменимое педагогическое средство, а чувство юмора — обязательное педагогическое качество, отсутствие которого далеко не всегда возмещает даже самое лучшее знание предмета.

**„Всё лучшее,
что у нас есть...“**

Как ни поучительны новые воспоминания о Ленине в личной жизни, еще более значительны свидетельства о его повседневной государственной деятельности. Осенью 1917-го — вскоре после победы Октября — Ленин поручает старой большевичке Доре Лазуркиной организовать в стране дошкольное дело — детские сады и дома для осиротевших малышей.

— Да, трудно это, очень трудно. — не оспаривает Владимир Ильич опасений собеседницы, пораженной широтой его замыслов. — Но ведь все это в конце концов для наших детей... Им довершать начатое, им строить коммунизм. Детей надо начинать воспитывать в коллективе с самых малых лет. Это важно, необычайно важно. Это самое главное. Беритесь за дело смело. А мы вам поможем... Помните, все лучшее, что у нас есть, — детям! Мы, взрослые, можем и поглотить, но последнюю щепотку муки, последний кусок сахара отдадим детям...

Как известно, и здесь ленинское слово никогда не расходилось с делом. Все, что присылали Ленину друзья со всех концов страны, он незамедлительно отправлял в детские дома. Зимой 1919 года в клубе Главных вагонных мастерских Московско-Курской железной дороги рабочие, потолковав о Владимире Ильиче, еще не вполне оправившись от ранения, приходят к вполне обоснованному выводу: при столь скудном питании, какое получает Ленин наравне с другими москвичами тех лет, очень трудно «руководить таким большим государством как наше».

— Необходимо поддержать силы Владимира Ильича, — решают рабочие и собирают ему подарок.

Из пшеничной муки, вымененной железнодорожниками в Самарской губернии, готовят Ленину домашнюю лапшу. Слесари, которые сопровождают отремонтированные вагоны на их обкатке, доставляют из Поньрей антоновку. Рабочие делаются с Владимиром Ильичем домашними припасами — пакетиками сахара, риса, гороха... Каким-то чудом раздобывают совсем уж невиданный по тем временам окорок.

Подарок приносят в Кремль.

— Это, Владимир Ильич, для вас, — говорят делегаты железнодорожников, — рабочие от всей души просят принять...

— Хорошо, товарищи, очень хорошо. Большое вам спасибо! — благодарит Владимир Ильич и тут же обращается к дежурному секретарю. — Примите, пожалуйста, посылку у товарищей, сделайте опись и немедленно отправьте все в детский интернат...

Вскоре Ленин получает от петроградских рыбаков еще более скромный и своеобразный подарок — две живые стерлядки.

В кабинете Владимира Ильича Василия Емельянов, из чьих впервые опубликованных недавно воспоминаний мы узнали об этом эпизо-

де, выпускает рыбешек в ведро с водой.

— ...Не шевелятся стерлядки, не подают признаков жизни, — рассказывает он. — Мы с Ильичем нагнулись поближе к ведру, рассматриваем, что будет дальше. Вдруг одна из рыбок быстро развернулась вниз брюшком да как махнет хвостом — мы не успели отойти, брызги разлетелись во все стороны... Вторая рыбка последовала примеру первой и заплескалась в ведре. Ильич был очень доволен...

Но и этот подарок Владимир Ильич немедленно переправляет в соседний детский дом.

— Пусть ребяташки как следует позабавятся... — говорит он.

Да, Ленин имел нравственное право требовать, чтобы взрослые отдали все лучшее детям. Но вернемся к впервые напечатанному в 1970 году фрагменту воспоминаний Доры Лазуркиной.

Заведующая дошкольным отделом Наркомпроса рассказывает Ленину о неотложных нуждах малышей. Он внимательно слушает, переспрашивая, живо интересуясь мельчайшими деталями дела — от постельного белья до посуды.

— Я дам указания Дзержинскому, — говорит он, — лучшие особенники, отобранные у буржуазии, передать под детские дома... Как же вы думаете решить вопрос о воспитателях? Где вы их подберете?.. Мой вам совет — поезжайте на фабрики, поговорите с женщинами-работницами. И вы найдете таких, кто с радостью согласится посвятить себя воспитанию малышей в наших детских садах. Мы должны как можно раньше приучать малышей к труду, к самостоятельности. Нет ничего неприятнее белоручек даже в детском возрасте. Пусть научатся и картошку своими руками почистить, и тарелки помыть.

В другом фрагменте воспоминаний того же автора, вошедшем в подготовленную ленинградскими журналистами коллективную хроникально-документальную повесть «124 дня», посвященную работе Ленина в Смольном, рассказано, как однажды поздно вечером Владимир Ильич позвонил в Наркомпрос и попросил Лазуркину срочно приехать в Смольный.

— Вы только посмотрите, какой сюрприз я вам приготовил, — говорит Ленин и показывает на грудку каких-то коробок и ящиков, громоздившихся в углу кабинета. В них оказались... куклы, крохотные «сервизы» и всевозможные «гарнитур» игрушечной мебели.

То были игрушки, забытые в складах Смольного института его быв-

шей начальницей — княжной Голицыной.

— Прошу вас, договоритесь со своими товарищами и завтра же развезите все это богатство по детским садам, — предложил Владимир Ильич. — Представляю, как будут счастливы дети...

Ленин ясно представлял себе душу ребенка, в которой столько места принадлежит игре, с ее фантазией, подчас парадоксально связанной с действительностью. Не знаю, были ли когда-либо ранее детские игрушки предметом личного внимания главы революционного правительства огромной страны, да еще в труднейшие для нее времена...

совет защиты детей

В одном из впервые опубликованных за последние годы писем народному комиссару продовольствия Ленин предлагает ему зимой 1919 года «подготовить, объявить и провести» Неделю голодных детей. «Взять и сделать для детей» все возможное, — призывает Владимир Ильич. «Надо бы», — дважды подчеркивает он.

Вскоре Совнарком утверждает декрет о Совете защиты детей.

Декрет провозглашает обязанностью революционной власти «сберечь в опасное переходное время подрастающее поколение». Редактируя проект постановления, Ленин, как свидетельствует новейшая публикация, отклоняет пункт, предполагавший «постепенно развернуть особую инспекцию по охране детей, для защиты их от эксплуатации, жестокого обращения, беспризорности...»

Владимир Ильич, видимо, считает, что все это предмет постоянной заботы обычных советских органов, и не находит никакой необходимости в новом учреждении с новыми «должностными лицами» и, следовательно, с новыми возможностями для бюрократизма.

Зато такое трудное по тем временам «дело снабжения детей пищей, одеждой, помещением, топливом, медицинской помощью», а равно эвакуацию детей в «хлебобродные губернии» ленинский декрет объявляет «одной из важнейших государственных задач». Совету защиты детей предоставляется право «издавать обязательные постановления, касающиеся охраны здоровья детей, успешной организации их питания и снабжения...»

И Совет защиты детей создает детские дома и приюты, лесные

школы и детские колонии — предшественницы современных пионерских лагерей, но только на полном трудовом самообслуживании — без поваров и прачек, огородников и садовников, конюхов и сторожей. Колоний, где мы всё, решительно всё, делали сами, ничуть не тяготясь этим, хотя трудились всерьез по ежедневным нарядам «Рабочего Комитета». И... с нелюбимым обсуждением любых нарушений трудовой дисциплины, если они возникали, всеми колонистами — от мала до велика — на ежевечернем общеколониальном «вече». На этом общем собрании самый обширный и всеобъемлющий «доклад»-рапорт никогда не превышал трех минут, а самая запальчивая и пространная полемическая речь — полутора. Всякое, конечно, бывало в «безотцовщину» двадцатых годов, но победили дружба, верность чести колониетских традиций, здравый смысл и... юмор. Ибо для лодыря самой страшной карой была уже не добродушная шутка, а насмешка товарищей.

Мы не знали тогда, что бывшие барские дома Подмоскovie, отличные огородные участки, фруктовые сады, клубничные плантации, молоко из соседнего совхоза, хлеб и сахар с продовольственных складов столицы мы получали по предписаниям, мандатам и нарядам Совета защиты детей, учрежденного ленинским декретом. Но зато мы твердо знали, кто всегда защитит от неисчислимых бед, подстерегавших каждого из нас в голодном и холодном городе. Знали и не забыли этого. А в недавно воспроизведенных воспоминаниях народного комиссара здравоохранения — доктора-большевика Семашко хорошо сказано о роли Ленина в спасении от физической и нравственной гибели миллионов советских детей:

— ...Все граждане Советской России должны... знать, какой был Владимир Ильич по отношению к детям в качестве члена правительства. Буквально все, что проведено в нашей стране в отношении детского населения, те меры, которые принимались в тяжелые годы блокады, в тяжелые годы гражданской войны, в тяжелые годы голода... все это было устроено по инициативе Владимира Ильича.

И главный врач Советской Республики пишет, обращаясь к людям тех лет:

— ...Вспомните о всех детских карточках, цель которых была одна — пусть взрослые поголодают, пусть взрослые вынесут тяжчайшие лишения, но все, что есть только, последний кусок хлеба, сахара, по-

следний кусочек мяса, все питание диетическое, последние остатки дадим детям...

без „обдергивания“!

Среди впервые опубликованных по-русски ленинских материалов зарубежной печати выделим интервью, которое дал Ленин корреспонденту газеты «Осака Асахи» Рё Накахира. Как сообщает этот японский журналист, Владимир Ильич задал ему и его коллеге — Кацудзи Фусэ, представлявшему «Токио Нити-Нити», такой «интересный вопрос»:

— Я прочел в одной книге, что в Японии родители не бьют своих детей. Так ли это?

— Исключения, конечно, бывают, — ответили японцы, — но, как правило, у нас не бьют детей.

— ...Один из принципов рабочего-крестьянского правительства, — заметил Ленин, — тоже заключается в отмене телесного наказания детей.

Когда второй корреспондент — Фусэ заявил, что в Японии берегут детей больше, чем на Западе, Ленин, по его записи, сказал:

— ...Это весьма важно, ведь в таких так называемых цивилизованных странах Европы, даже в Швейцарии, еще не совсем уничтожен, например, обычай бить детей в школах.

Само собой разумеется, что советская школа не знает проблемы «бить или не бить». Но в семье «отцовский ремень» подчас все еще состоит на педагогическом «вооружении», порождая цепную реакцию грубости и жестокости.

«Применять в воспитании наказание» Ленин считал пережитком, «варварским пережитком». Ударить ребенка, по мнению Ленина, совершенно тождественно оскорблению женщины или унижению старика.

Даже тяжело заболел, Владимир Ильич, как вспоминает Надежда Константиновна в рукописи, впервые опубликованной лишь в 1968 году, оставался неизменно «внимательным и ласковым» к детям.

— Когда осенью жил у нас, — рассказывает Крупская, — племянник Владимира Ильича Витя, шестилетний мальчик, с товарищем Лешей Павловым, какими ласковыми глазами следил Ильич за ребятами, внимательно прислушивался к их детской болтовне, ласково смеялся, смотрел, как слушают они сказки, заботился, чтобы ничем их не стесняли.

За три недели до кончины Ленина Мария Ильинична устроила в Горках новогоднюю елку для двенадцати маленьких гостей — детей служащих совхоза и племянников Владимира Ильича. В уже приво-дившемся очерке «Из воспомина-ний» М. И. Ульянова рассказывает:

— Владимир Ильич стоял всегда за предоставление детям наиболь-шей свободы и в более поздние годы останавливал нас всегда, когда за-мечал, что мы слишком «обдери-ваем» их: «сиди смирно», «не вер-тись», «не озоруй»... На рождество 1923 года я устроила в большом зале горкинского дома елку... Вла-димир Ильич приехал (сверху) на своем кресле и с удовольствием смотрел на игры детей и слушал их хоровое пение. Но когда под конец я раздала ребятам подарки и они на радостях слишком расшалились и разбегались, я стала их останавли-вать, боясь, как бы весь этот шум не утомил слишком Влади-мира Ильича. Но он тотчас же... по-просил меня не останавливать де-тей в их играх.

О таком же бесконечно бережном отношении Ленина к миру детства свидетельствуют и многие другие, впервые опубликованные за послед-ние годы документы Владимира Ильича.

В одном из них — плане своих выступлений на III конгрессе Ком-мунистического Интернационала — Ленин начинает девятую запись за-меткой:

NB

Ровио (Питер). Достать игрушек (7 лет)

В научно-справочном аппарате 44-го тома Полного собрания сочи-нений эта запись не комментируется. Совсем нетрудно, однако, устано-вить, что речь идет о тогда еще семилетнем Эро — сыне того само-го Густава Ровио, в конспиратив-ной квартире которого Ленин скры-вался летом 1917 года.

В 1921 году Ровио овдовел, и Эро очень тосковал по матери. Вскоре после конгресса Коминтер-на Ровио, работавший в то время в Петрограде, получил из Москвы посылку с надписью: «От предсе-дателя Совнаркома РСФСР Лени-на В. И.».

В посылке были игрушки и даже заводной автомобиль для осиротев-шего мальчугана.

— Он каждого ребенка в уме держал, — сказала писателю Ген-надию Фишу председательница од-ного из карельских колхозов, узнав-шая от самого Густава Ровио исто-рию ленинской посылки. — Это ли не пример нам, занятым людям!

Борис ЯКОВЛЕВ

навстречу 50-летию пионерии

ЧЕЙ ЗАВТРА ПРАЗДНИК?

Хочется, чтобы день этот был ясным, безоблачным. Пусть майские ливни и грозы и все другие пре-вратности изменчивой нашей пого-ды обойдут его стороной.

Ведь нет, не усидеть ребятам в этот день слишком долго под кры-шами. Самый-то праздник будет на улицах, на площадях. Еще ранним утром, надевая свои парадные ру-башки и шорты, уже почувствуют они волнующий холодок свежести, ощутят воздушную легкость отгла-женных галстуков — такое знако-мое чувство детства, когда вдруг разрывается обыденность. Скорее на улицу!

А на улицах запах травы и едва распустившихся тополей, клейкие скорлупки тополиных почек при-стают к подошвам. Музыка слы-шится издали, и все ближе час общего торжественного марша на виду у всех — знамена впереди, ба-рабаны дают ритм шагу и горны трубят слитно и высоко. Самый-то праздник развернется под откры-тым небом, когда закрутятся в пар-ках бесконечные карусели, речные трамвайчики полетят по воде, раз-нося окрест не наскучившие мело-дии модных песенок, а чистые го-лоса ребячьего хора. Когда на ули-цах все так весело перемешается: там, где всегда ездили машины, ходят праздничные люди, а прямо посреди площади идет концерт.

День будет длинный, претной, весь звенящий. Прекрасный день!

Девятнадцатое мая на сей раз

не просто пионерский день рожде-ния, это юбилей. Организации юных ленинцев — пятьдесят.

Одиннадцатилетний Артем Ку-зовлев, мой добрый знакомый с шестого этажа, сказал, что выпу-стит 19 мая домашнюю стенгазету и испечет праздничный пирог. Я знаю, у него получится. Артем из породы умелых мальчишек.

Счастливейшие люди — эти тем-кины родители. Им достался сын, который в свой законнейший празд-ник не размышляет о том, что сде-лают для него, а размышляет о том, что для общей радости сделает сам. Он сказал очень точно тогда, сидя на солнечной стороне скамей-ки в любимой своей позе — обхва-тив руками колени:

— Это же ведь общий праздник, не только одних ребят.

Да, это общий праздник, ты, Темка, совершенно прав, праздник и детей, и взрослых, праздник на-рода, праздник страны.

*

Отец Артема, Дмитрий Иванович Кузовлев, наладчик автоматов на заводе «Электросила», хранит в се-мейном альбоме фотографию. Три-надцатилетним мальчишкой стоит он у знамени на сцене концертного зала имени Чайковского. Рядом с ним две девочки — Наташа и Галя. Все они из одного детского дома. Был такой в Москве, шестнадцатый специальный детский дом для ре-бят, чьи родители погибли в войну.

На слетах воспитанников детдомов дружину шестнадцатого всегда называли лучшей. Дима Кузовлев был председателем совета этой дружины.

Темина мама, воспитательница детского сада, тоже бережет память о пионерских годах — грамоту Калининского горкома комсомола пионерке Нине Ружечкиной за тимуровскую работу. Помнит она, словно было это не в 46-м, а вот будто совсем-совсем недавно: госпитальные палаты в здании дореволюционной гимназии и они, девочки, поют бывшим солдатам об одинокой рябине и пионерской картошке и читают стихи Константина Михайловича Симонова. «Был у майора Деева товарищ майор Петров...» Лица тех солдат она забыть не может.

Когда летом Тема ездил в Калинин в гости к бабушке, он с удивлением узнал, что и она, его бабушка, которой уже почти шестьдесят, тоже, оказывается, была пионеркой. Вот уж во что Темке трудно было поверить: бабушка — и вдруг пионерка! А она посмотрела на внука с этакой мягкой укоризной, а потом глаза ее что-то вспомнили, бабушка улыбнулась этому своему воспоминанию и голосом совсем молодым, громко, как говорят пионерскую речевку, начала:

Чтоб Чемберлен-лорды
Нас тронуть не смогли,
По этой гнусной морде —
Раз, два, три!
На правое колено
И на мишень смотри!
По лорду Чемберлену —
Раз, два, три!

Нельзя было теперь Темке не поверить бабушке. Да, были, были пионерами и те, кому сегодня 30, 40, и даже 60. Пожалуй, каждому сегодняшнему читателю «Семьи и школы» припомнится собственное пионерское детство.

За пятьдесят лет миллионы и миллионы мальчиков и девочек, завязав узлом пунцовые концы пионерского галстука или стянув их серебристым жакетом, начинали жизнь новую, совсем особую, со своими законами, обычаями, со своими песнями и главное — с общей целью. Она, эта жизнь, помогала им взрослеть и строить себя.

Говорят, пионеры какой-то ленинградской школы провели опрос в трех цехах завода-шефа. 630 рабочих расспросили ребята. 617 из них сказали: «Да, мы тоже носили галстуки, как и вы сейчас». У ребят собралась целая книга воспоминаний, своеобразная летопись жизни и дел всех пионерских поколений.

В канун пионерского юбилея все

мы еще раз представляем себе веки этого пятидесятилетия.

Она родилась на пятом году революции, наша пионерская организация. Повсюду тогда разворачивалось грандиозное строительство новой жизни, нового общества. Мощное, сильное движение этой жизни, невиданный подъем творчества пробуждал горячий революционный порыв юных. Еще нет организованного детского движения, но уже возникают то тут, то там ростки детской организованности. В Перми это объединение пролетарской детворы называет себя «Муравейником», в Туле — коммунистической партией детей, где-то создаются отряды красных скаутов, где-то — юных коммунаров. Сама жизнь ставит задачу создания в стране единой детской организации, которая сумела бы направить бурную, кипящую общественную активность детей, воспитывать их в коммунистическом духе.

Партия внимательно следит за этими прекрасными всходами революции. Центральный Комитет партии, изучив деятельность детских групп, предлагает комсомолу заняться созданием детской коммунистической организации.

Вторая Всероссийская конференция комсомола по поручению Коммунистической партии рассматривает вопрос о детском движении: «Принимая во внимание настоятельную необходимость самоорганизации пролетарских детей, Всероссийская конференция поручает ЦК разработать вопрос о детском движении».

Это было 19 мая 1922 года. Именно с этого дня ведет наша пионерская организация отсчет лет и десятилетий своего роста и развития.

Вот почему 19 мая — пионерский день рождения, а в этом, 1972 году, это праздник — юбилей.

Майским днем 1924 года пионерская организация страны принимает на свои знамена имя Ленина. В этот день на Красной площади перед делегатами XIII съезда партии пионеры дают клятву на верность делу товарища Ленина. «Всегда готовы!» — ответили они на призыв партии.

Одно пионерское поколение сменяло другое. Но неизменно в тексте торжественного обещания повторялись слова той исторической клятвы. И неизменно, произнося ее, поднимают ребята руку в салюте и отвечают: «Всегда готовы!»

«Всегда готовы!» — прокатывалось по рядам пионерских линеек в годы тридцатые и сороковые, пятидесятые, шестидесятые. «Всегда готовы!» — говорят, давая обеща-

ние «жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия» и нынешние пионеры, юные ленинцы семидесятых годов.

Каждое время рождает своих героев. Коля Мигогин, Павлик Морозов, Вася Васильченко, Кира Баев, Кычан Джакыпов — это время суровой борьбы с кулачеством. Мамлакат Нахангова, Барасби Хамгоков, Алеша Фадеев, Ваня Чулков — это пора общей горячей стройки, вдохновенного социалистического созидания. Валя Котик, Лена Голиков, Володя Дубинин, Саша Чекалин, Ваня Андрианов, Костя Кравчук — имена, высеченные в памяти народа в годину великого нашего испытания, смертной схватки с фашизмом.

Имена юных героев рассказывают о времени, а время — о них. В дни войны, в связи с подвигом Кости Кравчука, спасшего в оккупированном Киеве боевые знамена воинской части, газета «Правда» писала: «По этому подвигу, так же как по бессмертному подвигу Зои Космодемьянской, потомки наши будут судить о поведении советского молодого поколения в момент тягчайшего военного испытания для Родины. Они будут знать, как в этот момент был велик даже юный человек, каким большим и глубоким был его душевный мир, каким благородным был его нравственный облик». Разве это только о Косте Кравчуке?

Герой Социалистического Труда, пионерка Нателла Челибадзе, Герой Социалистического Труда Турсунали Матказимов — новые записи в Книге пионерской славы. Они говорят о своем времени. И видно, что всегда, и в годы мирные, и военные, во все наши трудные, суровые и славные времена, пионеры — юные ленинцы в делах своих стремились быть рядом со взрослыми, всегда вместе со своей страной.

*

Мы охватываем взглядом все полвека жизни нашей пионерии, видим полет времени, его масштабность, его размах. Мы припоминаем события нашего собственного детства — видим лица, слышим голоса, мы возвращаемся в свои двенадцать или десять лет и переживаем их заново. Тут у каждого из нас — свое. У кого-то череда событий ярких, множество волнений, общей веселой суетни, кому-то светят лишь мягкий, тихий свет детских дружб и привязанностей, кто-то богаче воспоминаниями, кто-то беднее. Но все наши отдельные воспоминания — это ведь тоже часть общей истории.

Как-то недавно после родитель-

ского собрания, в школьном коридоре за сигаретой один вполне солидный человек сказал другому:

— Признаться, ничем хорошим свои пионерские годы вспомнить не могу. Сплошная какая-то казенщина и скука. Из школы, бывало, бежишь сломя голову. Галстук в карман — и на коньках за грузовиками. Помните, тогда этакие проволочные крючки у пацанов водились. И в «орлянку», бывало, сыграем... А вот у дочки в отряде вся жизнь. Видно, время другое было.

Второй собеседник отвечал:

— Детство, оно и есть детство. Беззаботная пора. У нас, правда, были и походы, и костры, да и сами себе развлечения придумывали.

Очень обыденный разговор, совсем накоротке. Однако ж, не такой и пустяковый, как кажется. Можно пожалеть первого из говоривших. Чего-то очень необходимого детству в его жизни не случилось, не произошло. Наверное, не его это вина. Сколько ни существовала наша пионерская организация, она все время неустанно искала пути к такому устройству ребячьей жизни, которая бы давала им и радость борьбы, и вкус победы, и крепость дружбы, и просто радость. Не все поиски вели к успеху, не всюду рядом с ребятами оказывались яркие неравнодушные люди...

А что сказать о втором собеседнике? Бывает, и помнит человек свое детство, и теплые эти воспоминания, а вот понять, проникнуть, как там было и отчего, что в нем от детства и из детства — ему не дано. А жаль, ведь у него сын растет. Ему сейчас как раз двенадцать. Ах, только ли развлечения его походы с ночевкой, и атаки «зарниц» и лагерные костры — только ли ребяческие забавы?

Стоит, пожалуй, подумать немножко о судьбе этого сорокасемилетнего человека. Она интересна. В шестнадцать лет, в сороковом, он, несмотря на козны врачей, пробивается в клуб Осоавиахима. Одним из первых осваивает «У-2», в июне сорок первого года добывается, чтобы его, самого младшего из курсантов, направили вместе со всем выпуском в летное училище. Едет в Нальчик. Там, будучи не в силах дожидаться, когда кончится срок обучения, просится в десантники, становится командиром десантной группы и выбрасывается в тыл врага, под Новороссийском. Раз, второй, третий. Это рискованные задания по подготовке Новороссийской операции. Командир группы из пятидесяти разведчиков младше всех по возрасту. Решения же ему приходится принимать такие, от которых зависит жизнь или смерть всей

группы и многих других связанных с ней людей и, разумеется, успех или провал порученного группе дела.

После войны и пятилетней службы по своей воинской специальности он приезжает в Москву поступать в институт. Это было трудновато после стольких лет перерыва. Рядом юнца, а ему уже 26, у него в четыре наката боевых наград. Институт он кончает блестяще. Однако устроенная московская жизнь приходит к нему много позже, а откуда он успевает еще поработать в Белоруссии, в Молдавии и в Новороссийске. Тут, кстати говоря, его находят пионеры — красивые следопыты, разыскивающие пятерку легендарных в этих местах разведчиков. Он становится почетным гражданином села...

— Неужели же, дорогой Григорий Павлович, — спрашиваю я его, — так-то уж ничего и не дали тебе для жизни твои пионерские годы?

Григорий Павлович хмурится, думает, наверное: «Вот пристал, чужак человек». И лишь в конце нашей с ним беседы говорит:

— Ну, разве что авиацию я полюбил, когда к нам отец Митьки Захарова стал в отряд наведываться. Летчик он был. Аэродром нам показывал. Ну и дружить нас учил так, чтобы за друга в огонь не раздумывая...

Больше из него ничего вытянуть не удалось.

Впрочем, и так становилось кое-что ясным...

*

Дети не любят, не выносят одиночества. Оно их тяготит, оно им чуждо. Им нравится ощущение, когда «я со всеми и все со мной». Но в стихии их общения во дворе и на улице, в общении с ровесниками, и с теми, кто помладше и постарше, присутствует не только справедливость и благородство, верность и доброта. В нем бывает и зависть, и жестокость, и коварство, и эгоизм, и обман.

Дети мечтают об отваге и мужестве, о законах верности и чести, о полной разделенности дружбы, когда ты всех можешь понять и тебя поймут тоже. Но построить свою жизнь и отношения со сверстниками, чтобы все это пришло к ним, они пока не очень могут, не слишком умеют.

Дети — все за небольшим исключением — не любят ни быть, ни казаться маленькими, несмышлеными, неумелыми, беспомощными. Они жаждут взрослости, хотят владеть умениями, которые всех кругом удивят, хотят все понимать, пробуют во всем разобраться,

Дети отнюдь не созерцатели по натуре. Они творцы и деятели. Им нравится движение, движение во всем: в мысли, в чувстве, в сюжете, в игре и в работе. Никто из них не хотел бы для себя жизни тихой, беспечной, беззаботной, под крыльшком у взрослых. Приходит пора, когда они настаивают на самостоятельности, требуют ее, воюют за нее. Они предпочитают профессии, связанные с риском и путешествиями, тревогами, борьбой и победой.

Пусть в десять лет жизненные планы изменчивы. Сегодня десятилетний человек твердо решает: «Буду пожарником», а через неделю заявляет: «Или милиционером, или капитаном дальнего плавания», но это неважно. Вот маленький список желаний одного-единственного мальчика на протяжении двух лет, с 10 до 12; «Хочу стать: циркачом, шофером на дальних перевозках, космонавтом, полярником, наездником, водолазом, пограничником, журналистом, киноактером, верхолазом». Широкий диапазон, не правда ли? Но заметьте — во всем тут и риск, и тревога, и необходимость победы.

Ждать, когда станешь кем-то, трудно, просто невозможно. И ребята играют в морячков и летчиков, в цирк и в Антарктиду. Иногда открыто играют, иногда игра скрыта от посторонних глаз. Лишь увидишь, как шагает парень по улице вразвалочку, краешек тельняшки выглядывает из-под распахнутого ворота рубашки и понимаешь: «Э, да ведь это идет моряк».

Детям нравится быть полезными взрослым уже сегодня, сейчас, сию минуту (как правило, взрослым за пределами собственной семьи). Они любят такую работу, которую, не случись их, пришлось бы делать взрослым. Любят потому, что она подтверждает их взрослость и их полезность.

Кто им это даст? Где они все это получат? А ведь им все это нужно, все необходимо для жизни. Для роста.

Дома ни любящая мама, ни бабушка, ни папа, который был и остается другим сыну или дочери, не могут полностью заменить ребенку общения со сверстниками. Совместные замыслы и совместные действия в кругу сверстников имеют для него другой, особый вкус и особое значение, чем домашние планы и их исполнение.

В школе на уроке ребята чаще рядом друг с другом, чем вместе. И хотя учитель обращается ко всем сразу: «Откройте тетрадки, напишем диктант» или «решим задачу», — каждый пишет отдельно, в

своей тетради, и решает в уме каждый сам по себе. И оценку за успехи получает каждый свою.

Но есть у наших ребят их пионерская организация. Она для того, чтобы помогать им расти и строить себя. Она дает, она может дать все, что нужно им сейчас для жизни, для роста.

Тут, в пионерском отряде, уж действительно ты со всеми и все с тобой. Перед законами чести и товарищества, привлекательными и высокими, отступает игра темных инстинктов. В пионерском отряде (вы замечаете это?) равные среди всех, они взрослее, чем дома. Еще бы: ведь человек, в сущности, взрослеет не по какой-то генетической саморазвивающейся программе. Образ жизни диктует поведение, бросает вызов, заставляет соответствовать. Дела повзрослее — значит, и отношения повзрослее, и мысли, и решения.

В пионерском отряде ребята и в делах вместе со взрослыми, и в игре вместе со взрослыми. Пусть они пока играют в отряд космонавтов. Тренировки — игра, и полеты — игра, а отношения — дружба, верность, сотрудничество, взаимоотношения — нет, это уже не игра. В верность нельзя играть, она может быть только подлинной.

Чему учит ребят пионерская организация? Пожалуй, самому главному: учит жить среди других, сотрудничая, объединяя усилия, помогая тем, кому помощь нужна. Учит уверенности, которая приходит от единомыслия, от единства, от прочности товарищества. Учит мужеству, стойкости, твердости духа, которые даны лишь тем, у кого есть идеал. Она учит в действии — это самая лучшая школа. Морализующие беседы не воспитывают морали. Строить себя можно, только строя жизнь вокруг. Пионерская организация всегда действовала и действует ради улучшения окружающей жизни.

Детство есть детство, разумеется. Но нет, отнюдь не беспечная, беззаботная пора. Растить вовсе не так уж легко. Хорошо, что есть у нас особая организация детей и организация их жизни, которая помогает им расти.

Мы с вами хорошие родители. Нам безразлично, как живут, кем растут наши дети. Мы часто приходим в школу, расспрашиваем учителей, как ведут они себя на уроках, какие у них успехи в русском и математике. Но что же так редко спрашиваем мы, каковы они среди друзей, каково их положение в коллективе, каковы их успехи в школе взросления? Мы думаем, что знаем их до конца, знаем все привычки,

повадки, уловки. Это дома. Это одно. А вне дома, среди сверстников? Это не одно и то же.

Мы нередко помогали им учиться математике, физике, а можем помочь и в ином. Бывает, что жизнь пионерского отряда, в котором состоит наш сын или наша дочь, пока не очень ярка и насыщена, не дает того, что могла бы дать. Обидно. Но дело можно поправить, если придти к ребятам, как пришел однажды отец Митьки Захарова, летчик. Как приходят к ребятам тысячи взрослых и нередко остаются с ними надолго, бывает, что и навсегда.

*

19 мая, я надеюсь, зайдет ко мне мой старый друг.

Принесет мой друг гитару. Посреди разговора переберет струны, поглядит в окно. Ему сейчас не надо мешать. Он будет петь очень тихо — голоса у него никакого, но это даже лучше: всем, кто будет его слушать, вспомнится свое, давнее, дорогое.

С чего он начнет?

Есть у него такая песня: «В застекленной рамке из багета, над моей кроватью на стене часто улыбается с портрета большеглазый русский парень мне. Разметались на бушлате старом галстука пуговичные концы. Я смотрю и думаю: недаром так тебя любили сорванцы. Мой старый, мой старший, мой славный вожатый, горячее сердце в груди! Тебя не забыли твои нацанята, как прежде, ты рядом и чуть впереди. Не щадит война людей хороших, им она приносит много зла, утром, вместе с ветром и порошей, почта в школу горе принесла. Пробралась к скамейкам занесенным, где встречались много лет подряд. Над письмом, коротеньким, казенным, плакал пионерский наш отряд. Мой старый, мой старший, мой славный вожатый...»

Не качеством стихов нравится нам эта песня, а тем, как поет ее мой друг. Песню когда-то давно написал его собственный вожатый, написал в память о своем детстве, о своем отряде, о своем вожатом. Он пел ее редко, в очень тихие минуты. Но все ребята и в лагере, и в школе почему-то знали эту песню, даже совсем уж новички как-то узнавали ее и помнили. Помнили вырастая, помнили взрослыми.

Несколько лет назад я приехал в пионерский лагерь «Орленок» на черноморском берегу. Был вечер. Только что пропела труба, сказав орлятам, что день завершен и пора засыпать. Сразу стал слышен шелест волны на песчаных пляжах «Орленка» и ветер, трогательный листву в роще из молодых буков.

Но где-то высоко над лагерем, на горе, сиял огонек костра и слышалось, как поют ребята песню о старшем вожатом. Мой друг и сам стал в ту пору старшим вожатым. И подарил песню ребятам-орлятам. Я подумал тогда, что, может быть, и у того парня, который оставил у мальчишек военной поры теплую память о себе, о времени трудном и незабываемо ярком, потому что это было детство и общая разделенная мечта и пылкая дружба, может быть, и у того парня был в детстве старший, самый справедливый и надежный, самый чуткий и умный, самый лучший друг. Я подумал о связи времен, о передаче через многие годы и многие судьбы чего-то такого, что зовется одухотворенностью, окрыленностью пионерского детства.

А может быть, 19 мая мой друг начнет с другой песни. Это его песня. И всех вожатых, которых я знаю. Одним сегодня двадцать, другим пятьдесят. В той песне есть слова: «Шагают мальчишки отрядом, а ветер их галстуки рвет, командуя взглядом, с ребятами рядом, их старший товарищ идет. Мы дружной и нежной, и твердой свои закаляем сердца, и нашей профессии гордой верны до конца».

Елена Николаевна Мурашова была пионеркой Сокольнического отряда, когда пионерских отрядов в Москве было всего несколько — на Красной Пресне, в Сокольниках, в Замоскворечье. Вожатой она стала в 30-х и осталась ей навсегда. Это ее песня.

Вале Титовой двадцать лет. Она лишь в начале своей вожатской дороги. Она вожатая в новой красавице-школе на Волоколамском шоссе, получившей номер 92. Это ее песня. Дим Димыча Гунина знает вся пионерская Москва. Ему за 70. Он не был пионером, а сразу — вожатым в свои двадцать лет, полстолетия назад. И сейчас он — вожатый. Это его песня.

19 мая 1972 года — их праздник.

Это праздник тех, кто был когда-то пионерами. Праздник тех, кто был и остается вожатым пионеров. Праздник тех, кто считает себя друзьями пионеров.

*

Пройдет совсем немного времени. Те, кому сегодня 12 или 14, станут взрослыми. Они будут строить и управлять государством, вести вперед науку, технику, искусство. Они — наша надежда, они хозяева будущего. Их праздник сегодня — и наш тоже. Это праздник всего нашего народа.

В. МАТВЕЕВ,
заместитель главного редактора
журнала «Пионер»

родительская наука

Сейчас я сама мама. Растут две девочки: десяти и девяти лет. И свой опыт вроде уже есть, а вот пример родительский вспоминаю. И с годами он не слабеет, а становится понятнее, ближе.

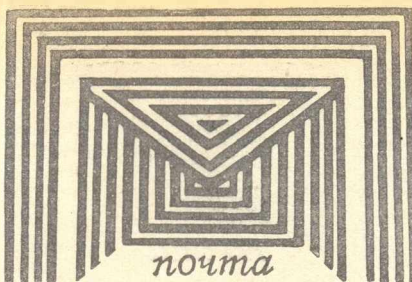
Отец работал старшим дорожным мастером и, мы, дети, редко видели его дома. Помню телефонные звонки, которые будили его и всех нас вечером, в полночь, рано утром. Иногда звонили издалека, отец говорил громко, взволнованно, и вся семья проникалась тревогой. Но никогда он не ворчал, не сетовал на свою работу, а быстро собирался и спешил на участок. В послевоенную снежную зиму снегоочистители не справлялись с заносами, часто выходили из строя, и тогда отец поднимал мать, звал соседей, и все вместе расчищали путь.

Хотя отец мало бывал дома, но всегда деловой, подтянутый, он как-то незаметно влиял на всю нашу семейную жизнь. Нам передавалась его нетерпимость к ленисти, бездельности, потребность заниматься делом. В свободное время он обычно помогал матери по хозяйству. Я была старшей в семье и гордилась тем, что вместе с ним пилила дрова. Он показывал, как правильно держать пилу, куда прикладывать силу. За работой редко молчал — читал стихи, рассказывал случаи из своей жизни. С ним всегда было интересно. Каждому хотелось работать вместе с отцом. Мы спорили, не хотели уступать очередь друг другу.

Или вот мы всей семьей идем копать огород. Начиналось семейное соревнование. Мы с отцом работали быстро, азартно, правда, и отдыхали по-нескольку раз. Сначала намного обгоняли маму. Она трудилась не спеша, зато почти не останавливалась. Глядишь, к концу мы сравнивались, только я и отец уже выдохлись, а мама нет...

И на огороде отец поведет разговор — о самых простых, казалось бы, вещах: почему листья зеленые, а вот этот клубень, что из земли выглядывает, наполовину зеленый, наполовину желтый. Или спросит, почему лук сажают где посуше, а капусту где сыро, и как в школе учим про это? Он очень любил смотреть наши учебники. Углубитесь в книгу и «откопает» какой-нибудь вопрос. Если я не могла ответить, то объяснял просто, с примерами, и все становилось понятно.

Моя старшая дочка Лена в чет-

вертом классе проходит природоведение. Я ей многое, из того что знаю сама, рассказываю. И ловлю себя на мысли, что невольно подражаю отцу, который никогда не довольствовался только сведениями из учебника, а всегда старался, чтобы мы больше знали.

Меня всегда удивляла его жадность к знаниям. В тридцатые годы паренком-свинопасом приехал он из деревни в Москву на заработки. Поступил на работу, выучился на автогенищика. Стал бригадиром, потом мастером и еще в вечерней школе учился. За два года кончил пятый, шестой и седьмой классы. Но продолжать помешала война, потом семья росла. Ему было уже за сорок, когда он решил кончить десятилетку. Вместе мы и учились — я в девятом классе дневной школы, он в девятом в вечерней. Отец занимался серьезно, читал много и очень внимательно, так как считал, что книги помимо всего прочего развивают грамотность. Это и мне передалось.

Сейчас отец на пенсии, но все равно сидеть без дела не может, пошел работать на бетонный завод неподалеку от дома.

Если папа больше действовал на наш ум, наше сознание, то мама — на наши сердца. Добрая, отзывчивая, всегда готовая прийти на помощь.

Помнится, у нас всегда останавливались из папиной деревни знакомые и незнакомые люди. Мама никому не отказывала, делилась всем, что было в доме. В старших классах я вечерами ходила помогать однокласснице, больной девочке. Жила она довольно далеко, мама волновалась, не раз выходила встречать. Но никогда я не слышала от нее упреков. Не отговаривала она меня и тогда, когда я по распределению поехала работать на Сахалин, хотя, конечно, ей было больно и трудно со мной расставаться.

Живу теперь я со своей семьей отдельно от родителей. Мы с мужем хорошо зарабатываем, но нет-нет да и приилют нам подарки,

особенно внушек балуют. Про себя я сержусь — опять потратились! А душа переполняется бесконечной благодарностью к маме, которая все такая же добрая и внимательная. Я стараюсь и детям своим привить эти чувства. Они часто пишут бабушке письма, а когда мы собираемся в Москву, непременно обсуждаем, что подарить бабушке и дедушке.

Л. ХУСАИНОВА

г. Копейск
Челябинской области

в порядке вещей

Сыну десять лет. Учится в четвертом классе. Особенно любит литературу и русский язык. «Ура, у нас завтра сочинение!» — ликует он.

Еще в первом классе он попросил общую тетрадь. Когда спросила зачем, объяснил: «Хочу писать!» Я удивилась: «Что писать? О чем?» — «Самое интересное и самое главное», — ответил сын.

Он и вправду стал записывать в тетрадь свои впечатления за пройденный день. И был очень доволен, когда я, читая дневник, одобряла или помогала правильно составить предложение.

Во втором классе сын начал писать сказки. И опять — собственная инициатива. Придумает и запишет. А потом читает нам всем вслух. Сначала сказочки были маленькие, а потом стали длиннее — на три-четыре страницы. Сейчас уже восемь-девять страниц занимают, а то двенадцать набегит. Если не закончит за день, пишет три и четыре дня. Приходится только удивляться его фантазии.

А вообще, увлечений у него уйма. Собирает марки, значки, спичечные этикетки, старинные и иностранные монеты. Любит рисовать, лепить. Играет в шахматы. Не пропускает тренировки в секции фехтования. С удовольствием бежит на коньках и лыжах. Мечтает стать археологом. Делает опыты по химии. Ужас!

Посоветуйте, пожалуйста, как мне относиться к его «писательской деятельности». Сбирать ли для хранения все сказки, или не придавать этому серьезного значения?

Т. ОЛЕЙНИК

г. Челябинск

Письмо матери мы попросили прокомментировать сотрудника журнала «Пионер» Сергея АРТАМОНОВА.

— Что тут сказать? Со стороны

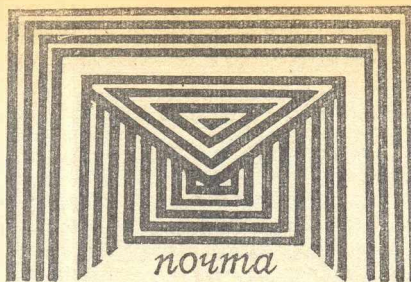
это может показаться прямо-таки чудом: маленький ребенок работает упорно, последовательно, целеустремленно. Завел даже специальную тетрадь. А ведь тут — ничего сверхъестественного. Хороший, нормальный, я бы даже подчеркнул — обыкновенный случай. Мальчик-сочинитель играет, ибо все дети поголовно одарены способностью играть, впадать в пристрастия, увлекаться. «Писательская деятельность» естественно уживается с шахматами, нумизматикой, фехтованием. Мальчик увлекся волшебством чудесных приключений и превращений. Со всей страстью, весь целиком отдается игре. И даже достиг ее высшей точки — он уже умеет не только понимать игру, но и придумывать свою собственную. И в этом много замечательного.

Замечательна тут, на мой взгляд, та свобода, которую мальчик приобретает в вольных упражнениях. И в этой свободе, в этой самостоятельности мысли вся ценность. Само том не ведая, он действительно создает и творит, да только не художественное произведение, а себя самого — личность! Мальчик чувствует, переживает, обладает пылким воображением, умеет мечтать — это важно!

Наше детство, как известно, неповторимо, и всякий выросший с грустью понимает, что больше уже никогда не будет у него так много времени для самозабвенной игры, для игры во что попало: в шофера, в летчика, в артистку, которая «выступает», в учительницу, в войну или хоть в сочинителя сказок... Значит, прежде всего, не стоит мешать детям, пусть вдоволь играют, пока они дети. И не стоит поступать так, как поступают некоторые суровые, практичные и серьезные мамы и папы. Слепо убежденные в том, что поскольку сын от пяток и до макушки их полнейшая собственность, так уж он, хочет или не хочет, а должен быть и обязан стать... и так далее. Зачем он стишки пишет? Ерунда! Совершенно незачем зря терять время... Скучно рассказывать дальше, все ясно. Мама хочет, чтобы сын стал инженером, а потому покупает ему только конструкторы, записывает в технический кружок. А на мальчика легко повлиять взрослому человеку, он послушает маму. Только кто же знает, что из этого выйдет? Вполне допустимо, что отсюда и начнется та глубокая неуверенность в себе, какой будет потом мучаться всю жизнь взрослый, вовсе не глупый человек. Не подумайте, что предрекаю, но ведь это возможно!

Или другая крайность.

В наш журнал, где публикуются

детские стихи, консультанту ребенка творчества, скажем мне, звонит мама одного юного дарования, чьи стихи сравнительно с его ровесниками покамест еще так себе. Но мама — это мама! Беседа выглядит приблизительно так.

— Вы все можете сказать мне. Я его мама!

— Да, но ведь стихи-то эти он написал... Я бы лучше хотел поговорить с мальчиком.

— Но я его мама.

— Хорошо. Стихи еще очень слабые, совсем не оригинальные. Это не обидно. Это самое начало работы, из которой может что-то получиться впоследствии, но с таким же успехом может и ничего не получиться. С мальчиком я бы еще поговорил о его строчках, и, думаю, это было бы ему любопытно...

— Так вы не напечатаете?

— Эти стихи нет. Пусть пишет, присылает новые...

— Но ведь вы гораздо хуже печатаете!

Мама обиделась и мальчик, надо думать, тоже. Эта женщина ни в коем случае не хочет понимать, что несет в себе отказ «напечатать». Она считает: мальчик пишет стихи, стало быть он — поэт.

Дети пишут, как правило, о том, что сами прочитали или им прочитали в книжке, что увидели в кино или слышали где-нибудь. Да так и должно быть. Мальчик или девочка пробуют писать стихи, сказки. Ну и славно! И чем умнее, интереснее будет эта игра, тем лучше. Перестали сочинять, бросили, и тут нет ничего скверного. Возможно, они переросли эту игру. Пройдет время — появится новая. Все в порядке.

Я знаю взрослых людей, которые собирают, переплетают «книжки» из стихов или устраивают «выставки» из рисунков своих детей. Бывает, что делается это просто, без претензий, то есть взрослые как бы включают в игру, поддерживают ее: дают советы, помогают найти нужное слово, слушают сказки. Это можно только приветствовать. Но случается, что взрослые заигрываются, преувеличивают возмож-

ности детей, выдают желаемое за действительность. А это уже опасно. Всегда приятно глядеть на смущенного, бойкого, развитого ребенка и тяжело видеть маленькое, надутое тщеславием существо, которое больше влюблено в себя, чем в поэзию.

И еще два слова прямо по поводу нашего конкретного письма, которое мне понравилось от начала и до конца. И мальчик хороший, и хорошо, что дома никто не стремится его одернуть. Ровная, внимательная забота, ничего чрезмерного. Это главное!

наравне с математикой

Дочка-первоклассница пришла домой расстроенная: «У нас больше не будет физкультуры». Я решила узнать, в чем дело. «Это не уйдет, — ответила мне учительница. — Главное научить их математике». Из-за того что часть детей не успевает по математике, нередко на последнем уроке вместо физкультуры, пения, рисования, ученики решают задачки. Выходит, эти предметы проходить не обязательно. Или по таким предметам существуют только рекомендательные программы, и учитель может строить занятия в зависимости от успехов класса по основным предметам? Беспокоит меня и еще одно: не вредно ли первоклассникам два урока подряд заниматься математикой?

В. ПОМЫТКИНА
г. Новосибирск

За разъяснением редакция обратилась в Программно-методическое управление Министерства просвещения РСФСР. Предоставляем слово инспектору-методисту по начальным классам Маргарите Александровне ВАСИЛЬЕВОЙ.

— Учительница, о которой идет речь в письме, поступает неправильно. Физкультура, изобразительное искусство, трудовое обучение, музыка включены в школьную программу как обязательные учебные дисциплины.

Два урока в неделю первоклассники занимаются физической подготовкой. Во-первых, эти часы важны и сами по себе. Мы много говорим о том, что урок должен быть активным, что дети больше должны работать на уроке. Но после интенсивного умственного труда особенно необходима разрядка. Физкультура как раз и дает отдых голове, снимает усталость, восстанавливает силы. Выяснилось, что в те дни, ко-

гда есть урок физкультуры, работоспособность детей к концу занятий значительно выше.

Далее. Занятия физкультурой необходимы потому, что они служат развитию организма ребенка, укрепляют его здоровье. Возьмем хотя бы органы дыхания. Бег, лазание, прыжки развивают грудную клетку, способствуя, таким образом, притоку кислорода в организм. Я уж не говорю о лыжных тренировках на свежем воздухе, которые включены в программу с первого класса, — они дают возможность подышать абсолютно чистым воздухом.

Наконец, уроки физкультуры дают ребенку такие навыки, которые он может применить, занимаясь дома сам, например, зарядкой.

Когда ребята растут здоровыми, крепкими, выносливыми, они лучше справляются с учебной нагрузкой. В известной степени физкультура влияет на продуктивность занятий даже больше, чем дополнительный урок математики. Выдержать его первоклассникам действительно трудно, усталые ученики все равно плохо воспринимают материал, не способны активно думать.

Два часа в неделю отведено на трудовое обучение. Это — часть общей системы развития и обучения школьников. К семи годам, когда ребята приходят в школу, у них еще недостаточно развиты мелкие мышцы рук. А вот лепка, вырезывание, наклеивание на уроках труда развивают и тренируют руку. После этого и письмо дается легче, аккуратнее и красивее выходят буквы в тетради.

Хочу напомнить, что программы по трудовому обучению претерпели серьезные изменения. Ребята теперь не просто повторяют вслед за учителем определенные операции, а сами планируют, организуют свою работу. Они много работают с линейкой, угольником, учатся делать замеры, проводят расчеты. Модели, макеты, технические игрушки, которые готовят первоклассники, делают эти занятия увлекательными, интересными. В новых программах пересмотрен раздел «Техническое моделирование».

Среди поделок вы не встретите теперь ненужных безделушек, их заменили наборная линейка, счетный материал — вещи полезные, которые используются в обучении или в домашнем обиходе.

Все эти перемены наглядно убеждают в том, какое значение придается в начальных классах трудовому обучению.

Что касается уроков музыки, то

с этого учебного года действуют несколько вариантов программы. Первый — для школ, где с младшими учениками занимаются педагоги, имеющие специальное музыкальное образование, второй — для школ, где эти уроки ведут учителя начальных классов, и третий — особый — вариант предназначен для сельских малокомплектных школ. Это означает, что в любых условиях и все школьники без исключения должны приобщаться к музыкальной культуре.

Иным стал и курс изобразительного искусства. На уроках ребята не только пользуются карандашами, красками, учатся рисовать с натуры, по памяти, но и кроме того знакомятся с произведениями живописи, скульптуры, графики. Вот почему и учебный предмет называется теперь не «Рисование», а «Изобразительное искусство».

Теперь с первых лет на уроке из года в год, от класса к классу развивается художественный вкус. Правда, один час в неделю — времени не так уж много. Тем более дорог каждый урок, и лишать ребят даже этой возможности просто недопустимо.

Физкультуру, музыку, труд, изобразительное искусство школьники должны проходить наравне с математикой регулярно, соответственно программе.

где же „уроки улицы“?

Тихая, нелюдная улица. На dovolенной скорости проезжают машины. Улица хорошо просматривается в обе стороны. Четко обозначены переходы. Но вдруг из-за деревьев, там, где нет указателя, выскочил на мостовую мальчик лет двенадцати. Раздался резкий скрип тормозов. Мальчик так и не успел перебежать на другую сторону.

«Дорожные происшествия», которые ежедневно случаются на ули-

цах, дорогах, заставляют задуматься: всё ли мы, взрослые, делаем для безопасности детей?

Недавно мне пришлось выступать перед младшими школьниками. С помощью картинок, взятых в ГАИ, диафильмов рассказывал я о правилах поведения на улице. Аудитория была — вся внимание. И не потому, что я обладал каким-то особым даром красноречия, а потому, что сама тема была для слушателей новой и необычной. Откровенно говоря, они, маленькие школьники, до этого еще ни разу не видели и не слышали того, что должны были сто раз увидеть и сто раз услышать от своих родителей и в школе. Зачем ждать трагических происшествий, разве нельзя их предупредить?

Пусть ребенок еще совсем маленький и даже не знает, где право, где лево, но у него уже надо вырабатывать привычку: «Прежде чем перейти улицу, посмотри туда, потом сюда». Но чтобы это действительно вошло в привычку, нужны отнюдь не единичные замечания, а повторение и повторение: жестами, примерами, беседами во время прогулок.

Но вот ребенок стал школьником. Теперь школа должна продолжить эту работу. Первая книжка — букварь. Все там есть, но материала о дисциплине на улице очень мало. Может быть, об этом напоминает хотя бы книга для чтения или упражнения в учебнике русского языка? Увы, и здесь тоже почти ничего нет.

Я бывал не в одной школе нашего города. Сразу бросается в глаза яркое оформление коридоров. Здесь и стенгазета, и стенды с грамотами и призами, и плакаты о пожаре. А вот чего-либо (хотя бы один плакатик!) на тему «Автомобиль и пешеход» — нигде не видно.

Или еще пример. Трудно найти диафильмы о правилах уличного движения. То, что выпускалось когда-то, стало недоступной редкостью. А новые в продажу не поступают. Об этом в один голос заявляют продавцы магазинов в Москве, Калуге, Обнинске и Боровске.

В заключение мне хотелось бы сказать, что нельзя всю заботу о здоровье и жизни детей перекладывать только на учителей. Пропагандировать правила уличного движения должны и родительские комитеты, общественники. По своим встречам с ребятами знаю, как ждут они таких людей.

В. КРЫЛОВ
г. Обнинск

родительский
опыт

КАК ВЕТВИ ОТ СТВОЛА

Рассказывает

Герой

Социалистического Труда

Мустаким ЮСУПОВ,

мастер

Ташкентского завода
сельскохозяйственных
машин

Сорок три года производственного стажа, да около тридцати отцовского. Пятеро детей, двое внуков и десятки подростков, прошедших в нашей бригаде ученичество... Думаю, есть у меня право поделиться личным воспитательским опытом.

Некоторые родители так рекомендуют своих детей: «Мой сын очень способный, только ленивый». И учителя говорят им то же: мол, умный у вас мальчик, мог бы отлично учиться, только недисциплинированный, не старается. Самое удивительное, что родители такую характеристику вроде даже за похвалу принимают, гордятся ею. Да и учителя, видимо, не находят тут ничего обидного. Главное, понимаете, умный, природой не обиженный. А я вот как отец такой отзыв принял бы с большим стыдом! Что хорошего, если природа человеку много дала, а мы, воспитатели, эти дары пускаем по ветру? Скажем,

никому не понравится, такая рекомендация: «Ваш сын умный, только вот нечестный». А ведь они сродни: ленивый, недисциплинированный — значит уже недобросовестный.

Наверно меня сочтут чересчур строгим, скажут, что я слишком много требую от ребенка, ему и положено быть беспечным и даже легкомысленным. Ведь не старичок же, ребенок! Такие рассуждения может быть и верны, но при одном условии: если родители не прикрываются ими, чтобы оправдать свое попустительство и собственную лень. Быть снисходительным всегда легче и приятнее, чем требовательным.

Не подумайте, что в нашей семье дети не знают ласки, а только одну требовательность. Не только физических наказаний, но и грубого, резкого слова мы себе не позволяем. Говорим с ребятами ласково — и я, и жена моя Умри. Пришла она к нам, когда я был вдовцом с четырьмя детьми, и стала им заботливой матерью. Не боятся дети ни ее, ни меня. Но знают, что самым большим огорчением для нас будет услышать: «Ваш сын не старается». К счастью, такого мы не слышали. Ни о Шавкате, ни об Уткуре, ни о Батыре не говорили нам учителя: «талантливый», «выдающийся». Говорят: «Добросовестный, старательный. Тройками не удовлетворяется. Часами будет сидеть, чтобы исправить». Вот этим в своих детях я и доволен. Помоему, нет у человека более ценного качества, чем требовательность к себе.

Хочу сказать — не для хвастовства: удостоен я звания Героя социалистического труда, награжден орденами Ленина и Октябрьской революции, был делегатом XXII съезда КПСС, депутатом Верховного Совета республики. И хоть нескромно об этом упоминать, скажу: в республиканском музее на выставке есть моя фотография. А ведь все это — совсем не за выдающиеся таланты, но исключительно за добросовестность.

Еще в 1929 году поступил я учеником токаря в небольшую мастерскую. Потом, уже после армии, перешел на завод сельскохозяйственных машин. И вот уже тридцать шесть лет вхожу в одну и ту же проходную, почти три десятка лет, как стал мастером. Между прочим, когда-то отец мой, бедный ташкентский жестянщик, прочил мне другую специальность. Сам намаившись в нужде, приглядел для сына «хлебное» дело — мальчишкой отдал в учение парикмахеру. Я любил и почитал отца, но поступил все же против его воли — сменил бритву на станок.

В связи с этим хочу поделиться мыслями о родительском авторитете и детском послушании. У узбекского народа уважение к старшим в семье традиционно и авторитет отца, матери по-прежнему высок. Но что значит авторитет? Правильно ли будет сказать: «Слово отца — закон»? Думаю, нет. Закон в другом: уважай слово родителей, никогда не отмахивайся и не поступай вопреки ему без серьезных причин. Закон — именно в уважении, а не в слепом подчинении. Я поступил когда-то вопреки желанию отца, потому что убедился и всем существом почувствовал, что оно ошибочно. А вот мой сын Уткур согласился со мною, когда я посоветовал ему перейти на другую работу. Там, где он работал после десятилетки, компания подобралась неподходящая, отношения к труду должного не было. Прислушался сын к моему мнению, решил в типографию, поступил в вечерний техникум связи. И тут и там старается. А это, еще как раз скажу, — главное.

Когда я был молодым рабочим, один очень уважаемый человек сказал мне: «Мустаким, держись за свой завод. Человек, как дерево: чем меньше его пересаживать, тем лучше растет». И я тот совет запомнил. А сына своего «пересадил». Потому что бывает неподходящая почва, и тогда надо эту самую пересадку сделать, пока не поздно...

Так же подхожу я к судьбе молодых рабочих у нас на заводе. Как член парткома я участвую в комиссии по работе с молодежью. Один из важных вопросов — молодежные кадры, борьба с текучестью. Начинаешь разбираться: почему, скажем, этот парень хочет уйти? Заработок не устраивает или работа не по душе? Или не сумели привить к ней вкус? Не исключено, что просто обидел кто-то мальчишку, а то и сам мастер грубостью отпугнул или строгости перебрал. А может, и вправду человек к другому делу больше пригоден? С текучестью, конечно, надо бороться, но однако же не любой ценой. Заводу нужны кадры, но и к человеку, да еще юному, следует подходить не только с точки зрения производственных интересов. Считаться, прежде всего, с тем, где ему будет лучше в настоящем и в будущем. Подходить, одним словом, с отцовской позиции. И уж если я вижу (а это бывает не так часто) что и по склонностям, и по обстоятельствам лучше парню с завода уйти, — честно и посоветую: «Иди». А если лучше ему оставаться, так надо из-под его ног всякие лишние препятствия убирать. Пусть человеку шагаются, не то чтобы вовсе легко, но свободно, радостно.

А вот иные почему-то сами шагать не хотят. Например, работает на электрокаре молодой парень, со средним образованием. И по здоровью кровь с молоком, голова тоже со свежими знаниями. Такому учиться, квалификацию приобретать, а он больше ничего не желает — только электрокар возить. Сегодня, завтра, послезавтра... О будущем не думает. Конечно, получать свои девяносто рублей приятнее, чем ученических пятьдесят. А того в расчет не берет, что ученик через несколько месяцев сто пятьдесят получит и, главное, свою растущую силу будет чувствовать. И вот я думаю: как ни исправно такой возчик свою должность исполняет, все равно он нестаратель-

но, недобросовестно живет. По отношению к самому себе недобросовестно. Таких я стараюсь брать в оборот — убеждаю, самолюбие тревожу.

Много хороших молодых людей я узнал, подготавливая их к вступлению в партию. Тут, разумеется, не одним уставом занимаешься, а в каждую жизненную деталь входишь: чем живет человек, как свободное время проводит, как у него в семье? И чтобы он почувствовал: это — не для проформы, а для него самого. Чтобы сам раскрылся в своей живой душевной потребности.

Выступаю я и в школах, и в производственно-технических училищах, и в военных училищах. Рассказываю о нашем заводе, о хлопкоборочных машинах, которые от нас идут во многие страны мира. Машины все время совершенствуются. Бывает, вспоминаю военные годы. Завод тогда выпускал минометы, я на пяти станках работал, делал минометные стволы. И вот зимой сорок второго года командируют меня сопровождать вагоны на фронт с подарками от трудящихся Узбекистана — фрукты, вино, теплые вещи. Прибыли под Тулу, мороз 42 градуса. Провели нас к маршалу Рокоссовскому. Маршал поблагодарил за подарки, выпил со мной за победу. «Что — спрашивает — сделать вам приятное?» Я говорю: «Хотелось бы посмотреть как наши минометы бьют по врагу». И провели меня на позицию. Увидел в деле свою продукцию! И хотя до того трудился старательно, но от такого зрелища, казалось, прибавилось сил и сноровки. Выступая перед рабочими и работниками — солдатскими женами, рассказывал им о виденном — и убеждался: мой рассказ им тоже сил прибавляет. Когда рассказываю об этом теперь, тридцать лет спустя, у подростков и юношей глаза загораются. Меня это трогает. Люблю я вообще бывать с молодежью, беседовать с ней и в общих встречах и наедине.

Не буду говорить, что ко всем у

меня такие же отцовские чувства, как к собственным детям. Это будет просто красное словцо, не больше. Правда, однако, в том, что на своих учеников и воспитанников на заводе я смотрю не просто как на «производственные кадры», а как на ребят, которым по-отцовски хочу настоящего счастья. А в родных детях вижу не только свою плоть и кровь, но и тех, с кого спросят — и жизнь, и люди, и общество. Хочу, чтобы на такой спрос они ответили достойно.

Как бы ни был человек образован и умен, какие бы правильные слова ни говорил детям, как бы искренно ни старался принести им пользу, — настоящего воспитателя в нем нет, если он сам от общения с детьми не получает радости. Но как же, спрашивается, быть? Если он учитель, то может переменить профессию. А если отец, который еще не познал радости в жизни с детьми? Не уходить же ему от семьи? Я много раз видел, как люди, поначалу не находившие настоящего вкуса в труде, потом, когда лучше овладевали профессией, загорались к ней любовью. Это я говорю к тому, что и в воспитании, в родительском чувстве, как во всем, большую роль играет все та же требовательность к себе, добросовестность. Будет она — будет и любовь, и радость.

Когда думаю о своей жизни, приходит мне опять то сравнение, с деревом. Есть у большого дерева главный ствол. А на нем молодые ветви и совсем юные веточки. Мне давно за пятьдесят, а дочери моей Турсун ой около тридцати, сыну Шавкату, который в этом году пришел из армии и поступил к нам на завод, — двадцать два, Уткуру девятнадцать, Батыру пятнадцать, а Кадир еще только вошел в пионерский возраст. Да еще внучат — малыши. И мне кажется, я живу не только в своей, зрелой поре, а в каждом из них. Мне и тридцать, и двадцать, и десять, — потому что ни одну ветку и веточку от себя не отрезал.

Записала Г. МОГИЛЕВСКАЯ

предложения и предположения

УМНЫЕ ДЕТИ

*Н. АМОСОВ,
академик
Академии наук УССР*

«Задачу детства»

часто видят в том, чтобы
«подготовить ребенка к жизни».

Но чем глубже

наши познания о детстве,
тем очевиднее,

что каждая его пора,
начиная с самой первой —

не только трамплин
для прыжка в будущее,
но и значимое настоящее:
не подготовка к жизни —
сама жизнь.

Признание этой истины,
уважение к детству,
к его собственным
интересам и потребностям —
не просто знак того,
что мы стали добрее.

Нет, стали и умнее, понимаем,
что все духовные богатства,
которые предназначаем детям,
мы можем дать
только «с их согласия».

Такое согласие
не только достижимо,
но и естественно;
личные желания ребенка
в любую пору его жизни,
если мы сумеем
их хорошо оценить,
совпадают

с нашими устремлениями,
с тем, какими общество
хочет видеть
своих будущих граждан.
Такое согласие, наконец,
много обещает —
именно потому,

что сегодня мы знаем,
в какой значительной мере
приобретения детства
определяют дальнейшее становление
человеческой личности.

Поиск путей

к этому согласию —
сегодня забота многих.

В этом ряду, думается,
находятся и размышления
о развитии детского ума,
которые содержатся
в статье

известного медика

и физиолога

Н. М. Амосова,

которую мы перепечатываем
из еженедельника «Неделя».

Как важно — умные дети!

Это значит: хорошо учиться, читает, спрашивает, стремится постигнуть и сделать. Нет, не обязательно идеал послушания, «удобный» сын и ученик. Но в будущем — почти никогда, чтобы лжец или тунеядец. Почетное место в жизни и обществе. Если угодно — важное условие счастья.

Это — в личном плане. Для страны — это будущее. Лидеры в науке, изобретатели на заводе, творцы и толковые работники на любом месте.

Наш отдел в Институте кибернетики АН УССР занимается в числе других проблем социальной психологией. Точнее, мы работаем над моделями социальной личности — стимулами поведения и эффективностью их реализации в сфере труда, семьи, общества. Мы строим количественные модели — пытаемся выразить числом чувства, авторитеты, самосознание и цели, интенсивность труда, уровень интеллекта и многое другое. Представляем все это в динамике: как формируется и меняется социальная личность от момента рождения и до смерти. Не буду хвалиться успехами, это дело трудное и долгое, хотя совершенно необходимое для разумного управления обществом. Упомяну об этом потому, что для построения моделей нужно подробно изучить вопрос, отделить существенное от второстепенного, достоверное от сомнительного. Это касается и «умных детей».

Хаос мнений: «Главное — гены: умным нужно родиться»; «Нет, все дело в школе, постановке образования»; «Образование — ерунда. Образованные тоже бывают подлецами»; «Главное — воспитание, без-ошибочное чувство на добро и зло»; «Не надо ребенка учить до школы — можно испортить. Предоставьте это учителям». Другие учителя: «Пришел умненьким в первый класс — умным и школу кончит». Семья: «Главное — культурная среда».

Очень печально: мало надежных количественных данных, настоящей современной науки — и это по такому важному вопросу! Одно несомненно: воспитанию — первое место! Сначала гражданин, потом уже профессор или чернорабочий. Но так ли уж они отделены, эти две линии — воспитание и образование? Воспитать — это привить чувства: долг, совесть, честь, сострадание, преданность идее и Родине. Выучить — значит начинить мозг сведениями и научить ими пользоваться для достижения целей. В принципе — любых, даже

эгоистических, даже антиобщественных.

Я не утверждаю, что все образованные высокоморальны. Не утверждаю даже, что все они умные. Но есть другое: умные — на любом месте — более моральны. Их поведение больше согласуется с интересами общества. Косвенное доказательство — статистика преступности. Как правило, преступник — это низкий интеллект, низкая квалификация, отсутствие интереса к делу.

Итак, есть связь «интеллект — мораль». Но, может быть, преступники — неумные от рождения? Опять этот острый вопрос: соотношение генов и среды. Пока не будет количественной меры для измерения поведения на разных возрастных этапах, решить его нельзя. Однако есть серьезные данные в пользу главенствующей роли воз-действий общества.

Нет, конечно, нельзя сделать гения из любого младенца, но поднять каждого на хороший уровень, видимо, возможно. (Разумеется, кроме явно дефективных от рождения детей).

Еще одно замечание. Воспитание, то есть привитие чувств, без развития интеллекта — дело трудное. Возможно только примером и авторитетом в семье. На ограниченного человека действует ограниченная среда. Но если бы все родители уже были идеальными, не было бы проблем. Другое дело — умный. На него действует широкое окружение — книги, радио, телевидение, их моральное воздействие.

Итак, основной тезис: умного ребенка легче воспитать. Легче сделать из него хорошего гражданина.

Снова вернулись к началу: где же взять ум?

Есть сведения из различных отраслей наук.

Мозг ребенка к моменту рождения сформирован только в основных чертах. Он обеспечивает регулирование внутренних органов и простейшие внешние рефлексы: сосание, глотание, реакцию на боль. Даже способности видеть и слышать очень ограничены. Разумеется, в генах запрограммировано последующее после рождения формирование мозга — размножение и созревание его клеток, установление связей. В пять недель ребенок фиксирует взгляд, в шесть — прислушивается, потом — длинный ряд достижений. Но программа не жесткая. Созревающие клетки вынуждены сразу функционировать, и сам процесс созревания существенно зависит от их функциональной нагрузки. Настолько существенно, что может измениться количество новых клеток и связей, их

активность. Все это в будущем станет влиять на самую основу личности, характер. Интересны опыты на животных: очень ранними, целенаправленными воздействиями удавалось изменить, казалось, врожденные механизмы поведения, такие, как отношение к матери. Это получило название «импринтинг».

Очень важно для каждого периода развития дать соответствующее ему активирующее воздействие. Чтобы уже были клетки, способные воспринимать, но чтобы само воздействие не было бы чрезмерным по силе и не вызывало функциональных срывов. Понятно, это большая и сложная наука.

Но вернемся к детям. Кажется, все они одинаково развиваются в ранние месяцы: улыбаются, держат головку, произносят первые звуки. Небольшие различия обычно относят за счет врожденных качеств. А оказывается, и для младенцев очень важна среда. Кажущаяся одинаковость первого года объясняется тем, что ребенку нужны небольшие воздействия и они примерно однородны. Никто не пробовал выключить или коренным образом их изменить. Но сама жизнь в разные времена и в разных местах провела такие эксперименты. Достоверно известна судьба нескольких десятков детишек, похищенных и воспитанных животными, а потом спасенных людьми. Основная черта: все они оказывались страшно недоразвитыми, последующее их воспитание и образование оставались малоэффективными. Если дети возвращались в человеческое общество после 5—6 лет «плена», то их с трудом удавалось выучить ходить вертикально и говорить несколько десятков слов.

Попытки ускорить развитие не были столь демонстративны, но и методология их не установилась. Видимо, все дело в дозировке воздействий: они должны опережать созревание, но не слишком, и не перегружать мозг неприятными эмоциями.

Несколько крупных научных авторитетов давно настаивают на возможности развить интеллект с помощью ранних целенаправленных усилий. Прежде всего советский психолог Л. Выготский. Его книга «Мышление и речь» вышла в 1934 году, спустя несколько месяцев после смерти автора. В ней он доказывал, как важно рано учить детей понимать речь и говорить. Когда ребенок не знает название вещи, он как бы не видит ее. К сожалению, Выготского вспоминали и оценили только недавно. И не только у нас.

Крупнейший психолог Пиаже

еще в 30-х годах описал стадии, которые дети проходят в познании окружающего мира. Он выдвинул своеобразный тезис: «Чем больше ребенок видит и слышит, тем больше он хочет увидеть и услышать». По-современному: информированность порождает жадность к информации. Есть оптимальное соотношение «порции нового» к уже накопленному. Если нового много — оно не воспринимается, так как устает внимание, человек теряет нить. Нового слишком мало — следить надоедает, скучно. Искусство или наука обучения заключается в том, чтобы выбрать дозу. Это касается и взрослых, но для детей особенно важно, так как дозированное воздействие на малыша ведет не просто к накоплению сведений, а формирует мозг, влияет на способности и восприятие.

Широкие исследования по раннему обучению проведены в последнее десятилетие в Гарвардском университете в США. Ученые Бэртон Уайт, Дж. Брунер и другие разработали специальные методики, позволяющие количественно оценивать уровень интеллекта и социализации. Они начали с шестилетних и обнаружили очень большие отличия в развитии. Анализ показал, что они определяются условиями семьи, качеством материнского воспитания. Все зависит от того, сколько времени и умения у матери. Умение — это доза информации и форма ее преподнесения. Затем ученые взяли под наблюдение несколько сот 2—3-летних ребят, тщательно определив их семейные условия. Через 3—4 года они увидели результат: все дети, которых рано и правильно учили, стали отличниками, в контрольной группе отлично успевали только 10 процентов детей.

Краткие выводы из их работы. Основы интеллекта закладываются в первые годы. К четырем годам — уже половина интеллекта 17-летнего, к шести годам — две трети. Темпы дальнейшего нарастания определяются исходным уровнем перед школой. Если он низок, усилия учителей окажутся недостаточно эффективными. Впечатление, что школа не прибавляет некую сумму информации к дошкольному уровню, а умножает его на определенный коэффициент. Именно потому с возрастом разница в интеллекте возрастает.

Следующим шагом был эксперимент. Энтузиасты-педагоги организовали систематические занятия с маленькими детишками индивидуально или в маленьких группах по 3—5 человек. Результат подтвердил ожидания: возрастание интел-

лекта прямо зависело от возраста и затраченного времени.

Насколько все это серьезно? Похоже, что серьезно: у истоков нового направления стоят солидные имена психологов. Теоретические посылы несомненны: функция формирует структуры растущего организма. Но настоящая педагогическая наука началась не так уж давно. У скептиков достаточно оснований сомневаться: мало ли уже было всяких увлечений.

Несомненно одно: для нашей страны, для воспитания нового человека это может оказаться очень важным. Значит, следует думать психологам, педагогам и — самое главное — родителям. Именно на них лежит главная ответственность за судьбу ребенка, детей. Если семья не подготовит ребенка к школе, учителя не смогут радикально изменить положение.

Как же выглядит система раннего активного воспитания? Первое условие — правильная дозировка воздействий в зависимости от возраста. Много — ведет к перенапряжению и срывам, мало — не действует. Второе — форма. Любовь и ласка. Ровность. Твердость в главном, но без упорства. Для воспитания чувств, кроме того, личный пример. Разумеется, необходимо время. Один час «квалифицированной» работы — разговоры с ребенком, еще 1—2 часа — технической, например чтения. О гигиене, режиме питания, физкультуре не говорю, это само собой разумеется.

Расписание. Первый год — игрушки и разговоры. С ребенком следует ровно и много говорить. Показывать и называть предметы. С полугода — читать книжки с картинками. Наблюдать реакцию и по ней дозировать сложность, продолжительность, интервалы, переключения. Общение со взрослыми — вот главный источник информации для младенца.

Второй год — формирование речи. Активно учить говорить. Разговаривать, читать, спрашивать. Учить играть с игрушкой.

Третий год — продолжение предыдущего. Расширять словарь, умеренно заботясь о правильности произношения. Читать и беседовать. Учить заниматься самостоятельно: играть с игрушками, рисовать. Общение дает информацию, материал. Творчество развивается в одиночестве.

Четвертый год — то же плюс учение как обязанность, с очень осторожным нажимом. 15—20 минут в день, но «обязательной» работы. Буквы, слоги, счет. Грамматически правильная речь. Рисование, самостоятельные занятия с игрушкой.

Пятый год — чтение, письмо. К пяти годам ребенок должен уметь прочесть простые слова, написать их печатными буквами. Полчаса обязательной работы. Элементарное самообслуживание. Стимулировать самостоятельные занятия.

Шестой год — техника чтения. Отлично, если к шести годам ребенок будет читать для своего удовольствия. К сожалению, такое удается редко. Счет. Самостоятельные занятия: рисование, куклы, простые конструкторы. Письмо, арифметика.

Понятно, что это только грубая схема. Сроки могут немного сдвигаться, но главные пункты обучения крайне важны: речь, счет, чтение, рисование, умение заниматься самостоятельно. Результаты проверяются по сумме сведений и навыков, а также развитием воли. Главное, что надо запомнить: воспитание маленького ребенка — серьезная работа для родителей. Обычно возникает масса вопросов и возражений. Вот главные:

«Где взять время?» Неосновательно: в семье 1—2 ребенка на 3—4 взрослых. Возраст старости удлинился. Можно найти несколько часов для разговора.

«Не умеем». Это верно. Уметь — не просто. Нужно учиться. Физически трудно разговаривать с ребенком 2—3 часа. Искьяют темы, устаешь придумывать. Выход? Детские книги. Читать много легче, кроме того, в них мораль, воспитание.

«Как быть с телевизором?» Воздерживаться. Очень легкое дело: включил — ребенок и молчит, и получает информацию. Изучено: не эффективно. Поэтому ограничиваться детскими передачами.

Сложнейший вопрос — о яслях и садике. Если ребенок проводит в кроватке весь день и только вечером его берут домой, чтобы снова уложить спать, ждите низкое развитие. Много лучше — ясли на несколько часов в день, чтобы после еще оставалось время для воспитания. Это допустимо, если заставляют обстоятельства. То же самое — младшие группы садика. Другое дело — старшие, после четырех лет. Такой сад — необходимый элемент воспитания, инструмент социализации, особенно теперь, когда в семье зачастую одно дитя. Хороший детский сад может стать средством образования. Поэтому нужно сочетать домашнее воспитание с общественным. Не стремиться держать ребенка в садике до позднего вечера, а резервировать время для разговоров и чтения. И — очень важно — для само-

стоятельной работы ребенка, для одиночества...

Не буду говорить о специальных вопросах воспитания морали, о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Основная идея: раннее развитие интеллекта через обучение значительно облегчает решение сугубо воспитательных задач. Умный ребенок легче усваивает нормы поведения. К сожалению, он рано начинает понимать недостатки воспитателей тоже. Поэтому важно включить хорошие книги и хорошие фильмы для формирования идеалов. Но они «работают» только на интеллект.

Партия всегда рассматривала воспитание и образование как государственное дело. В свое время создавалась система школ, вузов, дошкольных учреждений. Похоже, что теперь наука открывает новые возможности повышения среднего уровня умственного развития граждан. Это требует пристального внимания. В наш век бурного научно-технического прогресса интеллект имеет самостоятельную ценность, но еще важнее видеть в нем средство воспитания, повышения уровня коммунистической морали.

Возможно, уже пора подумать о мероприятиях государственного масштаба. Разумеется, никто не призывает бросаться в крайности и начинать поголовную муштровку малышей. Но пришло время для осторожных экспериментов.

Прежде всего это касается науки. Наша психология и педагогика должны повернуться к маленьким. Имея армию ученых и большую сеть дошкольных учреждений, можно развернуть исследования широким фронтом. Как развиваются дети в зависимости от условий семьи? Яслей? Садиков? Как можно воздействовать на процесс развития? Разумеется, для такой работы нужен прежде всего инструмент измерения. Нужна методика количественного определения уровня интеллекта ребенка и степени его социализации, то есть умения находить свое место в коллективе. Без системы тестов не обойтись. Пора уже расстаться с излишними страхами перед фактом измерения психики людей. Опасен не инструмент, а его использование.

Пора начать опыты с приемом в школы шестилетних ребятшек. Эта цифра не мною придумана. Раннее обучение с успехом опробовано во многих странах. Это не только лишний год для учебы, это прежде всего еще и ранний год, возможно, стоящий двух поздних. Конечно, следует продумать систему отбора, чтобы принимать подготовленных детей, создавать для

них отдельные группы шестилетних.

Необходимо серьезно подумать о постановке работы в яслях и садиках. До сих пор они заботятся главным образом о «телесной жизни» ребят, и это, разумеется, не следует запускать. Даже усилить, в частности, количеством часов и объема физкультуры. Но интеллект не менее важен, чем здоровье. Пропустить ранние года — их не восполнить. Нужны экспериментальные детские учреждения с разной степенью образовательных воздействий. Долг ученых — создать их, руководить ими и изучать. Результаты, видимо, можно получить за несколько лет. Тогда можно решать вопрос о всей системе.

Семья остается основой дошкольного воспитания и образования. Родители, бабушки, дедушки должны знать, что характер и интеллект формируются до школы. Ответственность лежит на них. Кажется, с этим согласны большинство ученых-педагогов.

Необходимо учить родителей, как воспитывать детей, потому что это дело далеко не простое. Я не призываю к тому, чтобы родители бросились учить всех трехлетних малышей грамоте и таблице умножения, но одно положение сомнений не вызывает: нельзя жалеть время на разговоры. Не только отвечать на всевозможные «почему», а самим активно руководить беседой.

И очень осторожно показывать буквы, потом слоги, потом читать. Это несложно, не требует высокого уровня культуры. Редкие дети охотно берутся за чтение, вначале это связано с большим напряжением внимания. Следует проявить некоторую настойчивость, но ни в коем случае не чрезмерную, иначе можно выработать отвращение к учению. Дозировать настойчивость стоит от степени усвояемости, успехи обязательны. Они — источник положительных эмоций ребенка.

Для обучения родителей есть много каналов: телевидение, радио, книги. Очень нужна книга для родителей. Бенджамин Спок не идеал, он слишком полагается на природу и пренебрегает активностью в обучении. Несомненно, наши педагоги могут написать хорошие книги по этим вопросам. Издательства выпустят их миллионными тиражами, чтобы они были в каждой семье.

Воспитание маленьких — это очень важно. Для родителей, для государства, для будущего. Об этом следует постоянно помнить всем взрослым, у кого есть или будут дети. И в первую очередь ученым-педагогам. Это их долг перед Родиной.

МЫ ПРИЕХАЛИ

Наш поселок Светлый — небольшой. Мы сюда переехали в тот год, когда умер папа. Маму пригласили сюда врачом в больницу.

В первый же день мы с Валеркой убежали на речку. Какая же красавица Зяя, широкая, полноводная! На другом берегу невысокие горы, поросшие лесом. А на нашем — мелкий желтый песочек и много разноцветных камешков. Мы сразу бросились набивать ими карманы. Недалеко черноволосяй курчавый мальчишка удил рыбу.

— Дай немножко половлю, а? — попросила я.

Мальчишка смерил нас с ног до головы уничтожающим взглядом, плюнул сквозь зубы и отвернулся.

— Дай, мальчик, по-жал-ста, — повторил Валерка.

— Как дам по зубам, так копылки задерешь! — неожиданно хриловатым басом ответил рыбак.

Мы с Валеркой отошли. Потом влезли в стоявшую вблизи лодку, наполовину погруженную в воду, и, перегнувшись через борта, стали увлеченно хлопать по воде. Вдруг мальчишка-рыбак громко закричал:

— Утонет ведь, растапа!

Пока я соображала, что случилось, он вскопился в лодку и, перегнувшись через борт, схватил захлебывающегося Валерку за шиворот. Через минуту мой брат, сидя в лодке, отфыркивался, отплеывался, вода бежала из носа, наконец он заплакал. Мальчишка еще раз выругался и ушел.

Так состоялось наше знакомство с Ванькой Карповым. Самое неожиданное, он оказался нам соседом — небольшая изгородь разделяла наши дворы. Мы это обнаружили часа три спустя, когда рассказали маме о случившемся. Со слезами на глазах она бросилась к спасителю, который появился с изгородью. Но он, буркнув что-то вроде «завела обедню», убежал за сарай.

Ванька был почти одного возраста со мной. Однако он оказался таким ловким и сильным, что перед этими достоинствами поблекли, стали чем-то несущественным для меня его грязные до черноты руки и ноги, всклокоченная цыганская голова, разорванные на коленях штаны.

С тех пор прошло несколько лет. Уже подросли наши младшие братишки Митенька и Андрюшка (они родились спустя 3 месяца после нашего переезда в Светлый). Я перенала Ваньку в учебе, так как он оставался на второй год. За это

время соседские отношения почти не изменились — он упорно избегал нашей дружбы.

ЦВЕТОЧКИ-ВЕНОЧКИ

С вечера мы все готовили к первому дню учебного года: собирали портфели, книги, авторучки, гладили формы. Валерка гладил себе сам. Какие стрелочки получились на его брюках! Я вспомнила, как мой брат впервые гладил себе брюки. Стрелочки оказались по бокам, на швах. Я и мама смеялись до слез — уж очень комичен был Ва-

ВОСПОМИНАНИЯ

О

СВЕТЛОМ

Н. СОМОВА

лерка в брючках-дошечках. А он стоял, стоял, да как заревет от злости. Но сейчас такого конфуза не случилось.

Еще рано утром, когда мы с мамой сделали два прелюбных букета, вдруг закапризничал Валерка.

— Не пойду я с цветами! Что я девчонка, что ли?

Мама начала ему, как маленькому, втолковывать: это — знак уважения и признательности учителям. Но Валерка стоял на своем. С большим трудом все же удалось убедить его, но только — до школьного двора... Во дворе он уже оказался без букета. Куда тот девался, так и осталось неизвестным.

А виной всему был Ванька, которому накануне брат предложил цветы с наших клумб (у Карповых их почему-то вообще не сажали). Презрительно сплюнув, он переспросил:

— Что? Цветочки-веночки? А ленточек не требуется?

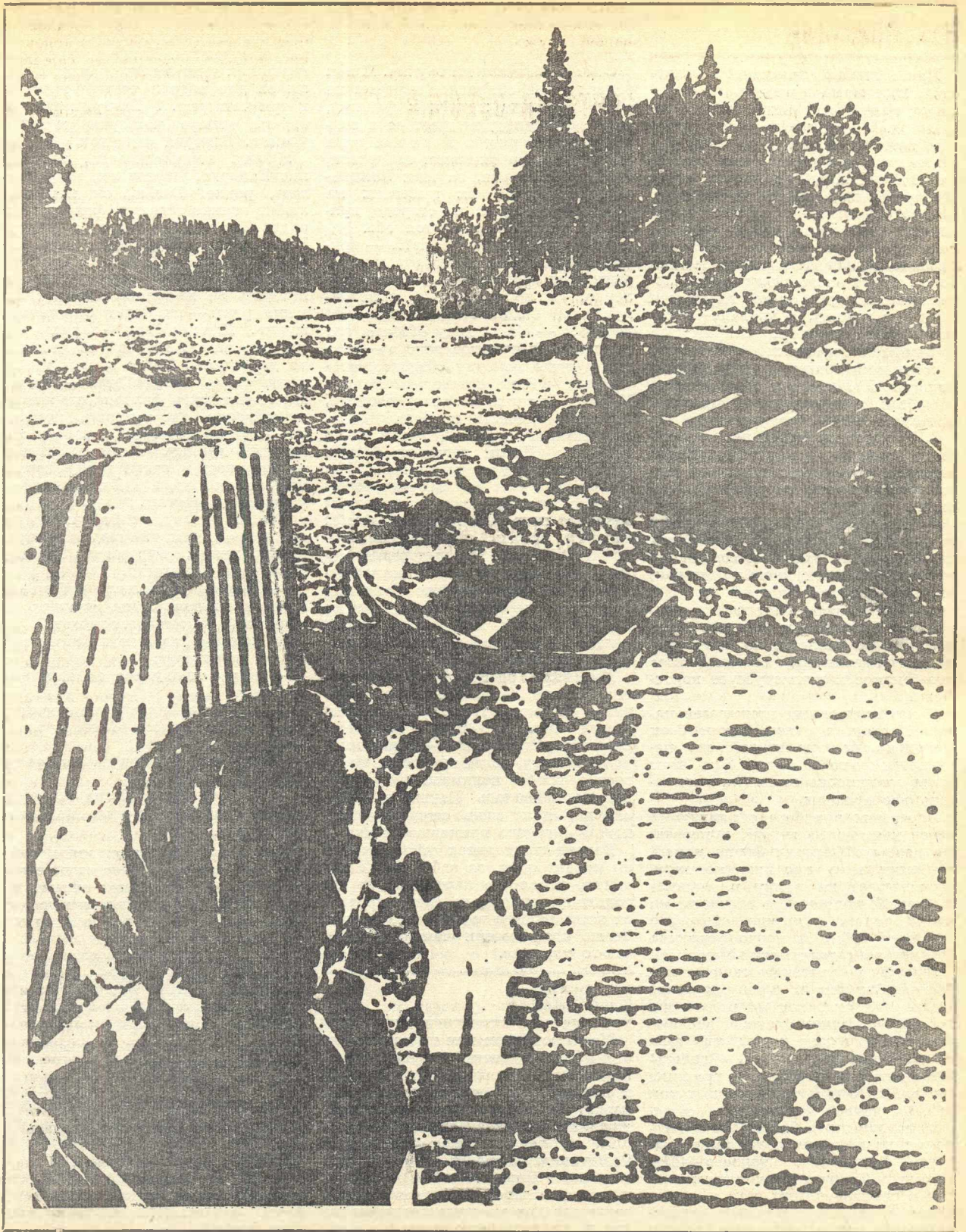
Вот это и сразило Валерку. Слова соседа стали для него авторитетнее маминых.

Когда мы с Валеркой возвращались из школы, мама встретила нас у калитки в нарядном платье. Какая она была красивая! У стола, одетые во все свежее, стояли Митенька с Андрюшкой. Оба держали в руках по свертку. В свертках лежали запасные авторучки, линейки, краски, кисточки, бутылочки с клеем, белая и цветная бумага, резинки. Сверх всего Валерке преподнесли с дарственной надписью «Детей капитана Гранта» Жюль Верна. А мне — набор пластинок на английском языке для уроков в 7-м классе. Я знала, в нашем магазине таких не было, значит, мама выписывала специально на почте.

Обед был на славу. Мы с Валеркой сидели на почетных местах, а мама и братишки-близнецы серьезно ухаживали за нами. Потом мы по очереди пели, декламировали стихи, слушали пластинку с любимой «Дюймовочкой».

Но радостный вечер неожиданно оборвался. За окном хлопнул выстрел, раздался крик, зазвенело стекло. Мы кинулись к двери, но мама решительно остановила нас, а сама побежала к соседям. Там у них, видимо, была очередная потасовка. Отец Ваньки — рабочий леспромхоза, огромный, широкий в плечах, всегда небритый, ходит он постоянно в мазутных штанах и куртке. Лицо у него обычно опухшее, с неизменными синяками и царапинами. Под стать ему и жена, женщина могучего сложения, но с каким-то неопределенным расплывшимся лицом. Мы увидели (не вытерпели и высунулись в окно), как они озверело тянут каждый к себе ружье. Потом бросили его и стали швырять друг в друга чем попало. Ванька попытался утащить ружье, но отец, увидев, схватил железные грабли и замаяхнулся. Наша мама вовремя перехватила его руку. Он тупо посмотрел на маму мутными глазами, тяжело дыша. Это было так страшно, что мы четверо выскочили на крыльцо и закричали. Мама бросилась к нам.

Праздник был испорчен. Подавленные, сидели мы потом тесной кучкой на диване. И каждому очень хотелось крепко-крепко прижаться к маме.

картошка

Как я люблю выходные! Накануне, когда мама приходит из больницы, мы на «семейном совете» решаем, чем будем завтра заниматься. Часто затеваем пельмени. Думаете, это все равно, что столовские? Нет, наши — пальчики оближешь! Появляем белые косынки, вместо фартуков — посудные полотенца, чисто-чисто моем руки и приступаем к работе. Приятно крутить ручку мясорубки, месить тесто. Мама сама раскатывает лепешечки, говорит: у вас получится одна — с кнопку, а другая — с лапоть. Мы хохочем. Старательно слепливаем краешки пельменей. У меня получаются самые аккуратненькие. У Митеньки тоже ничего. У Валерки — слишком пухлятые. У Андрюшки — совсем туже.

...Но в этот выходной нас не пельмени ожидали, а картошка. После завтрака двинулись на огород. Мама построила нас по росту и обратилась с речью:

— Товарищи бойцы! Перед нами ответственная задача: выкопать картошку, высушить и ссыпать в подпол. Разбиваемся на группы: в первой — бойцы Валерий и Наталья, во второй — Елена Александровна, Дмитрий и Андрей. Каждая группа работает на своей полосе. Объявляется соревнование: кто быстрее и лучше уберет картофель?

С командирскими приказами мама обращается к нам часто: боец Наталья (или боец Андрей), вам поручается то-то и то-то. При этом мама совершенно серьезна. Мы любим эти приказы.

Перерывы в работе объявляются через каждые 30 минут. В первый же перерыв Валерка бежит домой, приносит мою красную косынку, привязывает на палку и втыкает на нашей полосе. Мы обогнали на целый рядок. Андрюша обиженно надувает губы. А после перерыва больше всех горячится Митенька.

Я еще не рассказывала о своих братьях-близнецах. При рождении Андрюшка оказался на целый килограмм тяжелее брата. Митенька был до того маленький, что помещался в мамины ладони. «Слабенький, надо его щадить», — говорила мама. Так они и растут: один как пузырь, другой худенький и на целую голову ниже брата. Мы и имена их произносим по-разному: одного — Андрюшка, другого — Митенька. Оба кудрявые, светловолосые с синими-синими, как у мамы, глазами. Митеньку нельзя волновать, поэтому он может отобрать у

Андрюшки все, что захочет. Может даже стукнуть братца, а его самого никто не имеет права тронуть пальцем.

Сейчас обгоняет их группа. И как только мама объявляет перерыв на обед, Митенька мчится к флажку, вырывает палку, втыкает ее в землю у своего рядка. Пока мы моем руки, расставляем табуретки, исчезает Валерка, за ним Митенька. В поисках их выбегаем на крыльцо и видим: на огороде, прямо на земле барахтаются оба.

«Что произошло у вас?!» — кричит мама. «Мам, пусть эта пиявка отцепится от меня!» — умоляет Валерка. «И не отцеплюсь, и не отцеплюсь! Он картошку копал, это честно?» — «Я не хочу обедать, вот и копаю. Тебе какое дело?» — «Тогда я тоже не буду обедать, вот!»

После обеда приходит Ванька Карпов. Вначале он стоит поодаль, щелкает семечки и, посмеиваясь, покрикивает: «Давай, давай, а то обгонит!» Потом подходит ближе, садится в двух шагах от меня. Мы с Валеркой как раз здорово отстаем. Я нечаянно обломала ноготь и лезу за носовым платком, чтобы завязать палец. «А, растяпа!» — кричит Ванька. Он выдергивает у меня копалку, и через несколько минут ход соревнования меняется. Закончив очередной рядок, Ванька вихрем мчится к флажку, укрепляет его на нашей полосе и счастливо хохочет.

Митенька решительно протестует: «Уходи! Тебе не давали задания». «Я вместо Наташки», — огрызается Ванька. «Нет! — Митенька минутку раздумывает. — Или иди в нашу группу, тогда можно...» Неизвестно чем-бы кончился спор, если бы не появилась Ванькина мать. «Ну-ка, иди свою картошку копать!» — грозно приказывает она.

Ваньке приходится уйти. Теперь он копает один, за забором. Та же земля, такая же картошка, то же солнышко светит, но мне становится жаль нашего грубоватого соседа. Точно его обидели чем-то, отняли что-то хорошее.

в субботу

Мама поручила мне начертить настенную ведомость текущей успеваемости. В отличие от классной, в ней всего два ученика: я и Валерка. Митенька с Андрюшкой пойдут в школу на следующий год.

Из журнала вырезаю черепаху и космический корабль. Но как быть с лаптем? Переворачиваю половину нашей домашней библиотеки, даже заглядываю в мамины медицинские книги, но лаптя так нигде и не на-

хожу. Как тут его нарисовать?! Мама говорит, что это вроде тапочек или больших калош. В общем, кое-как изобразила. После ужина принимаемся выставлять оценки. У меня за две недели четыре пятерки и три четверки. У Валерки две пятерки, четыре четверки и одна двойка. Валерка сердится.

Я еще не рассказывала, какой у нас Валерка. Злитесь он, надо сказать, редко. Больше он юморист, любит всякие загадки, фокусы, шарady. Без конца говорит в рифму. Не скажет: «Андрюшка, твоя очередь идти за молоком», а скажет: «Скорей работай языком, потом пойдешь за молоком». Или: «Мой чаще руки — не будет с животом муки». Или: «Мухи — зараза, бей их три раза». Но сейчас Валерке не до рифмы. Мы с мамой непреклонны: «Заработал — ставь!»

В конце концов Валерка старательно выводит две пятерки, помельче — четыре четверки и совсем маленькую двойку. «Нате!» Я тотчас прикалываю к своей графе космический корабль, а к Валеркиной — черепаху с лаптем.

Как по заказу, на Валеркино несчастье, к нам приходит мамина приятельница, медсестра Татьяна Борисовна Синицына.

— Здравствуйте, люди добрые! — произносит она своим певучим говорком. — Как живете-можете?

От цепкого глаза тети Тани ничего не ускользает.

— А это что у вас за агитация на стене?

— А у нас Валерка на черепахе! — захлебывается Митенька от смеха.

А Татьяна Борисовна поворачивается к маме:

— А я за вами, Елена Александровна, хозяин прислал. Пойдемте на пироги.

Мама долго не соглашается, говорит, хочется с ребятишками почитать. Но от тети Тани отстать не так просто. В конце концов договариваются, что Митеньку и Андрюшку тоже берут в гости.

И вот что из этого выходит. Около девяти мама с малышами возвращается домой. Как только они начинают раздеваться, из-за пазухи у Митеньки что-то падает. Он поспешно нагибается, зажимает это «что-то» в кулачке.

— Что у тебя там? Покажи!

В кулачке у него маленький фарфоровый слоненок. Мама смотрит на Митю холодным, осуждающим взглядом:

— Нас пригласили в гости, накормили, сделали нам приятное. А ты? Кто же тебя после этого пустит в дом?

— Мне он понравился, — тихо отзывается Митенька.

— А мне у Татьяны Борисовны платке понравилось. Значит, тоже нужно было украсть?

— Я не украл. Я взял. У меня нет слонят.

— Мало ли у кого чего нет! — врываюсь я. — Ты думаешь, если тебе все у Андрюшки разрешают отбирать, так у всех можно, да? Нет, мама, ты сама его избаловала! «Слабенький, надо падать!». Ремня ему хорошего сейчас!

— Ремня не ремня, а пусть не сет слоненка назад, — солидно заявляет Валерка.

— Не понесу.

— Это почему?!

— Темно уже.

— Хорошо, я провожу, — предлагает Валерка.

— Мамочка, скажи им!.. — Митенька с умоляющим взглядом поворачивается к маме, уверенный в ее поддержке. И тут случается то, чего никак не ожидал ни Митенька, ни мы. Мама сует ему слоненка и выставляет за дверь.

— Иди отдай! Пока не отнесешь, домой не пушу!

Ни слова не говоря, следом за братом топает Андрюшка. Через пять минут выходим мы с Валеркой. В полосе света, падающей из окна, на лавочке, тесно прижавшись друг к другу, сидят Митенька с Андрюшкой. Что-то жалкое, сиротливое в их позе.

— Ну, пассажирского ждете? — подходит к ним Валерка.

Малыши молчат. Мы с Валеркой тянем Митеньку за руки, он упирается. Тогда просто подхватываем его под мышки и несем. У калитки Синицыных Митенька расплакался:

— Я ни-ког-да... не-бу... больше!

Глядя на него, в голос ревет Андрюшка. На весь этот шум громким лаем отзывается Казбек, выходит Татьяна Борисовна.

— Батюшки-светы! Наташа, Елена Александровна (мы и не заметили, что мама шла за нами следом), да что стряслось-то?!

— Я... сло...нен...ка... — Митенька не может говорить. Он протягивает злосчастного слоненка тете Тане и с громким плачем бежит прочь.

драка

Как-то вечером за окном раздалось отчаянное кошачье мяуканье. Мы с Валеркой вылетаем на улицу и видим, как Ванька Карпов на верстаке зажимает кошке связанные задние лапы.

— Ах ты фашист!

Валерка неумело бьет Ваньку по спине. А тот, оставив кошку, дает брату кулаком в живот. Валерка корчится и падает на землю. Не знаю, как уже это получилось, но Ванькино ухо оказывается в моих зубах, и я прокусываю его. Ванька взвыл от боли, на какой-то миг схватил меня за горло. Но подоспели малыши с Валеркой, и теперь мы бьем его все четверо. Впрочем, «бьем» — не совсем точно. Мы его кусаем, царапаем, щиплем из всех сил. Нам достается все-таки гораздо больше. Кулаки у Ваньки тяжелые, как гири. Через несколько минут он расшвыривает нас и уходит в дом.

Хотя мы основательно пострадали, но первым делом вспоминаем о кошке. Андрюшка уже успел высвободить ей лапы. Она царапается и кусается, но я крепко держу ее и проверяю, целы ли лапы. Левая безжизненно волочится. Я накладываю на лапку шину. Ванька, высунувшись из-за изгороди, удивленно смотрит: «Тьфу, дурни! Кошку бинтуют...»

Сначала он иронизирует, наблюдая за нами, потом умолкает и, наконец, даже пытается успокоить: «Зарастет, как на собаке!»

А на утро несколько кошек сидят привязанными около нашего крыльца, а на верхней ступеньке сам Ванька.

— Выбирай, какая нравится, — предлагает он мне. — Никакая? Так еще наловлю.

— У нас есть Кешка, ты же знаешь.

— А чего редела тогда?

— Дурак ты, понятно?

Некоторое время он молчит. Потом снова начинает.

— Ну, возьми для Митьки вот этого, пушистого. Красивый же.

— Не надо. Мама не позволит. И потом, ведь ты наворовал их всех?

— Тьфу! Кто их будет искать?!

Ванька отвязывает кошек и ретируется. А после обеда приходит снова и неловко сует Валерке поллитровую банку с брусникой.

— На, спелая-преспелая, отдай Митьке.

Как ни странно, но именно эта драка сблизила нас. Уже через неделю мы знали, что Ванька очень любит смотреть «кино» (так он называл диафильмы), пить лобзиком (этому его научил Валерка), лепить из пластилина. И до ужаса не любит разбирать предложения по русскому языку.

— Ну, какому черту нужны все эти прилагательные-разлагательные, наречия и другая мурз?! — кричал он возмущенно. — Пусть бы одни глаголы и существительные.

— Не нужны, говоришь? А если зададут тебе сочинение написать, например «Мои летние каникулы». Вот тебе бумага, пиши... Но только существительными и глаголами.

— Испугала! И напишу. — Он берет бумагу и начинает: «Летом я часто купался в Зее».

— «Часто» — это наречие, значит, выбрасывай. «В» тоже выбрасывай, это предлог.

— Как же сказать? Купался Зей, что ли?

— Как хочешь, раз взялся писать!..

соревнование

В конце ноября как-то утром, пока мы с мамой помогали Митеньке с Андрюшкой собираться в детсад, Валерка убежал в школу, не заправив своей кровати. Мама расстроилась. Потом подумала и решительно говорит:

— С сегодняшнего дня вводим соревнования по домашним работам.

Вечером мы обсуждали условия соревнования. И решили так: к каждому празднику будем подводить итоги. Победитель награждается призом. А повседневно за ту или иную домашнюю работу выполнявший получает определенный балл.

Конечно, у каждого и до этого были свои обязанности. Но о них нужно было напоминать, особенно Андрюшке с Валеркой. А тут каждый захотел быть победителем! Андрюшка с Митенькой волновались больше всех. До сих пор им не разрешали мыть полы самостоятельно. Теперь же они оба возмущались:

— Конечно, вам так по десять баллов, а нам ничего!

Решили, чтобы никому не было обидно, отнести каждому по комнате. Мне — кухню и прихожую, Валерке — детскую, маме — спальню, а общую комнату будут мыть вдвоем малыши.

С тех пор в доме воцарился просто идеальный порядок. Баллы накапливаются в нашей тетрадке. Скоро праздник. У меня уже 130 баллов, у Валерки — 135. Но я все равно обогнал! За четыре дня до Нового года, когда Валерка пришел из школы, то тут же увидел, что я до обеда успела вымыть полы во всем доме. Валерка подбежал к тетрадке и открыл ее.

— Вот-вот! Я так и знал, приписала себе сорок баллов. Я порву тетрадь совсем.

— А что мама скажет? Это честно, да?!

— А полы за всех мыть честно?! — Валерка помолчал, а потом

добавил: — Ну ладно. Я тоже кое-что придумую...

— Что?

— Не твое дело. Иди, иди, опоздаешь в школу!

Я еле-еле досидела до конца уроков. А прибежав домой, увидела: Валерка заканчивал мыть полы. Значит, он все мыл снова! Заглянула в тетрабочку баллов. Так и есть, Валерка тоже поставил себе 40 баллов. Вечером, когда пришла мама, она, конечно, все сразу поняла и вынесла строгий приговор:

— Всякая работа должна быть полезной. По два раза подряд полы не моют, поэтому зачеркиваю ваши приписки. И еще снимаю по три штрафных балла у каждого.

Как только мы уединились в детской, Валерка прошептал:

— Обхитрила! Дура!

— От дурака слышу!..

Мы говорили горячо, взволнованно, но шепотом, так как в эту минуту не могли обойтись без «запретных слов». И вдруг я осеклась: мама стояла в дверях и держала вверх руки с загнутыми пальцами. Это означало, что за нехорошие слова мы отдаем еще несколько баллов.

НОВЫЙ ГОД

Вечером мы помирились, потому что ссориться было некогда, нужно было скорее заканчивать новогодние костюмы. Мама шила черный сюртучок, черные смешные штанишки до колен и черный колпак. Это костюм Андрюше, он будет «звездочетом». Вообще, все мы работали по-ударному, как сказала мама. Андрюша с Митей вырезали из серебристых бумажек из-под конфет крохотные звездочки.

29 декабря в школе была елка. Валерка появился в костюме негра, разрывающего серебристые цепи. Правда, он их не разрывал, а, наоборот, боялся, как бы кто-нибудь не подтолкнул его и не порвал цепь из школадной обертки. Но все обошлось! Мы с мамой измазали лицо и руки Валерки жженой пробкой. Для парика вырвали из старой кепки подкладку, сбмазали ее клеем и посыпали обрезками черной шерсти. Валерка одел парик и сам не узнал себя. И вообще, его до конца праздника никак не могли узнать. Жюри присудило ему вторую премию.

Правда, не обошлось без небольшой неприятности. Лиля Веточкина из Валеркиного класса подошла к «негру» и пригласила его танцевать. Танцевали они неплохо, но когда он отошел от своей партнерши,

все увидели на ее белоснежном платье огромные черные пятна. Ну и конфуз получился!..

30 декабря был очень суматошный день. Пока мама ушла в больницу, нужно выпустить нашу семейную газету. Дело в том, что первое января — мамин день рождения. И вот я беру оранжевую краску, пишу на большом листе: «С днем рождения, дорогая мамочка!» Каждый пишет свое пожелание. Вот мое: «Желаю вылечить всех, всех своих больных, и быть самой счастливой на свете!» Андрюшка и Митя печатными буквами пишут одно и то же, только разными карандашами: «Поздравляю мамочку!»

Затем прикрепляем нашу газету кнопками, и все четверо смотрим на нее из разных углов комнаты. Никак не можем налюбоваться.

Закончив газету, принимаемся за убранство комнат. Распределяем, кому что делать, и стараемся почестному, изо всех сил. Хотим к приходу мамы превратить нашу квартиру в сказочный дворец.

...Мама приходит и удивляется всему. А газета вызывает у нее слезы. Она благодарит за пожелания и целует каждого из нас.

31 декабря. Наконец-то мы дома все вместе. Мама поддерживает нашу идею украсить комнаты гирляндами. Сразу после завтрака принимаемся за работу.

Когда начинаем прибивать нитки к потолку и стенам, выясняется, что нет маленьких гвоздиков. Я мчусь к Карповым. На мой стук почему-то никто не отвечает. Нерешительно открываю двери.

— Вань, ты дома?

Прохожу по комнатам. Никого. Осматриваюсь. Грязный, невымытый пол, посреди комнаты опрокинутый стул, стол, заставленный тарелками с остатками еды, огрызки огурцов, хлебные корки, пустые бутылки, скатерть, залитая киселем. Вспомнилось, что вот уже несколько дней подряд у Карповых гуляли. А сейчас, видимо, где-то продолжают начатый праздник...

Стук из кладовки помогает найти Ваньку. Он сидит на корточках возле огромного деревянного ящика и сбивает молотком замок.

— Зачем ты?

Ванька вскидывает черные цыганские глазищи. И вдруг я замечаю, что он удивительно красив, этот наш нелюбим сосед. Волнистый темный волос, прямой тонкий нос, яркие пухлые губы.

— Ну, чего встала?

Я не успеваю ответить. Грохал о дощатые стены, вваливается мать Ваньки.

— А, замки ломать, бандюга!

Ванька пытается выскользнуть из кладовки, но тяжелая материнская рука цепко хватает его за ворот. От страха я не могу сдвинуться с места. Громадные кулачищи падают на голову мальчишки. Я кричу, не помня себя от страха. Валерка и мама, прибежавшие на мой крик, помогают вырвать Ваньку. Насильно утаскиваем его к нам. Лицо мальчишки в крови, он еле держится на стуле. И вдруг Ванька сгорбился, уткнулся головой в свои колени.

— Не пой-ду я боль-ше домой! Убегу куда-нибудь!

В горле его что-то придушенно клокочет. Я догадываюсь, что Ванька отчаянно борется с собой. Слезы боли и обиды душат его, требуют выхода, а он всеми силами старается подавить их в себе и... не может. Мы с Валеркой, как по команде, отводим глаза. Ванька мог подражаться, наврать, украсть, наконец. Но плакать... Мама кивком головы подает мне знак, чтобы я немедленно увела всех.

Потом пришел Степан Степанович. Бьет нам стекла, грозитя всех передумать за то, что «отбиваем парня от дому».

Эта новогодняя ночь приносит неожиданные и большие изменения в жизни нашего Ваньки. Отца арестовали. Был суд. Степану Степановичу дали год исправительно-трудовых лагерей.

Мы провожаем Ваньку в школу-интернат. Ждем автобуса. Пассажиров много. Все радуются яркому солнышку и искрящемуся белому-пребелому снегу, шумят, толкаются. И только Ванька стоит молча, плотно сжав губы. Он очень изменился за эти дни, осунулся, похудел, кажется, стал выше ростом. Когда стали прощаться, мой брат вдруг смущенно сунул в руки Ваньке самую дорогую свою вещь: складной ножик-набор. Глаза Ваньки вспыхивают. Он внимательно смотрит в лицо Валерке. Сейчас они, кажется, впервые узнали друг друга, поняли в чем-то самом сокровенном для них, мальчишек.

Малыши тоже тянут ручонки, чтобы пожать Ванькину руку. А тот немножко смущенный и благодарный за такое внимание, подхватывает на руки Митеньку, подбрасывает вверх.

— Еще! Выше! — требуют Митенька.

Мы смеемся, и только мама почему-то отвертывается, начинает старательно утаптывать снег у автобусной подножки.

— До свидания, Ванька!

— Приезжай в гости!

— Будь счастлив, мальчик!

Моя семилетняя дочь очень неразговорчива, можно сказать даже она просто боится говорить, особенно при посторонних. Может быть, это оттого, что она немного запинаясь при разговоре? Как с этим быть?

М. ШИМ-ВА
Новгородская область

Уважаемая товарищ Шим-ва!

Как и другие виды навязчивых страхов, страх перед речью (логофобия) чаще возникает у детей впечатлительных, робких, неуверенных в себе. Такие дети зачастую болезненно относятся к действительным (или даже мнимым) недостаткам своей речи, считают их непреодолимыми. Ребенок, например, плохо выговаривает какие-то звуки и опасается, что над ним будут смеяться. А ведь такое бывает — окружающие порою неправильно относятся к недостаткам речи ребенка. И тогда он избегает слов, в которых встречаются трудные для него звуки, или вообще старается поменьше говорить. Он предпочитает молчать, или отвечает жестом, или прячется за ответ «не знаю».

Иногда же страх перед речью ведет к противоположному недостатку — многословию. Ребенок говорит торопливо, сбивчиво, боясь, что его не поймут или поймут неправильно, одно и то же повторяет несколько раз, лишь слегка изменяя фразу. Нередко здесь то, что дефектологи называют эмболизацией — добавление лишних, бесконечно повторяемых слов или сочетаний («это», «вот», «ну», «так сказать», «значит»). Произнесение их позволяет ребенку выиграть время и подобрать удобные для него слова и грамматические формы. Некоторые другие явления, которые часто относят за счет «неразвитости» или «бестолковости» (неумение связно рассказывать, монотонность и невыразительность рассказа, «потеря» слов при разговоре и т. п.), могут быть также вызваны именно лого-

фобией. Дело в том, что дефект этот, возникая первоначально на основе какого-то одного недостатка, не только усугубляет его, но и приводит к возникновению новых нарушений речи.

Нет нужды подробно объяснять, сколь тягостна боязнь речи для самого ребенка и сколь она вредна для его развития. Ребенок, которому трудно говорить, неуверенно чувствует себя в кругу сверстников, ему тяжело на уроках, он все время настороже, в ожидании насмешки или упрека.

Что же надо делать? В каждом случае боязни речи необходимо прежде всего выяснить ее причину. Детские страхи (в том числе и логофобия) только внешне выглядят необоснованными, немотивированными. На самом деле причина существует всегда: она кроется либо в самом ребенке (эмоционально неустойчивый, застенчивый, робкий, неуверенный), либо в неблагоприятных условиях окружающей среды (неправильное воспитание, конфликтные ситуации). Чтобы преодолеть страх, и нужно устранить эти внутренние или внешние его основы. Но сначала их надо обнаружить.

Так, застенчивость и робость могут вызвать у ребенка нежелание и боязнь говорить при чужих, мало знакомых людях. В этом случае не надо очень настаивать и требовать от него особенной говорливости. Надо постепенно, последовательно, но и очень осторожно, бережно тренировать его навыки общения. Если же страх речи основан на каком-то дефекте произношения, то здесь необходима прежде всего работа над исправлением этого дефекта — занятия у логопеда или самостоятельные упражнения.

Проконсультироваться с логопедом и врачом-психоневрологом вообще необходимо в любом случае: они и помогут определить, в чем причина логофобии, и дадут совет, как организовать режим, лечение и занятия.

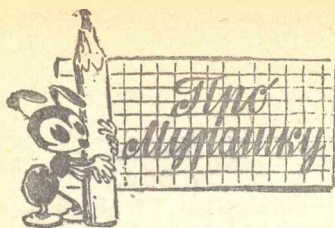
Родителям не следует пренебрегать общеукрепляющими мерами: тут важны правильное питание, со-

блюдение распорядка дня, занятия спортом, прогулки. Общая или нервная слабость ребенка часто оказывается основной причиной страха; и достаточно поправить здесь дело, как и сам страх исчезнет. По мере сил надо устранить травмирующие воздействия окружающей среды. Следует помнить, что ребенка травмируют не только те, кто смеется над ним, дразнит или упрекает, но и преувеличенное сочувствие, снисходительная жалость, безнадёжные охи и ахи окружающих.

Иногда полезна смена обстановки, перевод ребенка в другое учреждение (детский сад, школу, класс), чтобы изолировать от тех, кто его раздражает и беспокоит. В других случаях лучше просто оставить его в покое и предоставить самостоятельно заниматься тем, чем он хочет. Порой только этого бывает достаточно, чтобы прошел страх.

Вообще, воспитание самостоятельной активности и уверенности в себе — одно из самых существенных звеньев в работе с детьми, у которых есть речевые (или какие-то иные) дефекты. Надолго вряд ли возможно создать вокруг подрастающего человека психологически стерильную, оберегающую атмосферу — обстоятельства или люди так или иначе, волею или неволею, укажут на его недостаток. И здесь важно, как он сам относится к этим «раздражающим» напоминаниям и к самому недостатку — считает ли его непреодолимым, роковым, лишаящим его возможности занять равное со сверстниками место в жизни или же полон желания преодолеть этот дефект и добиться своих целей, несмотря на него. Недаром же выдающийся советский психолог Л. С. Выготский подчеркивал, что судьбу личности в последнем счете решает не дефект сам по себе, а его социально-психологическая реализация.

С. ШАХОВСКАЯ,
кандидат педагогических наук,
Б. ШОСТАК,
врач,
кандидат педагогических наук

Э. КРАСС, Г. САШИН

Дорогие родители первоклассников! Это наша последняя встреча в нынешнем учебном году (см. № 8 и 10 «Семьи и школы» за 1971 год и № 1 за 1972 год). Речь пойдет об умножении. (В школе дети начнут изучать его в конце апреля — начале мая). Вы должны учесть, что в 1-м классе дети только знакомятся с умножением. Главное для них понять, как заменяется умножением суммирование одинаковых слагаемых. Поэтому «объяснение няни» нужно разобрать хорошо. В рассказе есть материал, углубляющий тему: отыскание 7.7,

исходя из того, что $6.6 = 36$; таблица умножения. В последних строках поставлен вопрос о коммутативности (переместительности) умножения: произведение не меняется от перестановки сомножителей. Если ваш ребенок заинтересуется, расскажите ему об этом. Но только если заинтересуется!

Мы будем очень рады получить от вас отклики на наш цикл «Про Муравьку». Это помогло бы нам в дальнейшем. Передайте вашим детям наш горячий привет и пожелание хорошо учиться.

Авторы

СКОЛЬКО БУДЕТ ДВАЖДЫ ДВА?

Художник Е. Мигунов

Солнце уже высушило траву от утренней росы, когда Мурашка открыл глаза. Муравчик спал рядом. Другого товарища по дальним странствиям — паучонка Пауля — нигде не было видно. Мурашка и Муравчик были одни в этом закоулке родного муравейника. Присмотревшись, Мурашка увидел невдалеке няню. Он поворочался еще немножко и направился к ней. Няня очень ему обрадовалась.

— Выспался наконец? А то тут совсем скучно. Пауля мать-паучиха домой забрала, а я вас с Муравчиком караюлю. Муравьи-строители все на работу пошли. А вы отоспитесь и снова путешествовать?

— Нет, что вы, — робко ответил Мурашка. — Мы никогда больше не будем уходить без спроса.

— И правильно! — Так-то оно будет лучше. А расскажи, что ты там увидел, в путешествии.

И Мурашка стал рассказывать о полете на стрекозе Стрезилле и о возвращении домой. Во время рассказа к ним подошел заспанный Муравчик.

— Так сколько же вы прошли пешком? — спросила няня.

— Два дня по семь переходов, да один день — четыре перехода.

— И каждый переход — два часа, — добавил Муравчик.

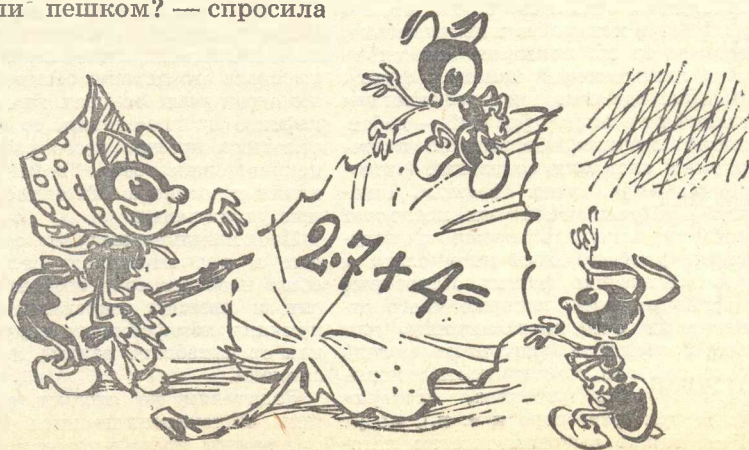
— Сейчас мы сосчитаем, сколько переходов вы сделали. — Няня взяла листочек и написала:

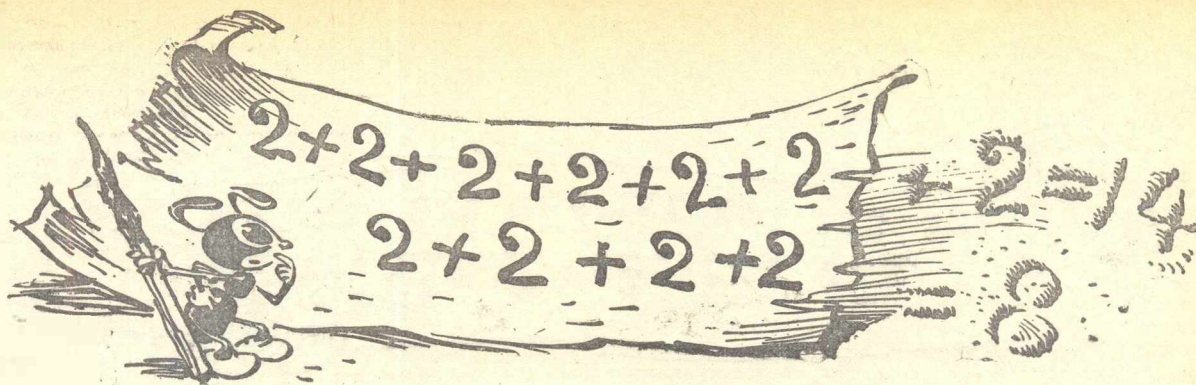
$$7 \cdot 2 + 4 =$$

— Тетя няня, вы же неправильно пишете! У вас целых две ошибки! — воскликнул Муравчик, взглянув на листок.

— Где ошибки? — забеспокоилась няня.

— Да вот здесь! Мы же шли два дня по семь переходов. Значит, нужно к семи прибавить семь! А вы к семи прибавили два, да еще вместо знака сложения поставили какую-то точку! — И Муравчик победно посмотрел на Мурашку: мол, не забыл ли

ты, что я теперь всю математику знаю.

— Да нет, — улыбнулась няня, — тут все правильно. Двойка и точка здесь потому, что у меня не сложение, а умножение. Вместо того чтобы к семи прибавлять семь, я умножаю семь на два.

Мурашка и Муравчик смотрели на няню во все глаза, но пока что ничего не понимали.

— Ах, вот в чем дело! Вы не знаете, что такое умножение? Сейчас я объясню. Умножение — это сложение одинаковых чисел. Вы шли два дня по семь переходов. Это можно записать сложением: $7+7$. Видите, получилось сложение двух одинаковых чисел. Поэтому можно заменить это сложение умножением. Сколько раз взято число семь?

— Два, — пискнул Мурашка.

— Вот я и пишу: семь умножить на два. А точка — знак умножения. И выходит $7 \cdot 2 = 14$. А еще к этому прибавить четыре перехода — будет 18. Понятно?

— Понятно, — сказал Мурашка. — Только зачем оно нужно — это умножение?

— Ну, например, для сокращения записей.

— Какое же это сокращение? Что $7+7$, что $7 \cdot 2$ — одинаково долго писать.

— Да, здесь одинаково, — согласилась няня. — Но да-

вайте узнаем, сколько часов вы шли в каждый из дней. Мурашка, сосчитай!

Мурашка сначала хотел сделать это умножением, но побоялся напутать и написал:

$$2+2+2+2+2+2+2+2=14$$

$$2+2+2+2=8$$

— Вот, — сказал он, — каждый переход длился по два часа. Значит, если семь переходов, то складываем семь двоек, это четырнадцать часов. А если четыре перехода, то складываем четыре двойки. Будет восемь часов.

— А я, — сказала няня, — запишу это так:

$$2 \cdot 7 = 14$$

$$2 \cdot 4 = 8$$

Видите, насколько это короче? И на берестяной страничке уместится.

— Вот это здорово! — подпрыгнули муравьишки. — Но откуда вы знаете, что два умножить на семь будет четырнадцать, а два умножить на четыре будет восемь?

— Я это хорошо помню, — отвечала няня, — как и всю таблицу умножения. Ее должен знать каждый, кто хочет научиться быстро считать. Вот смотрите: два умножить на семь — четырнадцать, два умножить на четыре — восемь, пятью пять — двадцать пять, шестью шесть — тридцать шесть...

— Семью семь сорок семь, — обрадовался Муравчик.

— Нет, неверно, — сказала няня. — Вот подумайте, сколько это — семью семь.

Малыши задумались.

— Шестью шесть, — сказал Мурашка, — это тридцать шесть. Так?

— Так.

— А вот я сейчас найду шестью семь!

И Мурашка написал:

$$6 \cdot 6 = 36$$

$$6 \cdot 7 = 36 + 6 = 42$$

— Это как это? — не понял Муравчик.

— Понимаешь, шестью шесть — это шесть шестерок, а шестью семь — это семь шестерок, то есть на одну шестерку больше, чем тридцать шесть, то есть сорок два.

— Но это еще не семью семь, — вздохнул Муравчик.

— Сейчас, сейчас, — сказал Мурашка. — Что-то ничего не соображается.

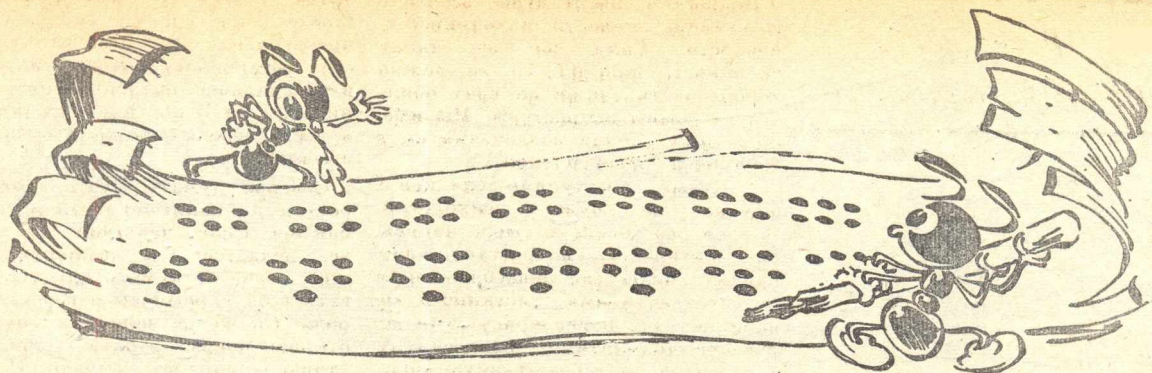
— Да ну, гораздо проще сложить семь семерок, чем мучиться с этим умножением, — и Муравчик погрузился в расчеты.

— Вот, — сказал он наконец, — получается 48.

— Нет, отозвалась няня, — ты запутался в числах. Ответ не такой.

— А я знаю, как считать, — воскликнул Мурашка. — Раз задача не выходит, ее надо рисовать. Что мы знаем? Что $6 \cdot 7 = 42$. И он нарисовал:

... ..
... ..

— А нам что нужно? Семью семь! — и он опять нарисовал:

... ..
... ..

— Ух, ты и молодец же! — обрадовался Муравчик. — Теперь все понятно! Здесь на семь больше! Вот они, миленькие, эти семь точек внизу! Сейчас мы их к тем сорока двум и прибавим! Так, так, так. Всё! Сорок девять!

— Молодцы! — похвалила их няня. — Я вижу, вы вполне можете сами составить всю таблицу умножения. Только бегите на свежий воздух — там голова будет лучше работать.

— Мурашка, не мешай мне! Я сам! — и через каких-нибудь пять минут Муравчик написал такую таблицу:

$2 \cdot 2 = 4$	$2 \cdot 6 = 12$
$2 \cdot 3 = 6$	$2 \cdot 7 = 14$
$2 \cdot 4 = 8$	$2 \cdot 8 = 16$
$2 \cdot 5 = 10$	$2 \cdot 9 = 18$

— Знаешь, как я решал? — похвалился он. — Сначала я узнал, что $2 \cdot 2 = 4$. Это так: $2 + 2 = 4$. Тут хоть складывай, хоть умножай — все равно четыре. А дважды три — это уже $2 + 2 + 2$, то есть на два больше. Значит, шесть. И так далее. Прибавляй себе по два, и будет 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18. Хочешь, узнаю, сколько будет дважды десять?

— Пока ты тут рассказывал, — прервал его Мураш-

ка, — я одну интересную игру придумал. Давай задумаем число и узнаем, что на что надо умножить, чтобы получилось это самое число. Понял?

— Понял. Чур, я первый! Число-о-о восемь, — сказал Муравчик, подглядывая в таблицу умножения и пряча ее от Мурашки.

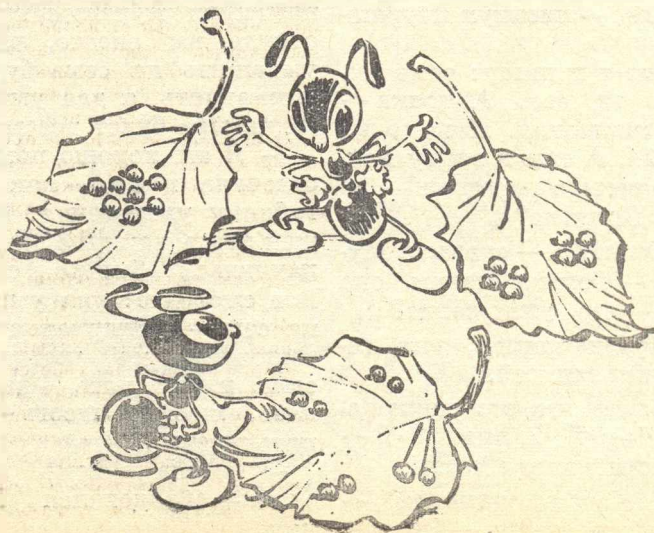
— Сейчас. — Мурашка взял с земли восемь песчинок, положил их на чистый листок, потом один сдвинул, другие раздвинул. — Готово! — У него лежали две кучки песчинок по четыре песчинки в каждой кучке. — Надо 4 умножить на 2, — сказал он.

— Нет, — ответил Муравчик, — неверно.

— Ну как же неверно, когда две кучки по четыре песчинки — это восемь песчинок, — возмутился Мурашка. — Просто у тебя не составлена таблица умножения числа 4, а есть только таблица умножения числа 2.

— Все равно неверно, — настаивал Муравчик, — восемь это не четырежды два, а дважды четыре.

— Постой, постой, — сказал Мурашка. — Он раздвинул песчинки в каждой кучке. — Ты прав. Дважды четыре тоже восемь. Вот чудеса! А ты помнишь, мы с няней считали дважды семь и семью два. Там тоже одинаково вышло: $2 \cdot 7 = 14$ и $7 \cdot 2 = 14$. Побежим узнаем, почему так получается!

наши права,
наши обязанности

Отдел ведет
член коллегии
Министерства
внутренних дел СССР,
доктор юридических наук,
профессор
И. И. КАРПЕЦ

Подростки любят игры, особенно требующие смелости, находчивости, ловкости. Сама по себе такая склонность полезна. Но ее можно использовать также во вред обществу и самим подросткам. Мы имеем в виду случаи вовлечения их в групповые преступления.

Опытный преступник-рецидивист обычно не чужд психологии. И иной раз довольно умело направляет активность подростков, увлекая их ловкостью, пренебрежением опасностью, узами «истинного товарищества», якобы присущими воровской «романтике». Всячески затушевывая ее общественную опасность и безнравственность, он стремится выпятить игровую сторону преступного акта: «пролезть», «открыть», «обнаружить и дать сигнал», «спрятать»...

Особенно характерны в этом смысле групповые преступления.

друга самыми лучшими чувствами. Совсем иное, когда группа идет на преступление. Там, где сам подросток остановился бы, не осмелился идти дальше, поддержка соучастников и их одобрение толкают его вперед (нередко даже против собственной воли).

Неверно думать, будто этот подросток не понимает истинного характера своих действий. Но когда все делается «за компанию», об этом легче не думать или успокаивать себя скромностью собственной роли. Он же не ворует, а «только» откроет дверь, «только» свистнет, «только» спрячет чемодан. И если даже их поймают, на его долю придется самое слабое наказание: ведь преступления он непосредственно не совершал, а к тому же он — несовершеннолетний...

В подобных рассуждениях, охотно поддерживаемых главарями группы, все — неправда. И если уж гадать о мере наказания, то здесь уместнее не делить, а складывать. При прочих равных условиях участник группы несет более суровое наказание, чем если бы он совершил преступление в одиночку. К примеру, статья 144 Уголовного кодекса РСФСР за кражу предусматривает лишение свободы на срок до двух лет или исправительные работы. Но те же действия, совершенные группой, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет. Более суровые наказания за групповые преступления предусмотрены и другими статьями Уголовного кодекса.

Легко понять, что так же обстоит дело и с точки зрения моральной. Когда преступник действует в одиночку, он отвечает лишь за то, что совершит сам. При групповом преступлении он несет моральную ответственность и за действия других, хотя сам в них не участвовал.

В группе часто существует своеобразное «разделение труда». Это учитывается и в законе. Статья 17 Уголовного кодекса РСФСР (и соответствующие статьи УК других союзных республик) указывает, что соучастниками преступления, наряду с исполнителями, являются организаторы, подстрекатели и пособники.

Исполнитель — тот, кто непосредственно совершил преступление: кражу, убийство, подделку документов. Нет нужды объяснять, какую общественную опасность он представляет. Однако еще опаснее фигура организатора — он является создателем преступного сообщества, вербует участников, разрабатывает планы, распределяет обязанности, а зачастую и непосредственно руководит действиями.

исполнитель и соучастник

Во-первых, они позволяют поручать подростку действия наиболее для него интересные и вроде бы вполне безобидные: влезть в окно и отодвинуть засов, укрыться в подъезде и вовремя сигнализировать об опасности, спрятать вещь... Что касается самой кражи, то преступник готов взять ее на себя. Во-вторых, в групповых действиях для подростка важно то, что каждый его поступок тут же получает одобрение и поддержку, а это способствует его самоутверждению, вдохновляет на следующие шаги. Наоборот, действуя самостоятельно, он легко теряет уверенность в себе.

Конечно, сама по себе склонность к групповым действиям как черта возраста, не несет ничего плохого — все дело в ее направленности. Когда, скажем, группа подростков увлечена благородным общественным делом, они заражают друг

Роль подстрекателя «скромнее» — он «лишь» склоняет другое лицо к преступлению, используя разные средства: уговоры, натравливание, подкуп, лесть, клевету, угрозы... Но от этого его опасность не меньше — о ней подробно говорилось в статье Н. Ветрова «Подстрекатель» («Семья и школа», № 11, 1971). Пособник — тот, кто содействует преступлению советами, указаниями, предоставляя средства или устраняя препятствия, кто заранее обещает скрыть преступника, оружие и следы преступления либо предметы, добытые преступным путем.

Все это, конечно, при условии, что ему известно о преступлении.

Характерно, что даже одно только обещание помочь преступнику — даже если оно не выполнено — закон признает соучастием. Почему закон столь суров? Нередко именно обещание помочь становится той «последней каплей», которая дает человеку решимость пойти на преступление. Не будь он заранее уверен в помощи, возможно, у него и не хватило бы духа сделать последний шаг.

Уголовный кодекс проводит различие между соучастием и так называемой «прикосновенностью». К последней относятся укрывательство, если оно не обещано заранее, недоносительство и попустительство. Все эти акты тоже носят преступный характер, хотя они менее опасны, и потому наказывают за них лишь в случаях, специально предусмотренных законом.

Из всего сказанного ясно, как важно прививать несовершеннолетним глубочайшее отвращение ко всякому преступлению, к любому — все равно активным или пассивным — формам участия в нем. Да, паш закон не стрижет всех под одну гребенку, строго дифференцирует личную ответственность каждого члена группы. Однако даже самая мягкая мера наказания не меняет того факта, что человек виновен в преступлении. И не в какой-то «мелкой», «второстепенной» его части (таких «частей» нет), а во всем преступлении. Любые ссылки на «других», попытки оправдаться тем, что они сделали больше, нелепы. Перед законом каждый отвечает за себя.

В беседах даже со старшими подростками нередко сталкиваешься с поразительной, в этом смысле правовой, безграмотностью. Речь не о том, что подросток не знает, что хорошо и что плохо. Это он как раз обычно знает. Но собственные действия, если они не связаны с прямым участием в преступном акте, кажутся ему безобидными, хотя

очевидно, что они — составная часть преступления. Да, он изготовил нож или отмычку, но ведь ударил ножом или открыл замок не он. Да, он сказал главарю, что хозяева квартиры уехали в отпуск, но ведь не он проник туда и украл вещи. Да, увидев милицию, он свистнул, но разве свистеть на улице — преступление?.. Ведь закон, рассуждает он, прямо не запрещает рассказывать знакомым об отъезде соседей, или свистеть, или изготавливать из отходов во время обеденного перерыва (эта сторона особо подчеркивается) железки причудливой формы...

Но закон не столь «наивен», как полагают иные подростки. Эту ошибку и призвано исправить правильное воспитание.

Разумеется, правовое воспитание — лишь одна сторона дела. Другая — главная — воспитание нравственное, развитие в подростке способности отличать хорошее от плохого, активной готовности противостоять злу и нести ответственность за свои действия.

Несомненно, и родители, и школа к этому стремятся. Но как часто педагогические ошибки сводят на нет благие пожелания!

Вспоминаю старое дело Сергея К. Преступная группа, в которую он входил, совершила несколько квалифицированных краж. Группа состояла из нескольких подростков и возглавлялась взрослым, неким Афанасием по кличке Нос — любителем выпить, имевшим не одну судимость.

Следователь, однако, обратил внимание на странное обстоятельство: уровень развития Афанасия явно не соответствовал продуманному характеру преступлений. Оставалось предположить, что за ним стоит «невидимка», настоящий организатор и вдохновитель дела. Поиски, однако, долго не давали результата. И вдруг следователь обнаружил, что следы ведут к шестнадцатилетнему Сергею К.

Тут надо оговориться. Сергей не имел никакого отношения к организации группы, не принимал участия в ее действиях и в делении краденого. Он «только» разрабатывал план и готовил инструменты. Зачем? Я имел возможность побеседовать с Сергеем и увидел юношу, действительно образованного, с явными изобретательскими способностями и хорошими руками. Но главным в этом, несомненно одаренном, человеке было самолюбие: какое-то искривленное, болезненное. Нелегко было вызвать его на откровенность. И все же по отрывочным его замечаниям удалось представить предосторопию преступ-

ления. Любящий мечтать, склонный к диковатым фантазиям ребенок. Много работающие, озабоченные трудностями жизни (время было военное) родители. Проекты мальчика — строить ракету для полета на Марс (на меньшее он не соглашался) — вызывали насмешки и дома, и в школе, и в техническом кружке, куда он было вступил.

Сергей замкнулся, стал груб, неразговорчив, с трудом высиживал на уроках. Имя его склонялось на собраниях, о нем писали в школьной стенгазете, на него рисовали злые карикатуры. А он — при всей своей внешней независимости — был болезненно самолюбив, мнителен, очень зависим от чужих мнений, от мимоходом брошенных слов.

Случайно Сергей познакомился с Афанасием, вернувшимся из заключения. Трудно сказать, откуда у этого туповатого, вечно пьяного человека хватило ума и такта расположить к себе подростка. Факт, однако, что они нашли общий язык. И вот Сережа — совершенно бескорыстно! — стал решать для группы «задачи» на взлом квартиры, на проникновение в склад и т. п.

Потом я видел его на суде. Бледный, совершенно убитый видом чужого горя (он действительно никогда не думал о последствиях своих «решений»), Сережа не мог говорить. Суд, разобравшийся в сущности его трагедии, вынес приговор, который Сережа счел мягким. Вместе с тем стало ясно, что сам он — жертва равнодушия, проявленного и школой, и родителями.

Случай, разумеется, исключительный. Но и в нем отчетливо видны распространенные ошибки воспитания: неуважение к подростку, к его интересам и нуждам, нежелание учитывать индивидуальные особенности его натуры, стремление «сломить» характер, подогнать его под некий шаблон. Между тем именно такого рода «воспитание» формирует типы, которые легко поддаются чуждому влиянию, становятся орудием преступной группы — с ее культом силы, бездумным исполнением приказов «вожака», системой безответственности и круговой поруки.

Наоборот, уважение и доверие к подростку, умение считаться с его точкой зрения, готовность спокойно объяснять его ошибки и заблуждения, раскрыть перед ним социальный смысл его поступков — лучшее средство защиты от влияния преступника, от опасности быть вовлеченным в действия, последствия которых сам подросток далеко не всегда в состоянии предвидеть.

Р. БАХТАМОВ

СТЫЧКИ мелкие, последствия крупные

Мой сын и еще несколько ребят катались во дворе на велосипедах. Это не понравилось одной нашей соседке, которая гуляла со своим ребенком. Она потребовала прекратить, но ребята не послушались. Тогда она поймала одного из велосипедистов — им оказался мой сын — и избила его ногами. Об этом мне рассказали соседи.

Я заявила в милицию. Через месяц получила разъяснение, что легкими побоями милиция не занимается. «Легкие побои — это пустяк. И вообще дети тоже хороши: испачкали окно (случай такой, действительно, был лет пять назад), лазают по деревьям, не обращают внимания на замечания взрослых».

Получилось так, что избиение ребенка прошло безнаказанно. А я очень волнуюсь за сына. Дети все равно продолжают ездить по двору на велосипедах, куда же им деться (в Госавтоинспекции мне сказали, что они имеют на это право), и некоторые жильцы им угрожают: мол, избили раз — мало, еще получат. Я еще была в милиции, просила хотя бы провести беседу с обидчицей и вообще во дворе. Но мне только опять подтвердили, что легкими побоями милиция не занимается, и рекомендовали обратиться в суд частным порядком. Но я не хочу суда, я хочу чтобы подобное не повторялось. К сожалению, у нас во дворе есть люди, которые всегда готовы обидеть детей. А теперь они увидели, что бояться им нечего.

В. Г.
г. Жданов

Моего одиннадцатилетнего сына избили трое старших школьников. Подкараулили, когда он возвращался

с вечера домой, и «маленького помучили», как сами признались. Нет, они пока не покалечили его, сын жив и вроде бы здоров. Сам факт, когда трое бьют младшего, отвратителен. Но еще более недостойно поведение матери одного из этих ребят. Ребята, оказывается, действовали по ее указанию.

Когда я стала с ней разговаривать, она ответила: «Ваш сын — бандит. Цветы вытоптал, спираль-бол срезал. Если я его поймать, голову оторву».

Конечно, дети шумят под окнами — вот и гонят их отовсюду, они даже перебрались в лес. Мой сын действительно не из легких, но если его травить, как паршивую собачонку, будет ли он от этого лучше? Если мальчик провинился, пусть пожалеются мне, пусть стыдят его или составляют акты, но пусть не расправляются самосудом.

Н. К.
Белоярский район
Свердловской области

Разобрать случаи, о которых рассказано в письмах, мы попросили прокурора отдела по делам несовершеннолетних Прокуратуры РСФСР Инессу Яковлевну ДУДКИНУ.

— Видя ребячью шалости, взрослые правильно считают своим долгом пресечь их. Гоняют ребята мяч на мостовой, прыгают с крыши сарая на кучу битого стекла, испытывают свое мужество, или устраивают велогонки там, где гуляют малыши, — если их вовремя не остановить, может произойти беда. Но здесь нам приходится говорить не о праве взрослых на вмешательство, а о способе вмешательства, который они выбирают. Письма матерей свидетельствуют о том, что любители и сторонники «суровых мер» не перевелись.

На что же они рассчитывают? Неужели они не понимают, что на путь истинный нельзя наставить с помощью кулака? И не стоит ли подумывать им о том, во что может вылиться когда-нибудь затаенная озлобленность мальчишки? Скорее всего, подросток будет враждебно относиться к миру взрослых, от которых справедливости не жди. Он откажется признавать любые наши требования, даже обоснованные, начнет бунтовать из чувства протеста. Короче, кулак скорее превратит озорника в правонарушителя, чем в пай-мальчика...

Конечно, всякий волен считаться или не считаться с этими соображениями педагогов, да и просто со здравым смыслом или житейским опытом. Он может оставаться при

своих заблуждениях и полагать, что по-хорошему разговаривают с хорошими детьми, а с плохими церемониться нечего. Но вот в жизнь эти свои заблуждения ему проводить не стоит — потому что тут он вступит в конфликт с законом.

Да, независимо от того, насколько велики провинности самих детей, самочинная расправа над ними недопустима и преследуется законом.

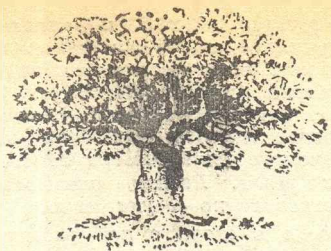
Тот, кто причиняет моральный и физический вред ребенку, несет более строгие наказания, чем за такой же проступок в отношении взрослого человека; совершение преступления в отношении малолетнего рассматривается как отягчающее обстоятельство (по статье 39, пункт 5 Уголовного кодекса РСФСР).

Статья 112 Уголовного кодекса РСФСР предусматривает наказание за умышленное легкое телесное повреждение или побои. В случае, если они не повлекли за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, действия эти наказываются лишением свободы на срок до шести месяцев, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до пятидесяти рублей, либо влекут применение мер общественного воздействия. (В случае, когда указанные последствия наступили, наказание более серьезно — лишение свободы на срок до одного года или исправительные работы на тот же срок).

Хотя всё, как пишут матери, обошлось, видимо, для здоровья мальчиков благополучно, есть повод тревожиться. Если не обратит внимания на подобные действия, то можно ли поручиться, что не найдутся последователи? А уж когда бьют, то силу удара отмерить трудно, у одного рука легче, у другого — тяжелей.

Матери вправе были рассчитывать и на помощь милиции и на участие общественных организаций; товарищеского суда, домового комитета. Они обязаны были защищать права и интересы детей.

Кроме того и милиции, и общественным организациям следовало разобраться, почему столь далеко зашли неприязненные отношения между детьми и взрослыми. Наверное, нашлись бы здесь способы и приструнить озорников (если их озорство действительно мешает людям жить), и одернуть любителей самоуправства, и — главное — устроить совместными силами жизнь во дворе так, чтобы ребят озорничать не тянуло, чтобы хватало места и малышам, делающим первые шаги, и пенсионерам, разводящим цветы, и подросткам, гоняющим на велосипеде.

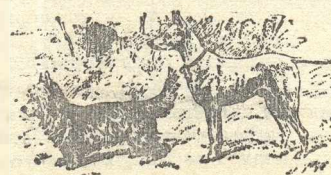
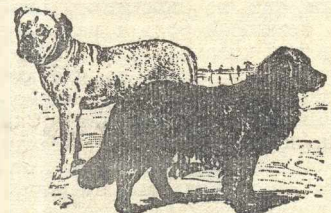
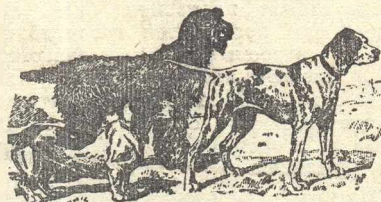
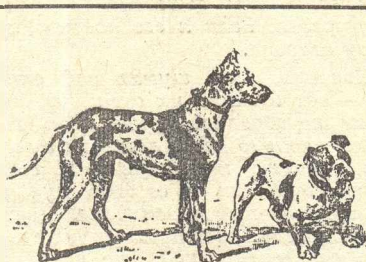
„Я хочу собаку...“

Кому из родителей это не знакомо: «Я хочу собаку...» Никакой подарок не сравнится для ребенка с живым щенком. Особенно мечтают о собаке городские ребята. Редакции детских газет и журналов (да и «Семьи и школы» тоже) именно от них получают трогательные письма с одной только просьбой: «Помогите уговорить папу с мамой, чтобы они разрешили взять щенка».

Все соображения в пользу дружбы ребенка и собаки доводились и доводятся до сведения родителей. «Уговаривали» папу с мамой и статьи специалистов, и «заметки писателя» и даже мультипликационные фильмы (вспомните чудесную «Варежку»). Видимо, уговоры подействовали. «Количество собак на душу населения» (особенно в городах) резко возросло по сравнению даже с прошлым десятилетием.

Собственно, всегда советы взять в дом собаку сопровождались предостережениями — и медицинского, и бытового, и психологического характера. И все же, на мой взгляд, сложности существования собаки в современном городе учитываются нами не в полной мере. Вот об этих сложностях мы и поговорим — не для того, конечно, чтобы теперь вооружить родителей аргументами «против», а для того, чтобы они готовы были к этим сложностям, с самого начала трезво оценили свои силы и решили, смогут ли они сложности преодолеть.

Мы говорим, что общение с животным воспитывает в ребенке чувства доброты и отзывчивости. Но условия жизни собаки в тесно застроенном городе таковы, что владелец ее только и делает, что ограничивает, не пускает, одергивает своего четвероногого друга.

Лет двадцать тому назад на пустыре перед нашим домом выгуливали собак лишь два человека: владелец спаниеля (это был я) и владелец восточноевропейской овчарки. Сейчас на бывшем пустыре встали многоэтажные дома и от него осталась лишь полоска земли метра три шириной, поросшая сорной травой и пока еще не называемая газоном. Недавно я подсчитал, что на эту полоску земли ежедневно выводят 76 собак. Им просто тесно, им деться некуда, они — как заключенные на прогулке...

Собака на улицах города положена — и правильно положена — выгуливать только на поводке. Собака рвется побегать — не смей!

Моему сыну нет еще трех. Он растет в одной комнате вместе с собаками. Порой его отношения с могучей охотничьей лайкой поражают меня своей интимностью. Как, на каком языке общаются между собой ребенок и взрослый суровый пес? Но они, кажется, друг друга прекрасно понимают. Ребенок хочет для собаки «абсолютной свободы». И когда я ужоу с ней на прогулку, Сережка требует «дать Шихе побегать» (нашу лайку зовут — Шихан, это имя пришло из Сибири). Но я не могу этого сделать, помня о той ответственности, которая лежит на владельце собаки, ответственности перед другими людьми. И глаза ребенка становятся грустными. Жестоко...

Владелец овчарки нанес своей собаке несколько ударов плеткой за то, что она, засидевшись дома, не идет рядом, а тянет поводок. Обычное, хотя и строгое, наказание собаки выглядело как акт насилия. Овчарка, большая сильная собака, припала на лапы, поджала хвост и униженно опустила голову. И мой сын через улицу тут же кричит своим детским еле слышным голоском: «Зачем бить собачку!»

Но, может быть, мой сын, запomniaв публичное наказание собаки, увидев то же самое еще раз, оставит у себя в памяти связь «виновата — получай» и, взяв в руки палку или детскую лопаточку, ударит своего лучшего друга Шихана? А если вы не замечаете этой первой детской расправы над животным,

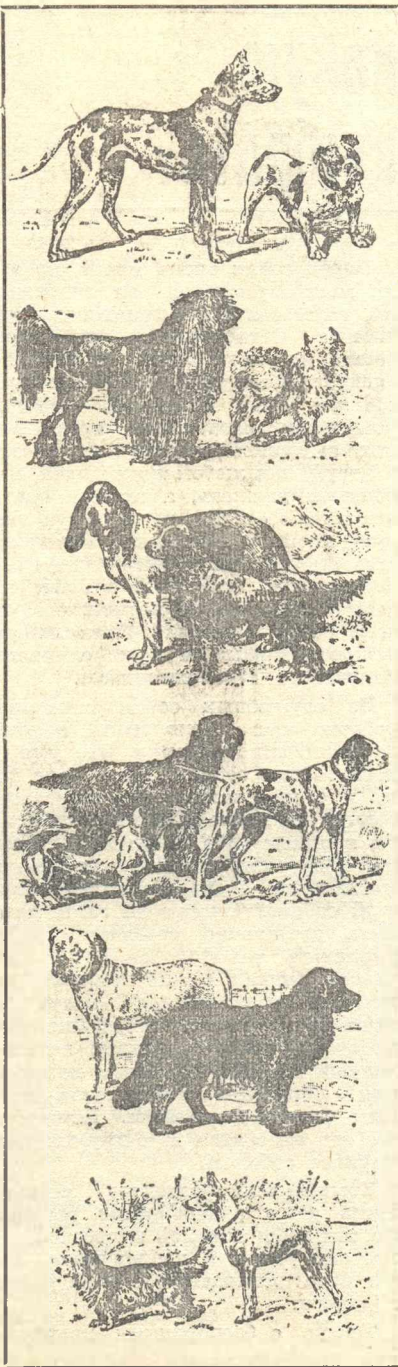

если вас в это время не будет дома? Не вырастет ли вот так незаметно и потаенно жестокость у вашего ребенка, безразличие к боли животного, а потом и безразличие к людям?..

Среди собак, которые (скажем, в деревне) свободно общаются друг с другом, устанавливаются свои неписанные правила и свои, порой строгие законы... Как-то для себя я пытался систематизировать так называемые фразы «языка жестов» собак, снимая на пленку «переговоры» собак, отмечал характерные позы, движения хвоста, головы. Наблюдал «мирные переговоры» деревенских собак, встречи-проверки, встречи-знакомства, наблюдал развитие «скандала», процесс собачьей схватки и ее окончание. И меня поразило своеобразное решение деревенскими псами многих вопросов, которые возникают между ними. Оказалось, у этих собак есть жесты примирения, жесты — приглашение следовать за собой, жесты покорности и жесты власти. И даже во время самых громких схваток эти собаки не забывали о своих правах и законах.

Во время схватки собака, которая терпела поражение, всегда могла «выкинуть белый флаг» — опрокинуться на спину и поднять кверху лапы. И тут соперник, как правило, прекращал бой, будто хорошо знал, что «лежащего не бьют». Существовала у деревенских собак и очень строгая иерархия, система подчинения силе и уму собрата. Такая иерархия создавалась, разумеется, не один день, но она есть и, видимо, поэтому недоразумения между деревенскими собаками возникают не так часто.

А в городе каждая собака воспитывается только владельцем и свободного общения между собаками практически нет. И вот поэтому ваш четвероногий друг может просто не познать до конца все правила и законы того общества, к которому по природе он должен принадлежать. Но стремление подчиняться и подчиняться, пожалуй, еще живо и у городских собак. И ваша собака, вырвавшись на улицу, сразу же стремится выяснить отношения со своими собратьями — тут

порой сгоряча и возникают конфликты, жестокие и непримиримые, в которых забывается, как правило, даже «белый флаг». Городские собаки, воспитанные в комнате, грызутся до тех пор, пока владельцы, стараясь перебить псов, не растащат своих озверевших питомцев...

Да, природа может давать и уроки жестокости. А мы сами — углублять эти уроки. Взрослые, решив, что «природа воспитывает сама по себе», успокаиваются: есть у ребенка собака, и хорошо. Но что дает собака ребенку и что он дает ей? Вот письмо от одиннадцатилетней девочки:

«У меня дома жили боксер и черный терьер. Теперь мне хочется воспитывать дога. Но в нашем городе есть только нечистокровные доги. Родители мои согласны, и все условия для дога есть».

Уже были боксер и черный терьер. Где же они? Погибли? Заболели? Или надоели семье и их отдали знакомым? Боюсь, что желание девочки воспитывать чистокровного дога — это мода, безответственное и жестокое в своей сути стремление подержать всех и самых лучших собак...

Но неужели уроки жестокости непреодолимы? Неужели на вопрос, «заводить ли собаку», мы склонны ответить: «Лучше не надо...»

Мне надолго запомнились ребята на остановке троллейбуса № 7 на Ленинских горах. Рядом с мальчиком лет двенадцати спокойно лежал прекрасный пес — восточноевропейская овчарка. Девочка лет девяти стояла на краю тротуара и выглядывала троллейбус. Троллейбус показался. Остановился, открылись двери — и девочка быстро поднялась к водителю. Короткий разговор — вопрос девочки и ответ водителя — и девочка прыгнула на тротуар, решительным жестом пригласив своего спутника. Тут же поднялась овчарка и следом за мальчиком оказалась в троллейбусе. Машина тронулась. Собака буквально исчезла, прижавшись к стенке троллейбуса, а девочка и мальчик встали рядом и загордили ее собой. Не доезжая до Киевского вокзала ребята и собака так

природа

природа

же деликатно вышли и поблагодарили водителя. Потом мы с ним разговорились.

Оказалось, что эти ребята каждый день отправляются с собакой на Ленинские горы. Дорога не близкая, и брат с сестрой попробовали однажды попросить водителя троллейбуса их подвезти. Как известно, возить собак в общественном городском транспорте нельзя. И какой-то добрый человек первым согласился нарушить установленные правила. Закончил свой рассказ водитель такими словами: «Это же не ребята, а взрослые люди. И собака у них гениальная. Разве им кто откажет? И благодарят все втроем. Да и ездят они, когда троллейбусы пустые — и туда и обратно ни раньше, ни позже».

Это ли не блестящий пример дружбы детей с собакой в городских условиях? Они, эти условия, требуют от нас прежде всего большой ответственности перед другими.

Несмотря на все трудности содержания собаки в городе, я все-таки хочу положительно ответить на вопрос: «Надо ли заводить ребенку собаку?»

Надо! Но только при одном условии: если ваш сын или ваша дочь самостоятельно, хотя и с вашей помощью, смогут ответить, готовы ли они по восемь раз в день, сразу после кормления, выносить своего щенка на улицу, чтобы приучить к чистоплотности? Знают ли они, сколько сил надо отдать воспитанию и дрессировке щенка, чтобы он стал настоящей собакой, которой можно любоваться? Готовы ли они нести бремя ухода за собакой? Ходить с ней на прививки? Терпеливо сидеть около нее, когда она заблест?

Пусть это будет для маленького человека первый экзамен на настоящую дружбу, экзамен, оценкой за который будет первая в жизни собака.

Анатолий ОНЕГОВ

какую выбрать?

Пород собак очень много, но все их можно разделить на охотничьих, служебных и комнатно-декоративных. Останавливать выбор ребенка на охотничьих собаках не следует. Во-первых, с охотничьей собакой надо охотиться — многие поколения кинологов трудились над созданием охотничьих собак, их труд, как любой труд людей, мы обязаны уважать, а потому брать охотничью собаку, даже самую милую, не надо. Во-вторых, большинство охотничьих собак — животные энергичные, их темперамент не всегда соизмерим с возможностями темперамента ребенка. Итак, лайки, сеттера, борзые и даже спаниели остаются только охотникам.

Из служебных собак внимание ребенка часто привлекают восточно-европейские овчарки. Это умные и способные собаки. Им многое дано и с них многое спрашивается. Смогут ли ваши дети посвятить себя целиком (ибо занятие с овчаркой и другими служебными собаками требует очень много времени) этой собаке? Смогут ли ваши дети быть достаточно строгими, чтобы управлять такой собакой? В противном случае, кроме обычных домашних неприятностей, могут появиться и неприятности, вышедшие за дверь вашей квартиры: великолепный пес при неумелом воспитании и обращении может стать опасным для окружающих. Пожалуй, все это относится и к другим служебным собакам.

Комнатно-декоративные собаки. Здесь тоже разнообразие выбора. Но эти собаки милей и веселее дома, они умны и добродушны. Но вот беда: комнатные собаки редки и дороги.

Теперь о беспородных дворняжках. По всей нашей стране живут

эти собаки. В одних местах они больше смахивают на охотничьих лаек, в других — такие же большие и мохнатые, как южнорусские овчарки, в третьих у дворняжек можно угадать кровь восточноевропейских овчарок. Дворняжки милы и податливы, смешны и заняты, доверчивы к друзьям и недоверчивы к посторонним. Правильное воспитание беспородной собаки принесет ей самые лучшие качества верного друга наших детей. Ребенок не должен отворачиваться от собаки, у которой разрез глаз или постановка ушей недостаточно характерны для той или иной породы. Ему ведь надо найти друга — а настоящих друзей выбирают не по стати, а по сердцу.

плата за выстрел

В редакцию пришла тревожная телеграмма: «ВЛАДИВОСТОКЕ ВО ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ ГОРИСПОЛКОМА ВО ГЛАВЕ МИЛИЦИИ ВЕДЕТСЯ ОТСТРЕЛ СОБАК И КОШЕК ЗАХОДЯТ ВО ДВОРЫ СТРЕЛЯЮТ БЕЗ РАЗБОРУ ВАШ ЖУРНАЛ СООБЩАЛ ЧТО ОТСТРЕЛ ГОРОДАХ ЗАПРЕЩЕН ПОМОГИТЕ ПРЕКРАТИТЬ ВЫСТРЕЛЫ».

Мы запросили Владивосток и получили за подписью начальника управления благоустройства города тов. Ф. Дедюева ответ следующего содержания:

«Рассмотрев телеграмму об отстреле собак, управление благоустройства Владивостокского горисполкома сообщает о том, что отстрел бродячих собак действительно производился.

Это мероприятие было проведено по той причине, что в городе развелось большое количество бродячих собак, которые своим лаем стали не только нарушать спокойствие граждан во время ночного отдыха, но и набрасываться на людей, и

прежде всего на детей, явились источником распространения инфекционных заболеваний среди населения.

В связи с этим в горисполком и редакцию газеты «Красное знамя» от граждан города стали поступать массовые жалобы с просьбой как можно быстрее истребить бродячих собак и избавить жителей от всех неприятностей, которые они причиняют.

Имеющиеся во Владивостоке две собаководные станции не справлялись с выловом бродячих собак и поэтому горисполком по согласованию с краевым управлением УВД решил наряду с отловом собак проинформировать их отстрел.

В телеграмме искажены факты о том, что отстрел собак и кошек производился без разбора. Уничтожались только бесхозные животные, которые бродили по улицам города.

С этой перепиской редакция ознакомила Министерство сельского хозяйства СССР, которое устанавливает правила борьбы с бешенством животных и уничтожения бродячих собак. Предоставляем слово старшему кинологу министерства Александру Павловичу МАЗОВЕРУ:

— Безусловно, бродячие собаки, или, как их еще называют, бесхозные, представляют определенную угрозу и для людей и для домашних животных. За ними никто не следит, не известно, здоровы они, сделаны ли им необходимые прививки. Нередко беспризорные животные становятся источником инфекционных заболеваний, в том числе бешенства.

Но откуда берутся эти голодные, грязные, озлобленные существа, кто повинен в их появлении?

Часто, выезжая за город, родители из самых лучших побуждений дарят ребенку щенка, а возвратившись в город, через какое-то время бросают животное на произвол судьбы. Беспомощный, бродит щенок по улицам, гибнет от голода или пополняет ряды беспризорных собак.

Еще одна причина — строительство на окраине городов. Из собственных маленьких домов людей

переселяются в большие многоэтажные дома и бросают своих сторожей. Мне известен такой случай. Старую дворнягу, много лет беззаветно охранявшую дом и сад, владельцы покинули. Неведомо каким образом собака нашла своего хозяина в его новой квартире. Измученная, изголодавшаяся, она радостно скулила на лестничной площадке. Но когда дверь отворилась, хозяин пинком прогнал своего друга. Долго собака жила возле дома, потом исчезла. Ушла ли искать нового хозяина, погибла ли сама или ее просто убили?

Во многом виноваты и владельцы собак, которые, нарушая существующие правила, выпускают своих питомцев на прогулку одних. Бывает, что они убегают, теряются.

Если нет условий, то лучше вовсе не брать в дом живое существо. Если оно уже есть, но обстоятельства изменились и разлука все-таки неизбежна, то следует позаботиться о том, чтобы животное попало в надежные руки. В этом могут помочь и городские секции по охране животных. Здесь временно присмотрят за собакой и найдут ей нового доброго хозяина.

Итак, прежде всего важно исключить саму возможность появления бродячих собак. Это верная гарантия спокойствия и здоровья населения.

Но как быть все-таки с бродячими собаками, раз они есть? Как ни жаль этих несчастных животных, их приходится уничтожать. Для этого и существуют специальные станции. И действуют (по крайней мере должны действовать) такие станции постоянно. Но как же тогда получилось, что во Владивостоке «развелось большое количество бродячих собак»? Очевидно, когда их было немного, на это не обращали внимания и не принимали вовремя необходимых мер. О каком же покое жителей, соблюдении санитарно-гигиенических правил могут вести речь городские организации, если допустили, что бродячие животные стали бедствием для населения! В ответе должностного лица из Владивостока ситуация изображается прямо-таки как стихийное бедствие. Но стихийное бед-

ствие, как известно, от воли людей не зависит, а вот с собаками не доводить дело до крайности было вполне в силах тех, кто отвечает за это. Получается так: сначала бездействие, а потом — пали во всю.

Тот метод, к которому прибегли во Владивостоке, нельзя оправдать ни при каких обстоятельствах. Стрельба в населенных пунктах запрещена специальным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР. Соответствующие указы приняты и в других республиках. Значит, и отстрел собак, проводящийся хотя бы и по постановлению местного исполкома, — нарушение закона.

Ведь в то время как раздавались выстрелы, по улицам шли прохожие, во дворе играли дети. Тут недалеко и до беды.

Интересно также, как в условиях отстрела удавалось отличать бесхозных от просто оставленных без присмотра ненадолго? (Конечно, без присмотра собаку, как мы уже говорили, оставлять нельзя, но это не может служить основанием для уничтожения ее).

А нравственный урок? Расправа с животными происходит на глазах у детей. Причем самым варварским, жестоким способом. Нередко выстрел только ранит животное, и смерть его мучительна. Не всякий взрослый выдержит это зрелище, а что сказать о детям!

В списке четвероногих, которые верой и правдой служат человеку, на первом месте стоит собака — благородное, умное создание. И даже если собака заболела, стала «дикой», нельзя поступать с ней жестоко.

Необходимо строго руководствоваться инструкцией Министерства сельского хозяйства СССР, категорически запрещающей применять отравляющие вещества и стрелять в собак в населенных пунктах.

Из Прокуратуры СССР нам сообщили, что перед председателем Владивостокского горисполкома поставлен вопрос о строгом предупреждении начальника управления благоустройства тов. Дедоева, по распоряжению которого проводился в городе отстрел бродячих собак и кошек.

у врача

**научите
их
быть
здоровыми**

«Больше двигайтесь! Занимайтесь спортом! Начиная день с зарядки!» Кто оспаривает эти советы специалистов? Никто. Но вот следуют этим советам далеко не все. В чем же дело? Посмотрите, каким бодрым приходит на работу ваш сослуживец — по утрам он начал бегать в парке. Посмотрите, как «хорошо сохранилась» ваша школьная подруга — каждый день она делает сто прыжков со скакалкой. Посмотрите, какие румяные дети у соседей — здесь непреложным законом стал воскресный лыжный поход всей семьей... Боюсь, что вы уже приготовили отговорку — тем, кого мы ставим вам в пример, по какой-то причине «проще» (а вам все это «так сложно»). Пожалуй, вы сами верите в эту отговорку. Что ж, оправдание всегда можно найти. И все-таки, как правило, дело только в одном — в привычке. Одни привыкли делать зарядку, у них воспитаны потребность в движении, умение вовремя дать телу нагрузку и отдых, у других — нет.

Безусловно, приобрести полезные привычки никогда не поздно. Но мой многолетний опыт преподавателя лечебно-профилактической гимнастики убедил меня в том, что очень часто упускается тот возраст, когда приобрести хорошие привычки на всю жизнь легко и просто. Я имею в виду, конечно, детство.

Сегодняшние родители отчетливо представляют себе, какие высокие требования предъявляются к работоспособности детей. Так помогите же своему ребенку научиться преодолевать усталость, научите его быть здоровым. Конечно, для этого вам самим придется кое-чему научиться, но ведь ради детей часто делают то, что для себя, может быть, и не стали бы.

Что мы предлагаем? Речь идет о группе упражнений, которые, как показала практика, помогают ребенку легко держать тело в любом положении, управлять им, закалять его и даже улучшать. «Сила. Осанка. Закаленность. Расслабление» — пусть таким будет девиз наших занятий.

Упражнения, о которых мы будем говорить, можно делать в любой обстановке, но лучше все-таки оборудовать место для них. Надо только проникнуться мыслью, что это очень важно, что речь идет о здоровье вашего ребенка на всю жизнь, — и простейшая гимнастическая стенка в квартире не покажется вам невероятной, найдете вы место и для планки турника. Запомнено, что дети охотнее занимаются, когда есть такие вещественные «контролеры» и «партнеры» их занятий. Пожалуй, лучше всего

использовать дверной проем, устроив пазы для съемных палок на уровне бедер, груди и вытянутых вверх рук. Еще выше можно укрепить металлическую перекладину турника. Съемные палки длиной в 80—100 сантиметров и диаметром в 3—4 сантиметра пригодятся в упражнениях и сами по себе.

Теперь можно начинать.

СИЛА

Упражнения для развития силы крупных мышц корпуса и конечностей помогут жить не утомляясь.

1. Лежа на коврике, руки за головой. (Можно держаться за какой-нибудь предмет). Упражнение на счет «восемь». В покое сделать вдох, затем выдох, сокращая мышцы живота, а теперь поддержать паузу. Повторить дыхательное упражнение: вдох, выдох, пауза. Внимание: упражнение выполняется на выдохе и на паузе! Начали. Вдох в покое, на выдохе и паузе: поднять прямую ногу вверх — раз, опустить ее — два, поднять другую — три, опустить — четыре, поднять обе ноги вместе — пять, согнуть ноги на живот — шесть, выпрямить вновь — семь, медленно опустить ноги вниз — восемь. Вдох в покое... Повторить 1—2 раза, со временем довести до 5 раз.

2. Лежа на коврике, руки под поясницей. Вдох в покое, упражнение на выдохе и паузе: упираясь ладонями, сократить мышцы живота и перейти в положение сидя — раз, медленно опуститься — два, еще раз поднять корпус — три, медленно опуститься — четыре. Вдох в покое, затем продолжать упражнение до счета «восемь». Закончив, сделать дыхательное упражнение без движений. (Позднее, когда разовьется дыхание, упражнение до счета «восемь» сможет идти на одном выдохе и паузе). Повторить 1—2 раза, со временем — до 5 раз.

3. Стоя на коврике. Вдох в покое, на выдохе и паузе: на носки — раз, присесть, колени в стороны — два, вновь на носки, вытянуться — три, присесть — четыре. Вдох в покое, продолжать упражнение до счета «восемь». (Опускаться на полную стопу!) Закончив, сделать дыхательное упражнение без движений. (Так же как и во 2-м упражнении, выполнять упражнение до счета «восемь» можно будет на одном выдохе и паузе, когда разовьется дыхание). Повторить 1—2 раза, со временем — до 5 раз.

4. Подойти к гимнастической стенке. Упор прямыми руками на палку, укрепленную на высоте груди. Два

шага назад, тело вытянуто в наклон в линеечку. Вдох в покое, на выдохе и паузе: согнуть руки, приближая грудь к палке — раз, разогнуть руки — два, продолжать упражнение до счета «восемь». Когда упражнение станет легким, усложнить его: упор прямыми руками на палку, укрепленную на высоте бедер. Три шага назад, тело вытянуто в наклон в линеечку. Вес тела держат руки и брюшной пресс — мышцы живота. (Если тело под углом, вес придется на ноги, следите за линией тела!) Когда упражнение снова станет легким, снова усложнить его: упор прямыми руками на пол.

5. Это упражнение добавь через две недели занятий. Подойти к турнику, крепко захватить перекладину кистями, сократить мышцы тела и сделать попытку оторваться от пола — раз, два. Опустить руки, встряхнуть их — три, четыре. Еще раз, до счета «восемь». Вдох в покое... Повторить упражнение. Через некоторое время вы отметите достижение: руки окрепли, держат тело в висе легко. Еще через некоторое время ребенок сможет подтягивать тело к планке с вашей помощью — один, два, три раза. Затем без вашей помощи — один, два, три раза. И так до пяти раз. Поздравьте его!

ОСАНКА

Осанка — это умение держать свое тело. Это возможность управлять им.

Правильная осанка — это не просто красота. Это правильное расположение, а значит, и правильная работа внутренних органов. Правильная осанка повышает тонус нервной системы.

Будем считать, что ребенок обогатился силой мышц корпуса. Без этого ваши постоянные напоминания («Сядь прямо! Не сутулься! Не стой криво!») не могли бы помочь.

У зеркала. В комнате только вы вдвоем с дочкой. Девочка стоит боком к зеркалу. Она изучает свою фигуру, а вы тактично помогаете ей понять, какой она должна быть. Вы для этого конечно, владеете сами своей осанкой.

«Выпрями спину, свободнее разверни грудь, сократи слегка мышцы живота, брюшной пресс»; — повторяет дочка сама про себя. Ноги прижаты, готовы идти, бежать, а руки спокойно опущены. Так девочка управляет осанку, посмотрев на себя сбоку.

Затем она выравнивает плечи, встала прямо перед зеркалом, сделала приветливое лицо — это, если хотите, осанка мышц лица («чтобы не

прокисло молоко», как говорит мама): «Закрываю глаза и запоминаю, как стою и что для этого сделала. Сократила мышцы спины и живота, расслабила мышцы груди и рук, поиграла мышцами ног, стопы».

У стены. Вытянуться вверх, коснуться стены пятками, икрами, ягодицами, спиной, головой... Пройтись, свободнее держа тело, не напрягаясь, снова подойти к стене и проверить положение тела.

Готовит ребенок уроки. Пусть посреди занятия встанет, подойдет к зеркалу, к стене. Скоро он будет восстанавливать правильную осанку без слов и предметов, только по памяти, затем стройность станет потребностью, необходимостью, привычкой.

Несколько упражнений для закаливания осанки.

1. Укрепите палку на высоте груди. Встать спиной к двери, согнуть руки и взяться за концы палки. В этом положении выучить, например, стихотворение наизусть или десяток иностранных слов. Затем поднять попеременно прямую ногу вперед и в сторону, левую и правую по три раза. Так же согнутую ногу. А теперь поднять попеременно левую и правую согнутые ноги и выпрямить их вперед и в сторону, по три раза. Дыхание свободное. Повторить стихотворение или слова, поднимая руки вверх попеременно и возвращая их на палку. Затем поднять обе руки вверх и опустить их на палку — три раза.

2. Снять палку и положить ее на лопатки, растирая крупные мышцы спины сверху. Продеть палку в согнутые руки и, поднимая и опуская их, растирать мышцы в средней части спины. Наконец, взяв палку за концы, и слегка согнувшись, растереть бока и низ спины. Одну-две минуты.

3. Лежа на животе, вытянуться, потянуться, руки согнуть к подбородку. Поднять голову, плечи, руки, сокращая мышцы спины. Задержаться в этом положении, считая до пяти. Не спешить! Опуститься, повернув голову вправо. Повторить упражнение три раза, меняя положение головы. Дыхание свободное. Если будут затруднения, начать выполнять упражнение на выдохе и на паузе, повторяя вдох в покое. Когда мышцы окрепнут, разовьется их координация, освободится дыхательная мускулатура, можно выполнять упражнение на свободном дыхании.

4. Лежа на животе, вытянуться, потянуться. Поднять обе ноги, сокращая мышцы бедер, ягодицы, спины. Задержаться в этом положении, считая до пяти. Не спешить! Опустить ноги, расслабляясь. Повторить упражнение три раза.

б. Вытянуть руки вдоль тела и сделать упражнения третье и четвертое одновременно, повторить три раза. Дыхание свободное.

Все эти упражнения можно включить в утреннюю гимнастику, можно делать, когда ребенок пришел из школы и даже вечером, когда у папы или мамы найдется 15 минут, чтобы вместе разучить упражнения и закрепить их.

закаленность

Хорош, конечно, прохладный душ, к которому приучают детей постепенно, но, может быть, еще эффективнее вот такая «водная процедура».

Смочив кисти в воде, дочка или сын поглаживает правой кистью левую руку, левой кистью правую руку, а затем вместе и правой — левую и левой — правую. От кистей до плеч — отлично! Приговаривает:

— Поглаживаю раз, два, три... десять. Легко и посылнее. Вытираю, растираю руки, еще раз и еще. Они становятся бархатные, шелковые, горячие. Поглаживаю грудь и живот, раз, два, три... десять, по кругу, по кругу, как ходят часы. А теперь вытираю, растираю по кругу, по кругу. Еще и еще раз. Поглаживаю шею, смачиваю шею, похлопываю и вытираю. Вправо, влево, вправо, влево, уши, вокруг ушей. «Шея не должна бояться ни холодной воды, ни холодного воздуха, надо учитывать наш климат», — так говорит мама. Ставлю ногу в таз с водой, поглаживаю, растираю, поглаживаю, вытираю, надаваю тапочку. Одна нога готова, теперь вторую. Осталась спина. Полотенце уже мокрое перекручиваю его жгутиком и растираю спину. Вверх, вниз, вправо, влево, как палкой, раз, два, три... десять. Бросаю полотенце, руки к плечам и вверх, потягиваюсь, дышу, одеваюсь!

расслабление

Умение расслабляться так же важно, как и подготовка к трудовому дню. Есть много способов снять усталость, но наиболее эффективный из них — самомассаж.

Он у нас еще очень мало распространен, а напрасно. Его приемы несложны, их можно выполнять в любом положении. Ребята без труда сами себе поглаживают, растирают, разминают и вновь поглаживают спину. Они могут делать это и в ванной, после вечернего умывания, и даже лежа в постели. Но и

мама должна владеть этими приемами — это и ей упражнение для пальцев, кистей рук, и минуты полного отдыха для ребенка.

Массаж всегда легкий, ласкающий, успокаивающий. Не надо разговаривать в это время, не надо отвлекаться. Незаметно для человека напрягается тогда тело, сопротивляясь действию массажа. Проследите, чтобы ребенок расслабился, прикрыл глаза, поддавался движению, следовал за ним своим вниманием. Дыхание спокойное.

Поглаживайте спину легко, а потом посылнее. Ладонями снизу вверх и в стороны к плечам, бокам. Вверх посылнее, вниз послабее.

Поглаживайте каждый позвонок — «пуговку» отдельно. Пальцами одной руки, затем другой. Снизу вверх до последнего шейного позвонка. И опять погладьте всю спину по лопаткам, по бокам, по плечам, легко и посылнее.

Растирайте, разминайте мышцы спины, похватывая их всей кистью ладонями и пальцами, а затем ребрами кистей, заканчивая поглаживанием.

Сожмите ребра, ребенок сделает выдох.

*

Мы рассказали о вещах несложных, но важных. Еще раз могу напомнить: все это надо взять в привычку — будет огромная польза.

Начните — и вы увидите, что совсем скоро ни вы сами, ни ребенок ваш не сможете обойтись без этого дающего телу уверенность и радость девиза «Сила. Осанка. Закаленность. Расслабление».

А. АВДУЛИНА

ЧАС МУЗЫКИ АКАДЕМИКА АЛЕКСАНДРОВА

На этот раз, чтобы продолжить наши музыкальные размышления, нам придется войти в скоростной лифт, подняться на четырнадцатый этаж высотного здания МГУ на Ленинских горах и разыскать дверь с табличкой «Отделение математики».

Здесь каждую пятницу в первой половине дня член Отделения математики Академии наук СССР Павел Сергеевич Александров принимает посетителей. Приходит девушка, приезжая из приволжского города, которая интересуется условиями приема в аспирантуру. Ее сменяют двое солидных ученых — им нужно обсудить свои научные планы. Затем появляется толпа ребят, которых Павел Сергеевич называет Володя, Геннадий — по именам, из чего можно заключить, что академик общается с этими симпатичными, по-мальчишески нескладными студентами очень часто.

Хотя я и знал, что Павел Сергеевич в часы, отведенные для посетителей, без всяких предварительных записей и других формальностей принимает и выслушивает каждого, я сперва сомневался: ну да, к нему приходят по делам, связанным с наукой; а захочет ли академик Александров, ученый с мировым именем, человек чрезвычайно занятой, беседовать о музыке?.. Однако атмосфера непринужденности, царившая в приемной Отделения математики, придавала мне смелости. Дождавшись своей очереди, я вошел к Павлу Сергеевичу в кабинет и представился.

Дальше я попытаюсь изложить нашу беседу именно так, как она протекала.

— «Семья и школа»? — спрашивает Павел Сергеевич с явным удивлением. — Кажется, от изданий, занятых проблематикой такого рода, ко мне никогда не обращались. Чем же могу быть полезен?

— Я хотел бы побеседовать с вами о музыке. Одна ваша бывшая ученица рассказывала мне, что благодарна вам не только за математические знания. Она не один раз бывала на музыкальных вечерах, которые вы регулярно устраивали для студентов, и вспоминает о них как о значительнейших событиях своей студенческой поры. Насколько мне известно, традиция «александровских» вечеров звукозаписи продолжается второй десяток лет и сейчас стала чем-то неотделимым от жизни МГУ. Не могли бы вы, Павел Сергеевич, поделиться тем, как получилось, что вы, посвятив свои способности, труд, время, собственно, всю жизнь математике, оказались тем не менее

человеком, глубоко привязанным к музыке? Может быть, вы до того, как поступили в университет и стали затем ученым, много учились музыке?

— Нет, музыке я не учился совсем. Но я вырос в музыкальной семье, и это обстоятельство, по-видимому, сказалось на мне самым существенным образом. Годы моего детства пришлись на начало века, мы жили в Смоленске, семья у нас была большая. Трое моих братьев серьезно занимались музыкой, все поступили в консерваторию в Москве. Учились они у выдающихся профессоров: один, виолончелист, — у Брандукова, другой, скрипач, — у Гржимали, а третий, пианист, — у Игумнова. Из этого можно заключить, что мои братья играли неплохо. Поэтому в детстве я имел возможность постоянно слышать и сольную инструментальную музыку и камерные ансамбли.

— Ваши братья стали музыкантами?

— Только один.

— А почему не учились музыке вы?

— Я наблюдал, как учатся братья, и понимал, что уровень требований, которые предъявляет музыка, чрезвычайно велик. А склонность к математике появилась у меня очень рано. В тринадцать лет я уже твердо знал, что хочу стать математиком. Поэтому дилемма «музыка или математика» решалась мною однозначно, в пользу математики. Тратить силы и время на занятия музыкой я не захотел.

— То есть профессионально учиться музыке вы не могли, а заниматься, так сказать, «по-дилетантски» не стали. И тем не менее вы с музыкой никогда не расставались. Что же, на ваш взгляд, оказалось основой вашей неиссякаемой любви к музыке? Или, ставя вопрос более широко, что — помимо обучения игре на каком-либо инструменте — может явиться основой музыкального воспитания?

— Ответ, по-моему, прост. Основу — в слушании музыки с раннего детства.

— Вы имеете в виду музыку, которую слышат дети дома, в семье?

— И в семье, и в дошкольном учреждении, и в школе. Однако прежде всего, конечно, в семье. Тут мы сталкиваемся с проблемой общей культуры среды, в которой развивается ребенок. Для ребенка среда — это прежде всего семья, и все зависит от того, каков уровень культуры в семье, каковы ее интересы. Можно ли говорить о музыкальном воспитании ребенка, если в семье грубость, ругань, пьянство? В этом

случае родители мало задумываются об ответственности перед ребенком, а тем менее об ответственности за воспитание его эстетических потребностей. Нашей печати, радио, телевидению следовало бы больше беседовать с родителями именно об ответственности различных видов — не только за то, чтобы ребенок был сыт и одет. Когда родители понимают, что обязаны не просто вырастить ребенка, а вырастить его культурным, с широкими запросами человеком, тогда только и решаются проблемы воспитания эстетического, музыкального, художественного.

— Предположим, что мы с вами сейчас беседуем именно с такими родителями. Обычно просто не представляют, как же это сделать — суметь привить ребенку любовь к музыке. И очень часто они только понимают, что любят музыку — это хорошо, но им самим тоже нелегко «подступиться» к ней.

— Пусть в такой семье всегда будет час музыки. Каждый день вся семья слушает музыку. Ведь сидят же семьи целыми вечерами у телевизора! Но если не забывать об ответственности, то безусловно будет естественным часть этого времени отдать музыке.

— Какой же музыке? Это всегда проблема для тех, кто только начинает заниматься с нею.

— Да, это проблема. Во-первых, потому, что всюду вокруг нас сколько угодно плохой музыки. А слушать нужно лишь хорошую. Если у меня уже развитый музыкальный вкус, я, услышав музыку дурную, просто выключу свой приемник, а пластинку с бездарным произведением не куплю. Если же я музыкально неразвит, есть опасность засорения вкуса, опасность привычки к дурной музыке.

Вторая проблема — это отбор из мира хорошей музыки той, какую полезно слушать человеку с различной степенью подготовленности. Если кто-то, зная о Бетховене, начнет с его последних сонат, а другой, слыша о Бахе, впервые познакомится с ним по оратории «Страсти по Матфею», — музыка только отпугнет, приведет в недоумение. Есть много прекрасной и одновременно доступной музыки. Посредством радио и телевидения, в специальных беседах с родителями, можно было бы давать регулярные консультации, что именно следует слушать. Я помню, как моя мать, когда мне было три года, играла «Музыкальный момент» Шуберта, играла «Каменный остров» Рубинштейна. Эти пьесы меня трогали и трогают теперь, потому что эмоцио-

нально связаны с детскими воспоминаниями. Ведь есть же много прекрасной музыки, доступной детям, у Шуберта, у Шумана, у Чайковского, у Мендельсона, у Грига. Она должна быть широко распространена, звучать в домах. Пусть дети растут с нею. Но услышать ее почти невозможно...

— Сейчас вы, Павел Сергеевич, упомянули о своих первых музыкальных впечатлениях, выше говорили о том, что вся семья была музыкальна. Ясно, что необходимую основу для приобщения к музыке вы получили. А позже? Вне семьи? Как шло ваше музыкальное развитие в дальнейшем? Менялись ли, например, со временем ваши склонности?

— Склонности не менялись («вчера нравилось то, что разонравилось сегодня»), а развивались. В детстве, ранней юности, пока я жил в Смоленске, я вне дома мог слушать немного. Помню, правда, что любительский симфонический оркестр исполнял «Эгмонта» Бетховена... Но в Москву, где я поступил в университет, я приехал с еще очень ограниченным запасом музыкальных впечатлений. Я это понял на первом же концерте. Константин Игумнов играл Шумана. Мне казалось, что Шумана я должен воспринимать достаточно легко, потому что знал его «Карнавал», знал «Симфонические этюды». Но на концерте исполнились «Крейслериана» и одна из сонат. Оказалось, что слушать их мне было трудно, я мало что понял.

Вообще это аксиома, и каждый должен иметь ее в виду: серьезное музыкальное произведение с первого раза, с одного прослушивания, может и не произвести впечатления (что характерно и для других видов искусства). Как правило, сначала воспринимается какой-то фрагмент или только тема, при повторном слушании воспринимаешь уже больше, и так происходит постепенное ознакомление. Значит, нужно не только расширять свой репертуар слушателя, но менее важно научиться слушать одно и то же произведение снова и снова.

Те, кто помогает другим узнавать музыку, не должны своих подопечных ошарашивать и говорить, что «если не понимаешь этого, значит, ты глуп и понять не способен». Постепенное и последовательное развитие обязательно даст свои результаты.

— Вот вы вносите свой вклад в музыкальное воспитание студентов, и делаете это очень удачно. Наверно, в университет приходит молодежь с разными уровнями музы-

кальных знаний. На ваш взгляд, может ли общеобразовательная школа, которую оканчивает каждый, сделать для музыкального воспитания больше, чем это получается у нас сейчас?

— Оговорюсь, что я не специалист и непосредственно не знаком с тем, как уроки музыки поставлены в школе. Но не сомневаюсь, что эта работа может вестись намного успешнее.

Однажды весной, выйдя из университета, я услышал, как где-то замечательно поют хором. Песня доносилась из открытых окон общежития, и когда я поинтересовался, кто там живет, оказалось, что пели чехословацкие студенты. В Чехословакии, в Германии, в Австрии молодежь умеет хорошо петь. Конечно, имеют значение традиции прошлого, но я уверен, что молодежи, школьникам там прививают любовь к пению, умело их учат. То же самое наблюдаем мы у нас в Прибалтике. Послушайте, как поют эстонские школьники. Культура пения у них удивительно высока. У них не услышишь фальшивой ноты.

Надо изучать и всячески распространять этот опыт. Если дети будут петь, если школа их этому научит, они станут музыкально развитыми людьми.

— Итак, приучать детей слушать музыку и учить их пению А не должны ли родители стремиться, чтобы их ребенок учился в музыкальной школе? Вы не жалеете, что не играете на рояле?

— Жалею. Муниципирование мне недоступно. Я представляю себе, какое это огромное удовольствие не только слушать, но и самому для себя, пусть по-любительски, сыграть любимую вещь или следить за мыслью композитора с нотами в руках. Конечно, хорошо, если ребенок учится играть. Однако тут много проблем. Одна из них — это родительский такт. Учение в музыкальной школе требует от ребенка большого труда, он постоянно преодолевает немалые преграды, и это может быть тяжело. Если ребенок не увлечен, то школа бесполезна. А когда увлечен, этому приходится отдавать очень много времени. Родители должны разобраться в психологии ребенка и правильно понять, каковы его склонности и способности. Часто стремятся к тому, чтобы дитя стало Рихтером или Гилельсом, когда же выясняется, что до этого далеко, ребенок оказывается травмированным. Такого допускать нельзя. Учение музыке не должно преследовать обязательный профессионализм, родителям всегда следует понимать, что не-

посредственная радость — это лучшее, что может получить от музыки их ребенок.

— Но музыкальная школа как раз и стремится профессионально подготовить своих учеников.

— Убежден, что это приносит пользу только для одаренных единиц. Может быть, следует попытаться найти что-то промежуточное, какие-то дополнительные формы массового обучения детей музыке.

— Существует еще и музицирование другого рода. Молодежь, например, любит принимать участие в маленьких музыкальных ансамблях — от двух-трех гитар до разного рода небольших, типа джазовых, оркестров. Как вы относитесь к этому явлению?

— Оценивать это явление само по себе как хорошее или плохое нельзя. Принципиально всегда хорошо, если молодежь занята музыкой. Но вопрос, что и как они играют. Тут все отравлено плохой музыкой. Здесь мы опять имеем дело с проблемами и общей культуры и культуры музыкальной. Вкус у этих музицирующих ребят часто очень хромает, хромает у них и техника, манера игры. Они не понимают, что те принципы, которые они стараются перенять от западноевропейских и американских музыкантов-любителей, имеют в соответствующих странах здоровую традицию, которая там является частью общей музыкальной традиции. А наши ребята с этой манерой часто выглядят просто беспомощными. Я бы сказал, что наши ребята-гитаристы оказываются на куда более низком уровне, чем деревенский гармонист. Я не против такого рода музицирования, но пусть оно будет оригинально и на основе хорошего вкуса.

— Многие сейчас коллекционируют пластинки. И у вас, Павел Сергеевич, есть большая фонотека. Как вы ее собирали? В какой мере она заменяет вам слушание музыки в концертном зале?

— Конечно, прослушивание имеющихся у меня записей приносит и мне и тем, кто приходит на мои вечера, большую радость. Когда слушается редко звучащее в концертах произведение или когда исполнитель — великий артист, значение грамзаписи неоценимо. А для тех, кто не имеет возможности посещать филармонические концерты, пластинки едва ли не единственный источник музыки.

Мою фонотеку нельзя называть коллекцией. Есть коллекционеры пластинок, подобно тому как есть коллекционеры спичечных этикеток

и значков. Я думаю, что среди различных увлечений коллекционирование пластинок — одно из лучших. Однако моя фонотека — это не результат собирательского хобби: я покупал пластинки, чтобы их слушать, и только это было моей целью.

— Некоторые опасаются, что любое увлечение, не связанное с основным занятием — с учебой в школе, в вузе, а затем и с работой, — может принести вред.

— Когда это в естественных пределах, увлечение может принести только пользу. Музыка в этом смысле не исключение. Среди моих товарищей, любителей музыки — а к ним относятся самые разные категории людей в возрасте от 20 до 70 лет, — нет ни одного, кому бы музыка мешала.

— И пожалуйста, Павел Сергеевич, несколько слов о программах ваших музыкальных вечеров.

— В прошлом учебном году в связи с бетховенскими торжествами я провел цикл вечеров музыки Бетховена. Один из первых в этом году — традиционный вечер памяти Чайковского. Я устраиваю этот вечер в годовщину его смерти. На этот раз я предложил слушателям Шестую симфонию великого композитора и «Реквием» Моцарта.

Я пришел к выводу, что, исходя из различного уровня подготовленности слушателей, полезно включать в программы вечеров произведения различной сложности. Вот одна из программ, включающая три фортепьянных концерта: Концерт Моцарта № 23, Концерт Грига и Первый концерт Чайковского. Наверное, для многих из постоянных участников наших вечеров программа покажется недостаточно изысканной. Однако и они с удовольствием будут слушать моцартовский концерт, а слушая не в первый раз Чайковского, тоже найдут в нем что-то новое для себя. А паренька-первокурсника, который приехал в Москву из глухого селения, несомненно что-то «зацепит» именно в концерте Чайковского. Другим же в большей степени окажется интереснее Григ. То есть я на практике хочу воплощать то, о чем и говорил: расширять у студентов не только слушательский репертуар, но и приучать их к привычке глубже вслушиваться в знакомую музыку...

Так прошла беседа с академиком Александровым. Окажется ли она полезна для тех, кто начал следить за нашей рубрикой? Надеемся, что узнаем об этом от самих читателей.

Ф. РОЗИНЕР

О чем говорят зайчики?

Т. МАВРИНА

Есть художники, про которых принято говорить, что они самобытны. Так говорят и про Татьяну Алексеевну Маврину. Но, может быть, вернее про нее сказать — художник преданный. Именно преданность ее русскому народному искусству, и в частности сказке, определила, направила ее и особенности ее работ.

Пожалуй, нет такой семьи, где не знали бы замечательных книжек-сказок, созданных Мавриной: «Василиса Премудрая», «По-щучьему веленью», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» Пушкина... Да, Маврина не просто рисует иллюстрации к тексту, она продумывает все оформление от начала до конца. У каждой ее книжки-сказки свой образ.

Мы попросили Татьяну Алексеевну поделиться с нашими читателями мыслями о русской народной сказке.

Про сказки хочется начать с очаровательного отрывка Льва Николаевича Толстого из его воспоминаний про белую бабушку, в белом и на белом, и крепостного сказочника Льва Степановича.

Цветовой ли образ, колдовство ли слов, без нажима уводящих в детство, но что-то делает для меня эти воспоминания про бабушку, из всего читанного у Льва Николаевича, особенно ароматными и желанными.

Хорошо бы и мне такое было в детстве — белая бабушка, ночь, лампада и Лев Степанович!

Так обязательно подумается при чтении этого отрывка, который я выписала когда-то и храню для перечитывания, для вдохновения в ящике стола. (Девяностолетнего Толстого в доме у нас нет). Вот этот отрывок:

«Самое же сильное, связанное с бабушкой воспоминание — это ночь, проведенная в спальне бабушки, и Лев Степанович. Лев Степанович был слепой сказочник (он был уже стариком, когда я узнал его), остаток старинного барства, барства деда.

Он был куплен только для того,

чтобы рассказывать сказки, которые он, вследствие свойственной слепым необыкновенной памяти, мог слово в слово рассказывать после того, как их раза два прочитывали ему.

Он жил где-то в доме, и целый день его не было видно. Но по вечерам он приходил наверх, в спальню бабушки (спальня эта была в низенькой комнатке, в которую входить надо было по двум ступеням), и садился на низенький подоконник, куда ему приносили ужин с господского стола. Тут он дожидался бабушку, которая без стыда могла делать свой ночной туалет при слепом человеке. В тот день, когда был мой черед ночевать у бабушки, Лев Степанович с своими белыми глазами, в синем длинном сюртуке с буфами на плечах, сидел уже на подоконнике и ужинал. Не помню, как раздевалась бабушка, в этой ли комнате или в другой, и как меня уложили в постель, помню только ту минуту, когда свечу потушили, осталась одна лампадка перед золочеными иконами, та самая удивительная бабушка, которая пускала необычайные мыльные пузыри, вся белая, в своем белом чепце, высоко лежала на подушках, и с подоконника слышался ровный, спокойный голос Льва Степановича: «Продолжать прикажете?» — «Да, продолжайте». — «Любезная сестрица, сказала она, — заговорил Лев Степанович своим тихим, ровным старческим голосом, — расскажите нам одну из тех прелюбопытнейших сказок, которые вы так хорошо умеете рассказывать. Охотно, отвечала Шехерезада, рассказала бы я замечательную историю принца Комаральзамана, если повелитель наш выразит на то свое согласие. Получив согласие султана, Шехерезада начала так: «У одного владетельного царя был единственный сын...»

И, очевидно, слово в слово по книге начал Лев Степанович говорить историю Комаральзамана. Я не слушал, не понимал того, что он говорил, настолько я был поглощен таинственным видом бабушки, ее

колеблющейся тенью на стене и видом старика с белыми глазами, которого я не видел теперь, но которого помнил неподвижно сидевшего на подоконнике и медленным голосом говорившего какие-то странные, мне казавшиеся торжественными слова, одиноко звучавшие среди полутемноты комнатки, освещенной дрожащим светом лампы.

Должно быть, я тотчас же заснул, потому что дальше ничего не помню, и только утром опять удивлялся и восхищался мыльными пузырями, которые, умываясь, делала на своих руках бабушка».

Пусть этот отрывок будет как бы большим эпиграфом ко всему тому, что мне хочется сказать о сказках.

Далекие ли истории о Комаральзамане или — поближе — о козе-дерезе, Иване Грохе, смысл сказок всегда один — чудеса: избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом.

...Сшей ты мне сапожки

Из желтого песочка.

Слей же ты мне перстень

Из солнечных лучей...

А когда есть перстенок-колечко — выдь на крылечко и свисти во колечко, явится какая-нибудь карета, без осей и без колесей, а так просто — на воздухе — садись и поезжай за море, в тридцатое царство, за тридевять земель. Или подкачают одни колеса! С заднего колеса прямо на небеса. Там стоит церковь из пирогов, блинами покрыта, калачом заперта, пряниками запечатана. Съел калач, вошел: свечи морковные, лампы-то репные, а поп — толокенный лоб. Другого и быть там не может. Так понял и Пушкин.

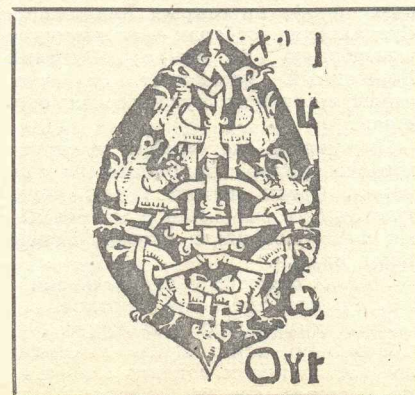
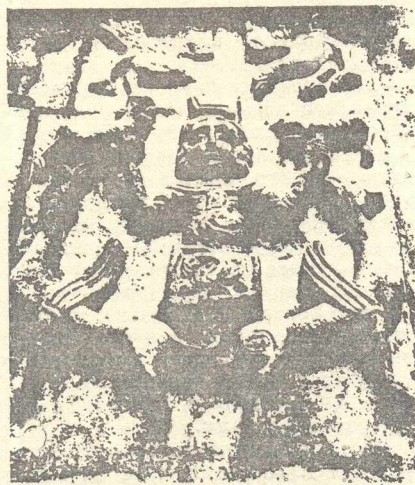
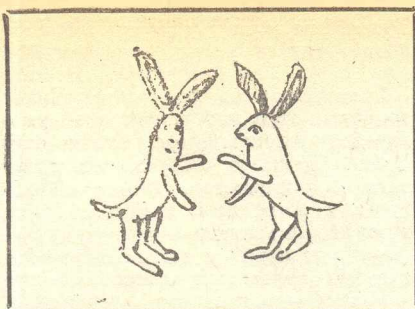
Жил-был поп,

Толоконный лоб... —

так начинает он своего «Балду», Жил старик со своею старухой... — так он начинает другую сказку про «Рыбку». Так же как в народных сказках: жил-был мужик... жили-были кот да баран... жил-был царь... во дворце, в избе, в некотором царстве, в некотором государстве, между небом на земле, в «досюльные» сказочные времена. Хочется эти времена назвать почуд-

В первой колонке (сверху вниз): Александр Македонский в походе (рисунок в одной из «Александрийд»); репродукция иллюстрации Т. Маериной к сказке «По щучьему велению». Во второй колонке (сверху вниз): зайчики из «Изборника Святослава» (1073 год); рельеф на южном фасаде Дмитровского собора во Владимире («Полет Александра Македонского на небо»); зверь «Коркодим»; буква «О» из псалтыря XIII—XIV веков,

ней, я и выбрала из известных мне названий прошедшего времени самое необычное, какое употребляется для старинного шва в северных вышивках, — «досюльный».

Царей в волшебных сказках очень много, безликих, смешных, а то и злых или жалких в свой старости. Они часто даже и не цари в нашем социальном понимании, а символическая вершина некоторого царства-государства, которое при желании можно свернуть в золотое или серебряное яичко, а изобразить в виде одного только дома — дворца, даже просто одной диковинной крыши.

Когда Иван-дурак становится царем на таком царстве, нас это ни сколько не обижает, и мы охотно желаем ему вместе со сказкой жить-поживать и доброго добра наживать со своею царь-девицей, вечной царевной.

Изредка в сказках попадают и всамделешные цари, чем-то заслужившие народную память. «Жил на свете царь; имя его было Александр Македонский», завоеватель с эпитетами «величайший, гениальный герой древности», «всей подсолнечной царь» и сказочный «царь-государь», миродержец.

Про него еще говорят, что он был первый царь, что велел себе по вечерам рассказывать сказки. Слушал он их для бодрости.

Может, и вправду от этого он был всегда «бодр, внимателен, удачлив умен и смел» — всю свою недолгую походную жизнь. Заколдовался на какое-то время.

Но меня интересует сейчас не история, а невероятные, сказочные приключения легендарного Александра на земле, в воде и в воздухе, ходившие и у нас на Руси с давних лет, переводные или перенятые устно, и их эхо в наших сказках.

В III томе Афанасьева (№ 318) в коротенькой сказке об Александре Македонском, откуда я процитировала начало, рассказано путанно, как этот царь, из богатырей богатырь, на краю света встретил страшные народы — Гоги и Магоги.

«Что же сделал с ними царь Александр? Он свел над ними одну гору с другою сводом и поставил на своде трубы... Подуют ветры в трубы, и подымется страшный вой; они, сидя там, кричат: «О, видно еще жив Александр Македонский...»

Так его все боялись. Образ гиперболический и даже смешной. Сказка на этом эпизоде и кончается. Подробнее и много интереснее приключения Македонского в «Александриях» — «арсенале всяких диковинок для нашего средневековья», как говорят исследователи.

На своем верном коне Букефале

«волюглавом» Александр едет в область Мрака, где одни драгоценные камни на земле; за водой бес- смертия, к говорящим деревьям — вспомним «Летучий корабль», «Сивку-бурку», «Молодильные яблоки», «Алмазное царство» из наших сказочных сборников.

Но особенно мне нравится, как этот любопытный царь, победив с помощью головы Горгоны на пи- ке кентавров с оленьими рогами и мно- гие другие народы одноглазые, многоглазые, — «покусился и на не- бесную высоту». Как он испыты- вает небо? На грифах в корзинке летит высь, держа на копытах выше грифов куски бараньего мяса, что заставляет странных птиц с собачь- ими туловищами неустанно лететь вверх. Опустив руки, Александр легко спускается.

Такое же высечено в камне на южном фасаде Дмитриевского собора во Владимире каким-то сказочно настроенным неведомым нам каме- нотесом XII века. В очень красивой, геральдически замкнутой группе зверей, птиц и человека изображено блаженное наслаждение полетом. С детским восхищением художник дал в руки Македонскому мелких зверьков, а корзинку впел в хвосты грифов.

Другая история про птиц в «Алек- сандриях» не менее интересна. В стране Мрака, на прирученных громадных птицах летят разведчики Александра: перед птицами опять куски мяса на палках. А на корабле самого Македонского целая «бы- чачья» туша, за которой стремятся птицы, и «судно двигалось при по- мощи их крыльев».

От этой грандиозной картины у нас в сказках остался только кусо- чек: подземельное царство и Ног- птица, выносящая оттуда безумно- го Ивана, остались и куски ба- раньего мяса для ее кормления в пути.

Те лицевые (то есть иллюстриро- ванные) «Александрии», которые я видела в рукописных сборниках и редких изданиях, видимо, первые циклы сказочных картинок.

Как так далекие от нас худож- ники рисуют чудеса?

Александр неизменно в короне, конь его с рогом между ушами (признак божественного происхож- дения) и с воловьей головой, прито- роченной к седлу с правой стороны. Так изображено легендарное тавро в виде бычьей головы на правом бедре коня Букефала. Они везде одинаковые, в одном повороте. По этим признакам их угадываешь в лю- бой свалке. Впрочем, эти битвы- свалки изображаются довольно чинно, без суеты. Отрубленные го- ловы, груди поверженных лежат

только на нужном месте. Копья своим наклоном, или скрещением, или переломом — показывают бой.

Великаны со стоячими дыбом волосами (так изображен ужас) ух- одят от Александрова копья спо- койно, даже с любопытством на него оборачиваются. Для такой фи- гуры в народном искусстве есть даже точное слово — «оглядышек». Камни не летят, а только держатся в руках волосатых врагов. «Дивии человек» — кентавры (китоврос, полкан-богатырь), «иже до пояса от головы человек, а долу конь» — так их и рисуют, пластически очень убедительно.

«Горгоне девица» изображается девицей с хвостом или в виде кен- таврессы — наполовину конь.

Зверь «крокодил» или «корко- дим» — можно прочесть и так и так, — на которого дивится Алек- сандр (Чудо-юдо морское), нарисо- ван со чудей мордой, «зубы аки пи- лы», грива из чешуи, хвост льва, а лапы птичьи. Примерно таким, но еще больше обрусевшим изобра- жается «коркодил» в лубке с бабой- ягой. Обрусение идет за счет утра- ты устрашающих восточных злых черт. «Коркодил» — смешной и до- бродушный мужик.

Часто напоминает, что все про- исходит в «подсолнечном царстве», «между небом на земле» — рисуе- ся свиток голубого неба сверху страницы, по бокам — солнце и луна.

И всегда «язык руки», «красота письма» на страницах без рисунков.

Все это поучительно для нас, художников.

Если полистать другие лицевые рукописи, посмотреть «старину» в пейзаже и в музеях, народные иг- рушки, пожалуй, сказочным пока- жется почти все. И такой эпитет охотно, и слишком даже часто, при- меняют, когда говорят или пишут о старине.

Нарисованную сказку непременно найдешь в заглавных буквах, сплетенных из людей, чудных тварей и веток (в наших средневековых рукописях); на старых Владимиро- Суздальских соборах — застывшую, высеченную в камне; Василий Блаженный расскажет ее всем своим «огородом чудовищных ово- щей».

Я никогда не пройду в музей мимо витрины с находками из рас- копков. Среди черепков там попа- даются бытовые вещи с магически- ми изображениями оленей, коней, птиц, чудищ.

...То не сережки с перепелками.

То наговору — то великие

От лихих людей незнающих...

Довольно таинственно выглядят гробни, на краях конские головы — на счастье: это те быстрые кони,

что умчат от лихой беды. Именно такой гребешок дает Ивану-царевичу баба-яга. Если бросить его, вста- нет лес от земли до неба — белке не пробежать — и остановит погоню. Попадают глиняные фигурки ко- ней и куколочки вроде вятских. Та- кие, видно, куклолки посадила по углам своего терема и Василиса Премудрая, убегающая с Иваном от своего грозного батюшки — Мор- ского царя.

Игрушки для колдовства, на вся- кий случай жизни. И сказки гово- рили раньше, чтобы отгонять злых духов и привлекать добрых. Гово- рили их по ночам, «а кто рассказы- вает днем, у того выпадут волосы».

Вспомнишь, пожалуй, ночное жут- кое лирье колдовства вокруг волка, опустившего хвост в прорубь: «Ясни, ясни на небе, мерзни, мерзни вол- чий хвост... Ловись рыбка и мала и велика!» Так же, как в заговоре рыбаков: «Идите рыба и малая ры- бица в мой матер-невод, в широкую матню» (говорить три раза, опуска- я невод). Заговор я списала слово в слово, как в этом деле положено. В устах лисы он еще короче и звонче.

Сказочное же изображение обе- рега, заговора, колдовства нам сох- ранила черниговская земля от X ве- ка на серебряной чеканной оправе знаменитого ритуального турьего рога из «Черной могилы». Среди чудищ — сцена, которую Б. А. Ры- баков объясняет черниговской же былинной-сказкой, записанной в XVII веке, об Иване Годиновиче, невесте его лиходейке Марье и преждем ее женихе Кошее, который пускает в вещь птицу, пророка- щую ему гибель, стрелы, но стрелы, заговоренные птицей, летят обратно в Кошею же. Это и изображено очень коротко.

Лиходейка Марья, процарапан- ная в X веке на серебряной пластин- ке, совсем не похожа на ее словес- ный портрет в других записях этой былины, где она вся обвешана зверями и птицами, как заглавная буква из какой-либо псалтыри XIV века.

...На голове белые лебеди,

На левом плече черные соболи,

На правом плече ясны соколы,

На ткацком стане сизы голуби,

На подножиих стана черны вороны...

На турьем роге много проще. Все волшебное изображено в виде боль- шой, больше человека, птицы, то ли орла, то ли ворона; а Марья в кольчуге, и вся ее женская краса — одна коса с бляхой на виске. Видно такая была мода в X веке.

Степная трагедия древнего города выражена сказочным рисунком — это закливание от злых козельников.

Вещая птица, поворачивая стрелы

в стрелявшего же, решает тем судьбу героев, города и народа. Она сохранилась в гербе Чернигова.

Кощей и Марья — в сказке о Марье Моревне. Психологически сюжет сильно изменился, согласно изменившемуся вкусу народа, так я пытаюсь додумать начатое В. А. Рыбаковым заманчивое объяснение турьего рога.

Столько воды утекло с тех пор, а мы и сейчас читаем про говорящие деревья, верных коней, Кощеев и Иванов, и нам интересна эта игра, уводящая в детство, русская сказка — тридцати братьев сестрица, сорока бабушек внука.

К вечным и всемирным темам, которые пришли отовсюду и прижились, добавилось много своего доморощенного из всяких мест, не блещущих пышной южной красотой, где комар воду возил, в грязи ноги увязил, где «воронограй», «мышеписк», «куроклик». И пушкинский «русский дух», то есть степень узорности и добродушия в изображениях, мера выдумки и игры в описаниях событий и чувств. Слова, отточенные многими безымянными устами, — наш великолепный русский язык, без которого не было бы ни Пушкина, ни Тургенева, ни Толстого.

«И я там был, мед, пиво пил, по губам текло, а в рот не попало». «Стали жить-поживать, горя не зная». А если горе, то горе-злочастье: «...несет меня лиса за темные леса, за высокие горы, в далекие страны, котику, братику, отыми меня».

*Аленушка, сестрица моя,
Выплывь, выплывь на бережок!
Огни горят горячие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят козла резати!*

Можно ли сказать жалобнее?

В черновых записях к стихотворению «Буря мглою небо кроет» Пушкин сравнивает этот плач с воем ветра:

*...Или плачется козленок
У котлов перед сестрой...*

Фольклорные жалкие причиты, вопи, плачи — здесь в устах животных. Пленительно хорош в народной поэзии и другой способ выразить горе — образно:

*Полетел молодец ясным соколом,
А горе за ним серым ястребом.
Пошел молодец в море рыбюю,
А горе за ним с чаштым неводом.
Молодец пошел петь дорогою,
А горе под руку, под правую.*

По-моему, такой стих не знает себе ничего равного.

Приглашение животных участвовать в человеческих переживаниях — это, наверное, и есть та нужная

всем в жизни сказка, которую найдешь везде: в песне, в рисунке, в архитектуре.

Звериной эмблемой наших русских сказок мне хочется считать знаменитых зайчиков из «Изборника Святослава» (1073 год), так выразительны их говорящие фигурки.

«Давай убежим!» или «Давай тут поселимся!» или еще что-либо другое они говорят о своей заячьей жизни, связанной с пышной графической мозаикой в форме храмов на фронтисписах этой рукописи, только давнишним, всеобщим желанием приглашать в свой человеческий мир и «всякое дыхание» на землю.

Еще недавно Корней Иванович Чуковский защищая сказки, писал: «Сказочники хлопчут о том, чтобы ребенок с малых лет научился мысленно участвовать в жизни воображаемых людей и зверей и вырвался бы этим путем за рамки эгоцентрических интересов и чувств. А так как при слушании сказки ребенку свойственно становиться на сторону добрых, мужественных, несправедливо обиженных, будет ли то Иван-царевич, или зайчик-побегайчик, или муха-цокотуха, или просто деревяшечка в зыбочке, вся наша задача заключается в том, чтобы пробудить в восприимчивой детской душе эту драгоценную способность со-переживать, со-страдать, со-радоваться, без которой человек — не человек».

Сейчас о сказках не спорят, даже больше — не спорят и о пользе для детей народного искусства вообще. Сейчас в редакциях не скажут про книжку о народных игрушках:

— Кому это нужно?

Я с удовольствием читаю в журнале «Декоративное искусство» № 9 за 1971 год в статье В. Полуниной «Рисуют дети мастеров»: «Мы обязаны познакомить детей с этим (то есть народным. — Т. М.) искусством на уровне современных знаний... Это бесспорно...»

А рядом на фотографии девочка из Полхова-Майдана, закусив нижнюю губу (ей не легко), ведет на бумаге черной краской гриву у белого традиционного коня. Глаз уже вставила и нос черный. Конь прекрасен, корми его овсом и запрягай!

Сказку может рассказать каждый, в ней точных слов нет. Что-то добавляется, что-то опускается: слова, фразы, даже смысл, по вдохновению рассказчика.

Но все же лучше, когда сохраняется то, что донесло нам время в языке и в построении, старые обороты речи, не употребляющиеся в обычной литературе слова, приговорки, складные присказки, мерная речь. Это обогащает язык читаю-

щего и его молодую память и связывает с историей народа.

«...Шли, шли, — солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает! Стоит коровье копытце полно водицы...»

Это, мне кажется, лучше, чем «Пошла один раз Аленушка на работу...»

«Жили-были дед да баба, была у них курочка ряба» — хорошо, без всякой беллетристики.

Сказка может быть серьезной или шуточной, с «лихоречием», «округлословием», с «поруганием», с «поигранием», с «изобилием».

Лучше всего и любознее, мне думается, сказки собраны в трех томах А. Н. Афанасьева — некой сказочной энциклопедии.

В детстве я их не имела а сейчас не расстаюсь, находя все новое и новое «изобилие» в его «поруганиях» и «поиграниях».

Под конец жизни (умер Александр Николаевич в 1871 году, 45 лет от роду) был у него свой домик в Москве на Мещанской улице недалеко от Михаила Семеновича Щепкина, к которому он часто ходил для дружеских бесед. И был у Щепкина большой сад. Деревянный дом Щепкина с этикеткой неприкосновенности и сейчас стоит на улице Ермоловой, вроде клушки с раскинутыми крыльями. Сада уже нет, кругом многоэтажные каменные дома, а он, деревянный, низенький, прирос к своей горке и все еще дышит сказками, которые там читал Афанасев своим друзьям, влюбленным в фольклор первой любовью, как только влюблялись в XIX веке его первооткрыватели.

Мы долгие годы жили недалеко от улицы Ермоловой и часто ходили в гости к следующим уже владельцам дома Щепкина, хранящим аромат старины даже в таких пустяках, как три выжженных креста на притолах дверей. От нечистой силы, наверное.

У меня даже сохранилась акварель, как мы пьем чай за круглым столом в этом доме. Хочется за этим же круглым столом мысленно увидеть и Александра Николаевича с длинной бородой, еще удлинняющей и без того длинное его лицо, и так связать три тома сказок с реальным пейзажем и с выжженными крестами на притолах, полукруглыми внутренними окнами над дверями из комнаты в комнату.

Когда я делаю сказки, мне и их хочется привязать к чему-нибудь реальному, чтобы не только в тридцатом царстве, но среди нас жили бы и были бы все эти Иваны-царевичи и Котофеи Ивановичи и разговаривающие зайчики.

Алешина тетьа попрощалась с Толей и уехала на сенокос. Толя заплакал, его дедушка сразу засуетился и позвал внука сажать деревья вдоль улицы. Потом бабушка, мама и сестра учили мальчика красить террасу, а отец покатал на мотоцикле. Дядя, вернувшись с работы, показал, как клеить змеев и монахов, чтобы они улетали за облака, влез на крышу и прибил к шести легкий мешок. Наполняясь воздухом, он показывал силу и направление ветра, и теперь Толя мог точно знать, стоит ли копать червей или лучше ждать, когда вода в речке замрет, как натянутая.

Но ему все равно было грустно.

К вечеру он сильно утомился, веки начали склеиваться, он лег на кровать, закрыл глаза и на бумажном змее полетел к облаку, которое вдруг оказалось цветущей липой, уже успевшей вырасти из саженца. Она была переполнена го-

— Здравствуй, Заврушка, — она приветливо пожала его руку и открыла свой чемоданчик.

К крышке были приклеены картинки... Толя сразу очутился на тройке каравовых, а потом встал с фонарем возле входа в пещеру, где висели мерцающие каменные сосульки и по тихим подземным водам плавали лодки храбрых исследователей. Голоса гулко звучали в пустоте, огни скользили по мокрым стенам, неслышно ныряли странные подземные рыбы. Затем он перенесся в бушующий океан. Волны напоминали стада разъяренных слонов, но эсминец «Смелый» шел вперед. Горели топовые огни, ревел могучий гудок, звенели бронированные борта, а расчехленные орудия готовились открыть страшный прицельный огонь. И вдруг неожиданно возникли цветы. Яркие маки улыбались скромным ромашкам, а лесные и полевые колокольчики

хожий на яйцо, и рукой в перчатке укрепил очки.

— Ну хватит тебе, — сказал Алеша. — Вылезай.

— Да, Толя, — тетьа улыбнулась. — Пускай он поедет. Ты еще успеешь. А пока держи вот это, — она достала фарфорового гуся.

Толя представил себя возле пруда, по которому гордо плавали белоснежные птицы, хотел покататься на них, но тетьа посмотрела на ходики и сказала, что пора расстаться до утра.

— Нет, — упрямо произнес он и нахмурился. — Буду здесь ночевать.

— Но как же...

— Мне разрешили.

Он знал, что родные не упрекут — сразу замолкнут и начнут заниматься своими делами, а дядя поднимет его, подбросит, а потом поцелует. И от губ его опять будет пахнуть самосадом...

Вадим ЕМЕЛЬЯНОВ

ТЁТЯ

Художник Б. Лавров

Рассказ

ворливыми жалающими пчелами. Алешина тетьа непрерывно улыбалась ему...

— Толька!

Он повернулся на другой бок.

— Вставай скорей!

Он узнал голос Алешы.

— Ну тебя. Я спать буду. Завтра приходи. Сейчас я сон смотрю. Пчелы танцевать начинают. Барыню.

— Ко мне тетка приехала!..

Перед Алешиним домом Толя попытался успокоить дыхание, но из этого ничего не вышло, и он пулей летел в избу.

Эта тетьа была низенькая. Блестящий пояс, казалось, вот-вот перережет ее пополам. Разговаривая, она часто моргала, и белые ресницы быстро опускались и поднимались. Крошечный нос покрывали морщинки, а все лицо было обсыпано веснушками — точно она вымазалась гречневой кашей.

нежным звоном приглашали незабудок принять участие в празднике. Такое же объявление выкрикивали иволги и пели соловьи. Торжество должно было начаться с минуты на минуту. Готовились к нему и белки — хотели принести шишки, орехи и с песнями полетать между деревьями, растущими возле расписного терема...

Тетьа приподняла бумагу, которой были закрыты вещи, лежащие в чемоданчике, и картинки исчезли.

— Смотри, что я тебе принесла, — сказала она.

Двухсантиметровый гоночный автомобиль апельсинового цвета был готов к путешествию. Алеша тоже захотел начать гонку, но Толя оттолкнул товарища, захлопнул дверцу, впился в руль и нажал на педаль газа. Машина присела и рванулась. Деревня сразу осталась позади. Мальчик поправил шлем, по-

Утром мать Алешы поговорила с сыном, и он сказал, что весь день собирается работать на огороде, в поле и в машинном сарае. И чудеса начались с той минуты, как Толя вышел из дома, изо всех сил держась за маленькую жесткую тетину руку.

Возле забора лежало несколько бревен. Толя множество раз сидел на них, обдирая кору и вырезая свое имя. Тетьа сказала, что бревна привезены из дальнего лесопромысла, что их более крепкие, стройные и здоровые братья и сестры отправлены на верфь, лягут в тело корабля и поплывут по рекам и озерам с мягкой водой, а может, попадут и в море, где их хозяевами станут рыбаки в зюйдвестках.

— А эти — домом сделаются. И если ты столетним придешь в него, то и тогда сможешь согреть-

ся. И всегда от них будет пахнуть родной рощей, — сказала тетя. — Не задумывайся, хватит. Пошли дальше.

Проходя мимо рельса, висящего на старой ведре, она легонько щелкнула по нему. Железо запело по-осиному, шмелиному, мышиному и комариному, и Толя, подняв прутки, прокашлявшись и поклонившись всей деревне, начал дирижировать этим огромным сводным хором.

— Пойдем, пойдем, — торопила тетя и, проходя мимо колодца, спросила: — Пить хочется?

Колодец преобразился. Замшелый дуб, казалось, проходил сквозь всю землю: внизу тоже были облака и небо. И когда Толя пил из хрустальной бадейки, ему хотелось губами поймать солнце, попавшее в нее...

Они миновали поле, на котором работала дождевальная установка, переплыли на пароме через реку и вошли в лес. В лесу тоже текла речка. За густыми кустами и ветвистыми деревьями ее почти не было видно.

— Скоро придем? — спросил мальчик. Он говорил и ступал очень тихо, потому что все вокруг казалось ему сказочным и таинственным. — А бобры в речке есть?

— Конечно. Только мы громко разговариваем, и они прячутся, — она посмотрела на часы. — Давай поспешим?

На ферму они успели к приезду грузовичка, который привез норок, выловленных в Сибири. Тетя сказала, что до этого они летели на самолете. Толя с интересом взглянул на гостей. Они не показывали вида, что удивлены происходящим, и держались спокойно. Тетя надела белый халат, осмотрела и трубкой выслушала приезжих, сделала им прививки, помогла поместить новоселов отдельно от своих питомцев и, попросив Толю подождать, села за микроскоп.

— А чего ждать? — мальчик уселся возле нее и отправился в тайгу. На деревьях там сидели большие цветастые птицы, медведи непрерывно ели мед, волки, надев чепцы, лежали в постелях, большие пни ярко светились, а над лесом летали голубые вертолеты, переполненные геологами, строителями дорог и электростанций и веселыми метками охотниками.

— Заскучал? — спросила тетя.

— Тигроловы приехали, — он прошелся по лаборатории, подкрался к стулу и обхватил его. — Готово. Скоро тигр будет выступать в цирке. Знаменитый укротитель Анатолий Косичкин! — крикнул он, как бы объявляя номер, расшар-

кался и взмахнул воображаемым бичом.

Тетя захлопала в ладоши, а когда выступление закончилось, взяла липеткой капельку воды, поместила ее под микроскоп и предложила мальчику посмотреть в окуляр. Толя увидел сороконожек, движущиеся палочки, разноцветные точки, пузырьки и сказал.

— А где же вода?

Тетя объяснила, что произошло. Мальчик поморщился. Ему больше нравилась прозрачная целенькая капля: в ней и солнце отражалось, и листья, и люди. Ее можно было нюхать или долго любоваться лучиками, которыми она стреляла. Но сказать обо всем этом он не успел, потому что тете принесли раненую норку. Толя приказал прежде всего сделать обезбоживание, помог забинтовать рану и отправить животное в изолятор, на мягкую подстилку. При этом он все время поглядывал на солнце, которое сегодня слишком быстро оказалось над головой и уже начало опускаться к лесу.

Тетя взяла стекляшку, подержала ее над горящей спичкой и предложила ему посмотреть на солнце.

— А я в это время все ведомости заполню, — она незаметно положила в карман резиновые перчатки, шприц, флакон с лизолом и ушла.

Солнце оказалось круглым, хотя Толя, глядя на него без стекла, всегда считал его мохнатым, и любоваться им можно было сколько угодно. Пятен, о которых мальчик слышал несколько раз, на нем не имелось. Он надел скафандр и прошелся по звезде, жалея, что на ней не могут расти ни цветы, ни деревья. Птицам, зверькам и рыбам на ней, конечно, тоже не выдержать. Но вообще вокруг было ярко и красиво. Все малиновое, оранжевое, красное, рыжее...

Напевая, вернулась тетя. Он догадался, почему она рыжая: облучилась. О том, что за фермой появилась холмик, под которым лежала уснувшая ласковая и пушистая норка, он не узнал, и после обеда (молоко в зеленой чашке, гречневая каша с морской удивительной рыбой макрорус и трехслойный разноцветный мармелад) отправился с тетей смотреть заправку, построенную бобрами, и ругаться с проезжими, замусорившими полполяны.

А лес уже обильно густым медом. Перепутав время, приняв предвечерний свет за утренний, распелась пеньочка теньювка. Тетя начала договариваться с конюхом об обратной дороге.

— А я здесь вместе с тобой буду жить, — сказал Толя.

— Через неделю я опять к тебе

приеду. Побываем и в других местах, где ты никогда не был. Голоса птиц начнем изучать, в жизни разберемся и планер построим.

— Нет. Я здесь останусь.

Расставался он всегда неохотно и долго скучал. Снились прогулки, путешествия, разговоры с птицами, песенки листьев, и сопровождала его обязательно тетя. Как сделать, чтобы она всегда была рядом?

— Ну хорошо. Оставайся, милый.

Но она жила со своим мужем в очень маленькой комнате; мальчик знал, что расставание неизбежно. Он застыдился слез, принялся тереть глаза, и чувство горечи усилилось. Не помогла даже зеленая пилюлька, которую подарила тетя, обещание раздобыть для него породистого щенка и купить заводной паровоз. Нос у Толи покраснел, веки опухли, губы запеклись, и весь обратный путь его почти ничего не интересовало. Погасили стволы деревьев, облака и волны на реке. На ребятишек, играющих у околицы, он посмотрел без внимания, сонно, хотя считался чемпионом по городкам среди сверстников на правой приречной стороне улицы. Как сделать, чтобы тетя — какая угодно! — всегда была рядом?

К дому его подкатили «с ветерком». Поклявшись выполнить все обещания, тетя быстро уехала. Дедушка сразу же принялся показывать только что распутившийся цветок, мама, бабушка и сестра поставили на стол банку с вареньем, отец рассказал смешную историю, а дядя, закулив цигарку самосада, заявил, что завтра рано утром вместе с племянником отправит в путь целую эскадрилью змеев и монахов, а в полдень принесет голубей, которые, как он сказал, положат начало огромной стае...

Толя лег в постель и начал засыпать. Беспорядочные события сегодняшнего дня встали перед его глазами, смешались и исчезли. Он спокойно задышал.

— Толь, а Толь!

— Не мешай. Я сплю.

— Ко мне тетя приехала!..

Он быстро встал и начал торопливо одеваться. Но за что этому Алешке такое счастье? Ничем особым не отличается, ленивый, вечно ходит с открытым ртом, похожим на бублик, а имеет целых три тети. Несправедливо! А он, Толя, всегда старается, но тети у него нет. Погибла на войне. И однажды он слышал, как дядя сказал бабушке, что никогда не женится, долго смотрел на старенькую фотографию курносой девчонки, а потом быстро вышел из дома и чуть не до утра гулял в полях...

старинные наставления

четверо плешивых

Четверо плешивых настолько тяготились своим недостатком, что отправились к мудрецу-аскету, жившему в уединении в глубине леса, и слезно молили помочь им своими святыми познаниями. «Цену вещам придает лишь сила желания... — произнес отшельник, выслушав просьбу. — И хотя трудно понять безысходную горечь, причиной которой стали четыре лысины, легко разглядеть, какую важность приобрело для вас это пустое обстоятельство. Неподалеку отсюда есть источник, обладающий нужной силой. Только раз окропите головы его водою, и она вернет вам украденные временем пряди. Но запомните — только один раз».

Не теряя времени, плешивые кинулись к источнику. Все сбылось по словам старца — не успели они окропить головы, как лысые черепы покрылись густыми кудрями. Но прошел первый взрыв радости и изумления, и они сказали друг другу: «Мы окропили головы только один раз и стали куда красивее. А если попробовать проделать это еще разок, может быть мы станем и вовсе прекрасными! Наверное, старец скрыл от нас истинную силу источника». И они попробовали... Густые кудри исчезли так же мгновенно, как и появились, и черепы

плешивых вновь стали похожими на головы марабу.

В отчаянии бросились они к отшельнику, но тот только развел руками: «Я не управляю источником — лишь знаю о его свойствах. Тут ничего не изменишь. Постарайтесь же хотя бы запомнить урок, который преподавал вам случай: чрезмерные желания ведут к печали».

конец спора

Трое арендовали одно пшеничное поле. Когда пшеница поспела, первый сказал:

— Она моя!

— Нет, моя! — заявил второй.

— Нечего вам зариться на чужое! — отрезал третий.

И они отправились к владельцу поместья. Тот велел разделить поле по бороздам. Так и сделали, да вот беда — осталась одна борозда лишняя.

— Она моя! — сказал первый.

— Нет, моя! — заявил второй.

— Нечего вам зариться на чужое! — отрезал третий.

И они снова отправились к владельцу. Тот велел сжать борозду и разделить пшеницу по копнам. Так и сделали, да вот беда — осталась копна лишняя.

— Она моя! — сказал первый.

— Нет, моя! — заявил второй.

— Нечего вам зариться на чужое! — отрезал третий.

Снова пришлось идти к господину. Тот велел разделить копну на снопы. Так и сделали. Да один сноп лишний!

— Он мой! — сказал первый.

— Нет, мой! — возразил второй.

— Нечего вам зариться на чужое! — отрезал третий.

На этот раз господин велел разделить сноп по колоскам. Один лишний! Ну тогда по зернам. Одно лишнее!

— Мое! — сказал первый.

— Нет, мое! — возразил второй.

— Нечего вам зариться на чужое! — отрезал третий.

Господин взял зерно и сказал:

— А ну-ка идите за мной!

Пришли они к берегу реки, где течение пенилось в бурных водоворотах. Размахнулся господин и бросил зернышко прямо в стремнину:

— Кто ухватит, тому и достанется!

Бросились спорщики в реку, да так и не выплыли.

А куда же еще могут привести упрямство и жадность?

половина зонта

В ясный жаркий день, когда солнце высоко стояло над крышами пагод, одному человеку понадобилось выйти из дома по важному делу. Он взял свой лучший зонт, расписанный золотыми драконами и затейливыми узорами, и отправился в путь. Дорога была неблизкой и спустя некоторое время ему захотелось пить. Он оставил зонт на склоне небольшого овражка и спустился к ручью. А следом за ним случилось идти завистливому прохожему, который заметил оставленный зонт и позарился на богатую вещь. Он огляделся, осторожно взял зонт и спокойно пошел дальше.

Когда настоящий владелец поднялся наверх и увидел свой удаляющийся зонт, он поспешил за воров и быстро нагнал его. Но тот не смутился и в ответ на горячие упреки заявил с хорошо разыгранным недоумением: «Не понимаю, что вам от меня нужно, господин?! Зонт — мой, и всегда был моим!» Этой сцене нашлись свидетели, которые подошли поближе, чтобы узнать, из-за чего спор. И тут владелец зонта убедился, что истина не всегда очевидна — как он ни возмущался, вор стоял на своем и окружающие явно склонялись на его сторону. Но так как и они не могли с полной уверенностью вынести приговор делу, то решили отправиться к судье. Узнав обстоятельства, судья задумался и сказал: «Пусть разделят зонт надвое и отдадут этим людям по половине». И тот и другой остались недовольны, но ничего не поделаешь — взяли по половине зонта и отправились по домам.

Вот увидел сын вора, что отец идет с половиной зонта, и воскликнул: «Где это вы раздобыли такую диковинку?» А домашние потерпевшего встретили его огорченными возгласами: «О, отец! Что случилось с вашим прекрасным зонтом?!» Услышали эти слова специально посланные мудрым судьей люди и дело немедленно выяснилось. Так хитрость вора потерпела неудачу и ему пришлось заплатить потерпевшему и за расписанный зонт, и за причиненное беспокойство.

Нет ничего тайного, что не стало бы явным.

ЧЕЛОВЕК С ЗОЛОТЫМ КЛЮЧОМ

Г. К. ЧЕСТЕРТОН

Художник В. Бахман

Английский писатель Гилберт Кийт Честертон (1874—1936) известен у нас главным образом как автор детективных рассказов. Некоторые помнят и его романы, выходившие в русском переводе в 20-х годах («Перелетный кабак» и другие). Но у Честертонa во много раз больше статей, чем рассказов, — он делился с читателем удивительно здравыми и непривычными мыслями в сотнях эссе. Вторая глава его «Автобиографии», где он говорит о своем детстве, — тоже вполне законченное эссе о детстве вообще.

Самое первое из моих воспоминаний — человек на мосту. Был он важный, чуть ли не спесивый, с усами, в большой короне, а в руке держал огромный сверкающий ключ. Мост, по которому он шел, начинался у края страшных гор, кончался же — у башни на удивление гордого замка. В башне было окно, а из окна смотрела принцесса. Я не помню ее лица, но готов сравнить со всяким, кто усомнится в ее красоте.

Если мне скажут, что подобные сцены редко встречаются в быту зажиточных англичан, проживавших в Лондоне в конце 70-х годов, я не отвечу, что это вымысел. Я просто признаюсь, что и мост, и башню видел в окошке, которое много чудесней принцессино, — в проеме нашего домашнего кукольного театра. Тем не менее я не солгал, назвав это первым моим воспоминанием: именно тогда глаза мои открылись и впервые увидели мир. Эта сцена стоит в глубине моей памяти, словно самый задний задник театра действительности. Я не помню, что делал человек на мосту, но с тех пор я узнал немало легенд и сказок и могу предположить, что он шел освободить принцессу. Я забыл других персонажей, но я прекрасно запомнил, что кроме короны у моего человека были усы, а у какого-то другого, постарше, — еще и борода. Мне кажется, мы не ошибемся, если предположим, что именно он запер принцессу. Все остальное — сюжет, декорация, роли — исчезло, будто и не было; одна эта сцена сияет в моей памяти. И я уверен, что буду помнить ее, когда забуду все на свете.

Однако я начинаю с нее не только потому, что это первое мое воспоминание. Слава богу, я не психолог; хотя именно от психологов нам приходится узнавать теперь то, что люди говорили всегда: первые впечатления очень важны. Всю жизнь я любил края, грани, отделяющие одну вещь от другой. Всю жизнь я любил рамки и твердил,

что ширь еще шире, когда ее видишь в окно. К великому огорчению критиков, я и сейчас считаю, что драма должна подняться до высот кукольного театра. Люблю я и пропасти — ведь они подчеркивают разницу между предметами; а мосты я люблю потому, что их темные арки подчеркивают ее еще лучше. Я уже не могу описать принцессу, но я знаю, что она прекрасна, иначе принц не пошел бы к ней по шатковому мосту. Я чувствовал все это в детстве и твердо верю: уже тогда я знал то самое, что много позже оказалось истинным.

Если же мне скажут, что мосты или окна таинственны и прекрасны для меня потому, что я видел их в детстве, я отвечу, что мой собеседник не довел свою мысль до конца. Во-первых, в те же самые годы я видел великое множество других вещей. А второе еще важнее. Если вдумчивый читатель брошюр о детской психологии уличит меня и скажет: «Вы любите эту мишуру, всех этих кукол, потому что ваш отец показывал вам кукольный театр», я отвечу со всей христианской кротостью: «Ну конечно, мой глупый друг! Вы объяснили на свой хитрый лад, что эти вещи связаны для меня с радостью. Но вы и не думали объяснить, почему же я так радовался. Неужели желтый картон в квадратном отверстии всегда возносит душу на седьмое небо?»

Вступление кончено, спасибо. Перейду к более конкретным вещам. Для начала я остановлюсь на памяти как таковой — на том, можно ли ей верить. Среди моих первых воспоминаний есть такое: я играю в саду с большой белокурой девочкой, а мама, стоя в дверях, говорит ей: «Ты просто ангел», и я понимаю буквально эти слова. Много раз с той поры я говорил с теми, кого называли лучшими умами века, но ни одна беседа не была так умна и значительна, как наша беседа в саду. Помню я и пляж во Франции, где я играл с дочерьми палиного друга. Помню целую стаю двоюродных братьев и сестер — они маячили в глубине моего детства, словно мужской и женский хоры греческой трагедии. Все это воспоминания. И все они не разрешают проблемы памяти о прошлом.

Мы вспоминаем по-настоящему только то, что забыли. Когда воспоминание приходит внезапно, пронзая защитную пленку забвения, мы видим то, что действительно было. Если мы думаем о чем-нибудь часто, оно становится постепенно воспоминанием о воспоминании. Приведу пример. Пытаясь вос-

кресить собственную доисторию, я всегда вспоминаю длинную комнату, освещенную странным светом, которого я не видел с тех пор ни на море, ни на суше, и человека, красящего белой краской деревянную лошадиную голову, простую, как наскальный рисунок. С тех пор даже столб, выращенный в белую краску, тревожит и радует меня, а белых лошадей я не могу видеть спокойно. Когда в первый день моего медового месяца я очутился в сельской гостинице «Белый конь», мне показалось, что я встретил друга. Я много раз возвращался к белому коню и сделал все, что мог, чтобы запятнать его чистоту, написав о нем бесконечную балладу. Люди редко забывают день своей свадьбы, особенно такой смешной, как у меня. В семье сохранилось множество преданий о том, как я опаздывал на поезд, терял багаж и все путал. Среди прочего меня обвиняют в том, что я по пути в церковь зашел в одну лавку выпить молока, а в другую — купить револьвер. Женихи не часто преподносят себе такие свадебные подарки; и если бы моя невеста меньше знала меня, она могла бы считать меня убийцей, или самоубийцей, или, упаси господь, трезвенником. Но мне мои поступки казались вполне естественными. Я не собирался убивать жену — мне никогда не удавалось идти в ногу с веком. Я купил револьвер, чтоб защитить ее от пиратов, рыцущих в Норд-фолк Бродс, куда мы направлялись, — что ни говори, там подозрительно много фамилий датского корня. Если это назовут ребячеством, я не обижусь, хотя на самом деле револьвер был данью не детству, а ранней юности. Зато ритуальное млекопитие действительно связано с детством. Я зашел в ту лавку, потому что именно там я пил молоко, гуляя с мамой; и мне захотелось соединить этим обрядом двух главных родственников мужичины. Над дверью там была голова белой коровы — в пару белой лошади; под знаком одной из них начался мой свадебный день, под знаком другой — кончился. Но сейчас я хотел сказать не о том — я хотел объяснить другое: и молоко и лошадь вернулись ко мне взрослому, и память об этом меняет то, что я некогда видел. Если же мне надо точно увидеть детство, я должен найти что-нибудь, еще не притупившееся от долгого употребления. И вот сейчас я ставлю этот опыт. Покопавшись в самой глубине, я вспоминаю в первый раз, что рядом с молочной была еще одна лавка, таинственная и волшебная. Там продавали краски в крохотных

мисочках и остроконечные мелки, которых я больше не встречал. Я вспоминаю не о чистых, ярких цветах обычной коробки с красками — не о лаковой красной и не о берлинской лазури, хотя я любил их и люблю теперь и радуюсь им, когда их вижу и когда о них читаю. Но сейчас я вспомнил, что среди мелков был светло-красный, и острый конец неяркого стерженька уколол меня, словно он и вправду мог рисовать кровь.

Мое детство чудесно тем, что все в нем было чудом. Что бы я ни вспомнил, все пронзает мне сердце — совершенно все, а не то, что я сейчас считаю важным. Тем и отличается детство от другой вершины прошлого — первой любви. Воспоминание о первой любви тоже пронзает сердце; но у него есть острие, есть цель, оно как кончик шпаги. Воспоминание о детстве — как тысячи окон, распахнутых на все стороны света.

Сейчас я поставил опыт. Я попытался прибавить к тому, что помню, то, что я забыл. Я всегда помнил молочную; я только сейчас вспомнил краски; и я совсем не помню, какая лавка шла третьей. Но я знаю, что и она сияла тем же утренним светом — ведь она стояла на той же улице, под теми же небесами. Память о том, что приходит к нам позже и зовется первой любовью, — совсем другая. И она отблеск лучшего мира; но ее скорее сравнишь с закатом, чем с белым светом дня. Я бродил вечерами по широкому полю, я видел в далеком ряду домов единственное окно, и победные трубы гремели мне приветом Беатриче. Но ни тогда, ни позже мне не казалось, что другие дома и окна так же чудесны. А стоит мне заглянуть в детскую страну чудес, и я убеждаюсь: чудом было все. Любовь изменяет мир; ребенок живет в неизменном, правильном мире. Взрослея, мы ощущаем, что не мир изменился, но мы; а меняемся мы задолго до великой и славной беды — первой влюбленности. Влюбляясь, мы чувствуем, что нас подстерегает потеря. В детстве мы этого не знаем.

Чтобы вспомнить детское ощущение мира, надо подумать не о том, что видел, а о том, чего не видел. Я думаю о задних стенах домов, о переулках, в которые я не забрел, о том, что таилось за углами, — и вздрагиваю от счастья. Всю жизнь я играл в одну игру: я брал книгу и представлял себе то, чего нет на картинках, например неизвестные уголки и проулки голландского города. Кстати сказать, книгу про Голландию иллюстрировал мой

отец; он же ее написал для домашнего употребления. Больше он книг не писал, а эту — поленился напечатать.

Отец перепробовал массу искусств и ремесел. Он рисовал акварели и готические миниатюры, мастерил волшебный фонарь, увлекался фотографией и лепкой. Для нас он был Человеком с Золотым Ключом — волшебником, открывающим ворота заколдованных замков и гробницы погибших героев. Для всех остальных он был очень честным и не очень честолюбивым дельцом. Так узнал я первое — и последнее, — чему нас учит жизнь: все хорошее больше внутри, чем снаружи.

Если я захочу коротко описать Честертонов, мою отцовскую родню, я скажу, что они англичане. Их добродушие не знало предела; их здравомыслие граничило с флегмой; они на свой, спокойный лад были беззаветно преданы дому. Но самой английской из английских их черт была склонность к хобби.

Хобби не отдых, не разрядка, необходимая для того, чтобы набраться сил. Спорт, например, не хобби. Если надо за полдня встряхнуть или проветрить человека, спорт или игра подойдут как нельзя лучше. Но хобби — не полдня, а половина жизни, точнее — вторая жизнь. Предаваясь хобби, человек не развлекается, а творит. Все знают теперь, как полезно упражнять тело, выключив на время ум. Но мало кто помнит, как полезно упражнять незанятые уголки ума. Наш дом кишел отцовскими хобби, но в моей памяти ярче всего кукольный театр. Случайно это или нет — на мою жизнь и взгляды сильно повлияло, что я видел такой театр в детстве.

По сравнению с отцом я мало умею делать сам. Но я научился любить ремесла — не слепой рычаг, а руки, мастерящие предмет. В нашем викторианском доме делали сотни вещей, которые теперь покупают за бешеные деньги. Я до сих пор люблю тянучки гораздо больше, чем дорогой шоколад, — вероятно, потому, что мы их варили сами. В каталоге неаписанных мною книг стоит под № 999 повесть о преуспевающем дельце, чью жизнь омрачает тайна. В конце концов выясняется, что он играет в куклы, или в солдатики, или еще во что-нибудь, приличное не дельцам, а детям. Признаюсь, что во всем, кроме респектабельности, я похож на моего героя. Я играл всегда и жалею о том, что на игру не всегда хватало времени. Как было бы хорошо, если бы нам не приходилось тратить на чтение лекций или писание рассказов время, не-

обходимое для творческой, серьезной, веселой детской игры!

Однако в отличие от моих современников я не поклоняюсь Играющему Ребенку. Худшая из модных ересей гласит, что ребенок не знает грани между жизнью и игрой. На самом же деле ребенок никогда не спутает факта с вымыслом — он просто любит вымысел. Он играет потому, что еще не умеет писать повести; но он никогда не даст игре стереть границы здравомыслия и нравственности. Сколько б он ни изображал разбойника, он не решит, что воровать похвально. Я хорошо знал эту разницу в детстве — хотел бы я так ясно знать ее теперь! Мы часами играли в разбойников, но все наши подвиги в зарослях сада не имели ничего общего с тайным искушением, подбивавшим нас стащить у папы краски. Однако, изображая разбойника, я не «притворялся» — я просто писал детектив раньше, чем научился грамоте. Я наводнял мир драконами, но твердо знал, что герой обязан с ними сразиться — и победить.

Здесь я останавливаюсь, чтобы бросить еще один вызов обожателям детей. Принято считать, что дети не любят правоучительных рассказов. Это неверно. Мы, взрослые, приписываем ребенку нашу унылую иронию; на самом же деле дети достаточно сильны, чтобы оставаться серьезными. Взрослые восхищаются глупостью героев детской книжки; дети просто любят их — во всяком случае я их любил и честно в них верил. В наши дни над этим принято шутить. Теперь презирают старомодные рассказы, которые — подумать страшно! — учат, что красть грешно. Но я воскрешаю сейчас дух вышедшей из моды эпохи и не могу обойти их молчанием.

Признаюсь честно: я очень любил хрестоматийные рассказы. Я не уверен, что теперь они бы мне понравились, но не в этом дело. Нам, взрослым, смешны и противны правоучения, потому что мы знаем, как часто ими прикрывают безнравственность. Мы знаем, что прописи в ходу у фарисеев и святош, у карьеристов и трусов. Но ребенок ничего не знает ни о карьеризме, ни о подлости. Он просто видит нравственный идеал, и идеал этот ему нравится. Ему кажется, что так и надо жить. И он совершенно прав.

И еще в одном ошибается циник, презирающий хрестоматию. Циники считают, что в самой идее награды есть какой-то порок. Современный мыслитель понимает, что только очень крупная взятка заставила бы его вести себя хорошо. Но

ребенок и не подумает о взятке, если фея скажет принцу: «Ты получишь золотое яблоко, когда победишь дракона». Ребенок не считает, что земные блага по сути своей отделены от добра. Он не считает, что быть хорошим — накладно. Для него и хороший поступок и золотой шар апельсина — части одного и того же рая, которым положено быть вместе. Ребенка не удивляет согласие и добрая дружба с теми, кто вершит его судьбу. Он не видит ничего странного в том, что родители добры к нему и дают ему апельсин, а он добр к ним и хорошо ведет себя. Это мы, вкусившие запретного плода, видим в удовольствии подкуп.

Но главное — не в этих частностях; главное — вот что: для меня у моих детских лет есть неповторимое свойство. Может быть, его нельзя передать, но это не значит, что оно туманно или призрачно. Оно конкретной и четче, чем разница между светом и тьмой.

Чем же отличалось мое детство от остальной жизни? Прежде всего ясностью. Здесь я не согласен со Стивенсоном, который говорил, что ребенок витает в облаках. Конечно, дети, как и мы, иногда предаются мечтаниям; не это отличает детей от взрослых. Я помню, что в моем детстве все было освещено особенным, белым светом, от которого предметы становились и четче, и веселее. В этом белом свете все казалось чудесным и новым, словно мир был не старше меня; но мир не становился менее реальным. Скорее уж теперь яблона в лунном свете кажется мне серой дриадой, а стулья и столы расплываются в сумерках, словно в повести Готорна или По. Когда я был ребенком, я доверчиво и удивленно видел в мебели — мебель, в яблонах — яблоно. Я ничуть не сомневался в яблоно и все же ей дивился. Не помню, хотел ли я достать луну с неба; зато я помню, что луна казалась мне плотной, как огромный снежок, и этот весомый шар привлекал меня куда больше, чем невесомый лунный свет. Только в слабых, как тени, подбоях могу я выразить то, что было; но это были не тени, а факты.

Может показаться, что я противоречу себе; ведь любовь к кукольному театру говорит как будто бы о тяге к иллюзии. Если вам так показалось — вы ничего не поняли. Театр не был связан для меня ни с иллюзией, ни с разочарованием. В жестоком реалистическом романе мне пришлось бы рассказывать, как рухнули все мои мечты, когда я обнаружил, что принц всего лишь кусок картона. Но я пишу

не жестокий роман, а правдивый рассказ. Я любил кукольный театр, хотя прекрасно знал, что он картонный. Я любил картонных актеров, хотя видел их вблизи. Белый свет чуда, освещающий и актеров и сцену, не был эффектом освещения. И ярче всего сияют в моей памяти самые простые, ничуть не волшебные предметы, например деревянные палочки, благодаря которым некрашеное дерево до сих пор связано для меня со священным ремеслом плотника. То же самое можно сказать о моей любви к марионеткам. Я прекрасно знал, что они деревянные, это мне и нравилось. Мне было приятно, что кусок дерева стал человеческим лицом. И тем не менее драма картонных или деревянных героев по-настоящему трогала меня. Конечно, ребенок не может так анализировать себя, а взрослый не смеет. Но я уверен, что ребенок не обманутый простак: он наслаждается искусством, как театральным критик, только гораздо сильнее.

Да, я не только радовался пьесе — я был благодарен бутафории, хитростям, четырехугольной холщовой башне с квадратным окном. Но если бы только иллюзия радовала меня, я разорвал бы холст в клочья. Я радовался, а не огорчался, что волшебными фигурками управляют три обыкновенных пальца. И я был прав — ведь эти три пальца волшебнее всего на свете. Они держат и перо, и смычок, и меч.

Многим покажется, наверное, что всем этим рассуждениям не место в «Автобиографии». Спешу заверить, что они тесно связаны с развязкой. Чтобы заработать на жизнь, я наводнил мир миллионами эссе; но эта книга — не цепь эссе, а повесть. И я воспользуюсь здесь приемом детективной повести — подброшу в первых главах три или четыре не совсем понятных факта. Все мы читали повести, где в начале викарий внезапно задрогнул, какаду закричал в ночи, сгорела промокашка, кто-то упорно избегает упоминаний о луковцах — и все разъясняется в конце. Так и здесь. Терпеливый читатель заподозрит, что все эти смутные мысли связаны с моей дальнейшей жизнью. Я не скажу сейчас, угадал он или нет. Я просто подведу итоги, не вдаваясь в споры о том, к чему это все ведет.

Первое. Я рос в эпоху эволюции, что, собственно, значит «разворачивание». Многие ее поборники считали, что разворачивается то, чего нет. Я же верю, что разворачивается, развивается то, что есть. И, как это ни дерзко, я верю, что в дет-

стве я уже был. Все основное было; я этого не понимал — но все это было во мне.

Второе. Я уже знал, что игра и обман совсем не одно и то же. Я не мог бы объяснить, в чем тут разница, но мне и в голову не приходило, что об этом могут спросить. Ребенок постигает суть искусства задолго до того, как постигнет суть спора. Теперь говорят, что образы — ложные кумиры, а кумиры всего лишь куклы. Рад сообщить, что и куклы не кумиры, но образы и подобия в истинном смысле слова. Без образов нет воображения; но не надо думать, что воображение противно истине, — это не так, даже в детстве. Вернее будет сказать, что воображение противно иллюзии.

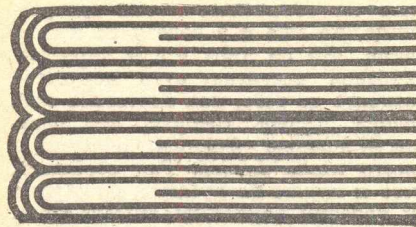
Третье. Кукольный театр был для меня действием, а не грезой. Скорее уж тогда я бодрствовал, а позже спал; тогда был день, потом наступили сумерки. Что же значит эта разница между тьмой и светом? Сейчас я, кажется, знаю...

Четвертое. Легко подумать, что мне выпало исключительно счастливое детство и я не знал беды, пока не вырос. На самом же деле я, как все дети, часто бывал несчастлив; но счастье и несчастье были тогда другими. Как все дети, я часто вел себя плохо и ни на миг не сомневался, что за это платят бедой. Кроме того, я знал боль, у меня часто болели зубы, еще чаще — уши, а это очень неприятно. Но и здесь все было не так, как позже. По какой-то причине боль не оставляла горького осадка.

Я не так уж много путешествовал и не искал приключений, но кое-что я все-таки видел. Я участвовал в политических расправах; я беседовал с государственными мужами в часы, когда решались судьбы наций; я знал почти всех настоящих поэтов и прозаиков нашей эпохи; я бывал на краю земли, опустошенном землетрясением или смерчем. Многие газетчики видели больше, но и я — журналист, и я видел немало. Мне было бы легко набить главы событиями; однако они ни о чем не скажут, если читатель не поймет, что все это вместе взятое значит гораздо меньше, чем папин кукольный театр.

Я чувствовал всегда, что детство было моей настоящей жизнью, истинным началом чего-то очень важного. Тогда я знал, а после забыл, что такое жить. Человеческая жизнь начинается как надо; только позже мы вступаем в туман или сворачиваем в сторону. Это мы, взрослые, живем игрой и притворством: это мы спим наяву.

Переведла Наталья ТРАУБЕРГ

берегите ребенка!

Чингиз Айтматов. ПОСЛЕ СКАЗКИ. (БЕЛЫЙ ПАРОХОД). В его книгах: Повести и рассказы. М., «Молодая гвардия», 1970; Фрунзе, «Кыргызстан», 1971.

У детей есть два рода сказок: одни им рассказывают, другие они придумывают сами. Сказка рассказанная расшевеливает их воображение, и оно создает свою, в которой чудесно сплетаются жизненный опыт маленького человека с его желаниями, ощущениями, опасениями.

У маленького героя повести Чингиза Айтматова «Белый пароход» тоже две сказки: одну ему рассказывал дед Момун — про Рогатую мать-олениху, которая спасла от смерти мальчика и девочку, бежавших от врагов, выкормила их своим молоком, вырастила и потом помогала им и их детям. А когда люди из этого племени стали охотиться на маралов, убивать их, обиделась на них мать-олениха и ушла. Собрала своих последних детей-маралов, поднялась высоко в горы, попрощалась с Иссык-Кулем и увела маралов за перевал на другую сторону, в другой край, а уходя, сказала, что никогда не вернется.

Другую сказку мальчик придумал сам. Мальчик этот был сирота — при живых родителях: отец его знать не хотел — и он не знал своего отца, а мать жила в городе, у ней был уже другой муж, и ей было неудобно взять к себе сына, она говорила: тесно, нет жилья. И мальчик поселился с дедом на лесном кордоне, в Сан-Ташинской пади, в глухом углу, где жили всего две семьи — объездчик

Орозкул с женой, теткой мальчика, дедом Момуном, бабкой и подсобный рабочий Сеидахмет с женой и маленькой дочкой.

Никто, кроме деда Момуна, не любил и не ласкал мальчика. Дед устроил ему на быстрой горной реке, протекавшей возле кордона, запруду, оградив большими камнями, чтобы течение не унесло мальчика, когда он купался. Дед подарил мальчику большой полевой бинокль, которым его премировали за долгую службу на кордоне. Дед из своих малых денег купил мальчику дерматиновый портфель, чтобы ходить в школу. Мальчику не с кем было разговаривать, никто не обращал на него внимания, он привык разговаривать с самим собой, с портфелем, с большими камнями на берегу, которые он прозвал Верблюдом, Волком, Седлом. Но больше всего он любил забираться на Караульную гору и с ее вершины смотреть на окружающий мир. Отсюда далеко было видно и горы, и леса, и поля, и селения, и дороги, по которым бежали крошечные автомобили. А «на самом краю земли» видно было синее озеро Иссык-Куль, и на нем — мальчик ждал этого — появлялся белый пароход, длинный, красивый, с высокими трубами, сильный, он шел медленно и величественно своей дорогой, неведомо куда и неведомо откуда. Видение этого прекрасного белого парохода и родило в воображении мальчика вторую сказку, которую он лепил в душе, как мечту, в глубокой тайне.

Он не помнил, никогда не видел своего отца и матери. Но он слышал однажды, как люди говорили, что его отец служит матросом на каком-то пароходе. Мальчик вообразил, что отец служит именно на том белом пароходе, за которым он следил в бинокль с Караульной горы. И придумал свою сказку: он станет рыбой, уплывет с кордона через ущелье в озеро Иссык-Куль и подплывет к пароходу: «Здравствуй, белый пароход, это я!» Люди на пароходе сбегутся, увидят его, и он скажет своему отцу, что он — его сын. Отец выловит его сетью, поднимет на палубу, он станет опять мальчиком-человеком, поплывет с отцом на белом пароходе, расскажет ему про свою жизнь на кордоне. Мальчик так ясно представлял себе свои разговоры с отцом на белом пароходе — и только конец его сказки был ему неясен: ведь когда-то пароход должен пристать к берегу, а на берегу ждут отца его жена и дети, и как будет с ним: возьмет его отец с собой в дом или нет — он не мог себе представить... Зато свою жизнь он пересказывал отцу так подробно — про суровые зимы, когда они с дедом одни на кордоне, про веселое лето, когда у

кордона останавливаются пришлые люди со своими стадами и есть с кем поговорить, кого послушать. А зимой он слушает только деда Момуна, который рассказывает ему сказки... И даже свою любимую сказку про Рогатую мать-олениху мысленно пересказывает мальчик неведомому отцу.

Ребенку нужны отец и мать. Мальчику нужен отец — это так хорошо показано автором «Белого парохода». Нужен сильный и добрый, занятый важной и трудной работой, но добрый, с которым можно обо всем поговорить, который все понимает. Если нет отца, мальчику нужна сказка о нем: ведь в сказке он может добраться до отца, рыбкой доплыть до него, взойти на чудесный белый пароход.

Мальчику в повести Айтматова всего семь лет, он только-только поступил в школу, но он уже многое знает о жизни и людях, знает такое о жизни и людях, от чего больно щемит сердце у читателя.

Айтматов, конечно, обдуманно показал нам далеким и глухим угол, где случилась эта трагическая история с мальчиком: тут еще царствует слепая и грубая сила — в лице Орозкула, который что хочет, то и делает на кордоне — это собственник в самом ярком выражении, и безнаказанность и безответственность только усиливают в нем разнузданность власти. Этому человеку, потерявшему человеческого облик, злоупотребляющему и своей властью над подчиненными ему, и прямо — доверенным ему лесным хозяйством, писатель придает одну черту, которая могла бы смягчить его, но, наоборот, еще ожесточает: Орозкул хочет ребенка, хочет сына, а судьба словно наказывает его, отказывая ему в отцовстве. Казалось бы, у людей лесного кордона есть возможность проявить любовь к ребенку — стоит только обратить немножко больше внимания на сироту, живущего с ними. Но Орозкул (да и остальные жители кордона) — собственник и в этом чувстве, он может любить только своего ребенка, чужой лишь берedit его обиду, его тоску, словно подчеркивает его унижение. Орозкул пьет до потери сознания, избивает чуть не до увечья свою жену, он вспыльчив и несправедлив — увольняет деда Момуна за то, что тот взял коня, чтобы привезти из школы внука. И сколько понадобилось униженной покорности Момуна, чтобы остаться на кордоне.

Мальчик видит все это и понимает, несправедливость Орозкула и жалкая покорность деда ранят его сердце, вызывают в нем протест. Ребенок жаждет справедливости и добра. В тяжелой, грубой обстановке

глухой и темной кордонной жизни ребенок сохраняет чистоту и стремление к красоте и правде, и в этом ему помогает природа: высокие горы, стремительная бурная река, далекое синее озеро, облака в небе, даже большие камни у запруды — помогают природа и сказка. С ними он чувствует себя не таким одиноким (ребенку всегда нужен товарищ, друг, а на кордоне нет больше детей, да и вообще людей мало). И еще помогали ему жить встречи с людьми, не похожими на Орозула и других кордонных жителей: мальчик запомнил, как в жестокою метель заблудилась в горах колонна совхозных машин и шоферы спасались у них на кордоне, они были молодые, веселые, смелые, и особенно подружился мальчик с Кулубеком, который спал рядом с ним на полу и успокаивал его ночью, когда мальчику приснился страшный сон.

Но вот в одну из самых тяжелых минут его жизни, когда он горько плакал один, обхватив руками камень, который называл Верблюдом, — не в силах поверить, что дед Момуна выгоняют с кордона, — вдруг в эту самую минуту за рекой появились маралы. Мальчик тотчас признал в них Рогатую мать-олениху и ее сыновей и замер от счастья, любясь ими. Потом он с криком побежал к деду — сообщить ему об этом необычайном явлении. Какая радость! Мать-олениха вернулась к людям! Дед сначала не поверил мальчику, думал, что он бредит, — у мальчика в самом деле начался жар, он заболел, очевидно, простудившись у воды на камне. Несколько дней мальчик пролежал в жару, а когда очнулся и вышел на двор, увидел свету на дворе, чужих людей, гору мяса и на земле отрубленную голову оленихи. С ужасом смотрел на нее мальчик, а вокруг Орозула и его приятели грубо шутили, что, мол, рога оленихи будут великолепным украшением на могиле Момуна. Все они были сыты, пьяны, довольны удачной охотой, и дед Момун тоже. И тогда мальчик понял, что Рогатую мать-олениху убил дед Момун по желанию Орозула, убил из страха перед ним. Мальчику стало невыносимо — и он решил уплыть рыбой, уйти далеко от этого страшного места. И он ушел, ступил в воду — и никто не заметил, как он уплыл, ушел навсегда от людей...

Писатель кончает повесть удивительными словами, обращенными к своему маленькому герою:

«...Ты отверг то, с чем не мирится твоя детская душа. И в этом мое утешение. Ты прожил, как молния, однажды сверкнувшая и угасшая. А молнии высекаются небом.

А небо вечное. И в этом мое утешение.

И в том еще, что детская совесть в человеке — как зародыш в зерне, без зародыша зерно не прорастает. И что бы ни ждало нас на свете, правда пребудет вовеки, пока рождаются и умирают люди.

Прощаясь с тобой, я повторяю твои слова, мальчик: «Здравствуй, белый пароход, это я!»

Повесть Айтматова — одно из явлений нашей литературы, какое никого не может оставить равнодушным. Она написана в защиту ребенка, в защиту будущей жизни, в защиту всего светлого и прекрасного в человеке. Она написана о ребенке и обращена к взрослым. Писатель тоже, как его маленький герой, не хочет мириться с жестокостью, несправедливостью, уродством жизни — тем, что еще осталось, еще гнездится в людях, тем, что ложится страшной тенью прошлого на сегодняшний день. Повесть словно говорит нам: ребенок беспомощен против зла, он весь тянется к добру, зло ранит его душу. Берегите ребенка, не отнимайте у него сказку, поэзию, веру в людей, не погубите его жестокостью. Ведь если даже он не уплывет с водой, как этот маленький киргизский мальчик, все равно он погибнет для будущего, если вы погубите в нем человеческую чистую веру в счастье. Сказки замечательны тем, что у них всегда счастливый конец, добрый конец, человеческий. В сказках в конце концов, как бы ни были страшны испытания, побеждает тот, кто не делает зла людям, кто помогает им словом и делом. И если бы мы не верили в победу добра и правды, мы не могли бы жить на земле.

Повесть Чингиза Айтматова звала бурную вспышку откликов — верный признак того, что произведение задело читателей за живое. Иные были смущены, правда, острым, обнаженно трагическим концом повести. Но ведь «хороший» конец звал бы нас к благодушию, ослаблял наши силы в борьбе со злом, которое — хотим мы того или не хотим — пока еще существует в нашем обществе. Финал повести был бы неприемлем для нас, если бы маленький герой Айтматова, чудесный мальчик с душой, открытой красоте мира, поэзии, добрым людям, доброй сказке, примирился с окружающей его гнусностью. Но он не примирился. Он ушел из жизни непопавшим. Писатель дал ему уплыть в вечность — чтобы нам было больно и стыдно, чтобы мы острее почувствовали свою ответственность — всех и каждого — за детей, за наше и их будущее.

Вера СМЕРНОВА

КОГДА УЧИТЬ ЗАВЯЗЫВАТЬ ГАЛСТУК?

И. Аасамаа. КАК СЕБЯ ВЕСТИ. Перевели с эстонского Л. Г. Батарин и Ю. Н. Маткевич. Художественное оформление Х. Валк. Таллин, «Валгус», 1972.

Передо мной лежит книга. Мне прислали ее друзья из Эстонии. Она вышла там уже тремя изданиями на эстонском, а теперь уже вторым и на русском языке. И каждый раз — нарасхват.

Может быть, эта книжка не во всех отношениях безупречна. Вероятно, о чем-то в ней чуть-чуть много, а о чем-то обидно мало. Любопытный читатель наверняка обнаружит, что обо многом он и без того знает (один, другой, другое), а придирчивый критик сможет найти какие-то, по его мнению, неточные или даже неверные рекомендации. Но на всех не угодишь, и каждый из нас что-то знает из области, послужившей темой для книги (а она, между прочим, рассчитана на любого, потому и содержит немало прописных истин), но поскольку все поднесено с хорошим юмором, ненавязчиво, тонко, поучения автора не обижают, и читается она в любом случае с интересом. А неточности допустимы и потому, что других-то книг нет, «объективных» истин в данном деле — тоже!

Что же касается полезных советов и наставлений, то тут их великое множество. Какой должна быть походка; как сидеть на стуле (дискуссионный вопрос: может ли женщина сидеть нога на ногу? Может, считает автор, если юбка не слишком короткая); что делать с руками, чтобы они не мешали; где, как и о чем следует говорить; нужно ли высказывать комплименты (в некоторых случаях невысказанный комплимент, пишет И. Аасамаа, «может граничить с невежливостью, например если вы не сумеете оценить с любовью приготовленные хозяйкой яства или другие знаки ее внимания»); как знакомить людей и представлять самого себя, что делать, если видишь в ресторане ссору или слышишь в свой адрес

оскорбительные замечания (ответ короткий: «игнорировать»).

Поведение при посещении художественной выставки? Ну уж это, кажется, не требует пояснений. Но автор книги приводит советы, скажем, нелишние. Не стоит, говорит она, шумно выражать свой восторг, щеголять эрудицией в области искусства, громко обмениваться мнениями со спутником. А главное, «критикуя искусство, нужно быть осторожным. Образованный человек обычно сдержан в высказывании своих впечатлений. Поэтому, если вы столкнетесь с художественным произведением, мысль и красота которого вам непонятны, не спешите судить по первому впечатлению и прежде всего воздержитесь от пренебрежительного отношения к художнику и произведению». Весьма актуальное замечание!

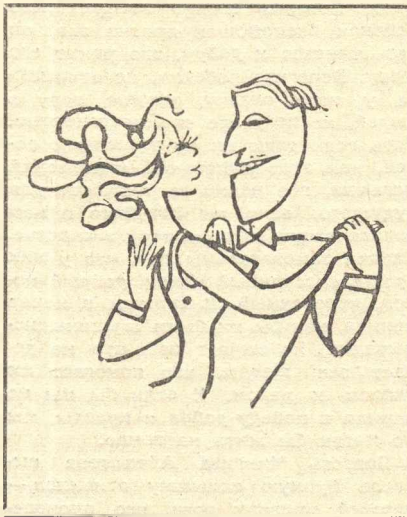
Это всё — наугад взятые примеры. Советы строго систематизированы и охватывают все стороны нашей жизни. Одни весьма важны, другие могут кому-то не пригодиться, но все вместе они составляют внешний «рисунки поведения» воспитанного человека. Впрочем, не только внешний.

Книга воспитывает тактичность, учит умению относиться критично к самому себе, быть скромным и естественным, соблюдать достоинство, хранить данное слово и быть терпимым к другим, с уважением относиться к окружающим и вырабатывать хороший вкус, постоянно заниматься самовоспитанием... Иначе хорошие манеры немногого будут стоить.

«Не секрет, — замечает автор, — что немало есть еще у нас людей, которые иронически относятся не только к самим правилам поведения, но и к тем, кто их соблюдает, считая этих людей жертвами буржуазных предрассудков. Они утверждают, что образованному человеку, разбирающемуся в политике, литературе, музыке и искусстве, хорошему специалисту, умеющему ценить людей, совсем не обязательно считаться с тем, входит человек в помещение в шляпе или без нее, протягивает он первым руку или ждет, когда ему ее подадут». С этими взглядами, по существу, спорит книга.

Писали ее для взрослых, хотя, впрочем, можно было бы рекомендовать ее для детского чтения и в старших классах школы. Но дети — зримо или незримо — присутствуют на ее страницах. Ведь они зорко следят, как мы себя ведем, принимают и хорошее и дурное.

Вот несколько советов из области «отцы и дети». С 16 лет к чужим детям необходимо обращаться на «вы». Молодой человек может попросить близких старших говорить ему «ты»,

при этом сам он продолжает говорить им «вы». Если же старший разрешит и себя называть на «ты», молодой человек должен принять это как величайшее доверие и соответственно себя вести: «...в тоне и манере разговора должно выражаться уважение». Молодым людям следует помнить, что «им нужно ждать, пока старшие, почтенные люди не втянут их в беседу. В свою очередь, старшие должны давать молодым возможность высказаться, не прерывая их». Пока пожилой не заговорит первым с представленным ему молодым человеком, тому следует подождать с разговором, либо, «если начало разговора затянулось, молодой тоже может прервать создавшуюся неловкую паузу, сказав вовремя и тактично что-нибудь подходящее...»

Есть множество других норм, регулирующих отношения между людьми различных поколений, и каждая из них исполнена большого смысла, за ней стоит не педантизм правил, а нормальное, сложившееся в веках уважительное отношение к старшим по возрасту и опыту.

Но ведь бывает и так, что неправ старший? Да, и в этом случае взрослый должен извиниться перед ребенком, воспитывая в нем чувство справедливости и достоинства. Ведь воспитание детей состоит не только в том, чтобы научить их мыть перед сном руки, ноги, шею, уши, пользоваться носовым платком, не грызть ногти, не разговаривать с полным ртом. Нужно поощрять в ребенке «все доброе, хорошее, его попытки быть примерным. Но не следует захваливать детей», советует книга, справедливо относя к «правилам хорошего тона» законы поведения в семье.

...Конечно, эта книга не заменит других, тех, что еще не написаны. Зато она служит прекрасным примером того, как нужно подходить к делу. Такие пособия не могут быть скучными, вымученными, в них должно быть поменьше теоретизирований и побольше полезных советов, высказанных так, чтобы не отбить охоту им следовать. А усваиваются такие советы легче и прочнее всего в детстве. Как сказала мне однажды знакомая эстонка, «если не научишь мальчика в 10 лет завязывать галстук, он никогда потом не научится». То есть научить-то, конечно, его можно, но все равно — как бы не опоздать. А вот начинать — никогда не рано.

Владимир ВОЙНА

На рисунках (сверху вниз):
«Не следует размахивать зонтом»;
«Танцую, девушка не должна слишком изгибать спину»;
«Хлеб и булку берут рукой».

девочка из вьетнама

Блага Димитрова. **СТРАШНЫЙ СУД.** Роман — путевой дневник. Авторизованный перевод с болгарского В. Солоухина. М., «Молодая гвардия», 1971.

Мне кажется, эту книгу должны прочесть все матери Земли, все родители, чтобы еще и еще раз возвысить свой голос в защиту мира, в защиту детей.

Написана она болгарской женщиной — Благой Димитровой. Писательница эта участвует в международных конгрессах в защиту мира, много путешествует. Трижды посещает далекий страдающий Вьетнам. И будто голос его, звучат в ее сознании слова: «Возьми бархатное тепло этой тропической ночи, все ее ароматы, жужжание неведомых насекомых, а потом этот рев бомбовозов, это душевное близкой смерти, этот грохот и этот огонь, крики людей и судороги их перед гибелью, заверни все в брикеты слов, как взрывчатку. Сердце свое вложи вместо запала и отправь все это туда, где люди пребывают в дремоте, тишине равнодушия или в ощущении благополучия».

Роман «Страшный суд» — это крик, крик из самого сердца, из глубины души. Люди, остановитесь! Пожалейте детей, пожалейте израненную землю, пожалейте мою малень-

кую дочку Ха, у которой во Вьетнаме остались близкие.

Да, писательница увезла измученную войной и голодом вьетнамскую девочку по имени Ха, стала ей второй матерью. Взаимоотношения Б. Димитровой с ее маленькой дочкой, умной и своенравной, — в центре внимания автора. В этой девочке живет Вьетнам с его прошлым и настоящим. В Болгарии, увидев первые снежинки, Ха отпугивает их, как мух, боится, как бы они не сели на лицо. Потому что в ее стране мухи несут болезни и смерть.

Став матерью, взяв на себя ответственность за воспитание человека, Блага Димитрова сталкивается со множеством вопросов. Один из них. Почему твердая, суровая воспитательница детского сада тетя Нюнг так дорога сердцу маленькой девочки, что она не забывает о ней и в Болгарии? Однажды приходит ответ. Девочка больна.

« — Не ходи на работу, — просит Ха и дергает меня за руку.

— Нет, нет, не пойду.

Во рту еще горечь от лекарств, а она сияет. Мне знакомо это редкое выражение ее лица. Откуда? Из каких прошлых дней?

— Ко Нюнг... — бредит ребенок и держится за меня.

Понимаю. Тетя Бархат (Нюнг) отдавала детям все свое время. День и ночь. Не крича, не торопя детей и не торопясь сама. Ей нездорово было нервное состояние: «Теряю время!», «Скорей!», «Опоздываю!», «В другой раз!», «Я занята!», «Не мешай мне!», «Не задерживай!», «Оставь меня в покое!» Она не считала свои минуты. Даже назначенные голодом, страхом, хворостинкой, дети видели, что все ее время отдано им».

Потому-то эта строгая женщина в памяти девочки оказывается самой доброй на свете.

Маленькая Ха встает со страниц книги как близкое, знакомое нам существо. И не только она. Оживают мужественные женщины Вьетнама, вместе со своими братьями, отцами, детьми защищающие родину с оружием в руках. В этих людях поражает не только сила духа, но и сила единения, доброта, деликатность, нежность. «У вьетнамцев мы наблюдаем совсем уникальное явление: их нежность, прошедшая сквозь огонь, кровь и жестокость, осталась нетронутой».

В художественно-публицистическом романе Благой Димитровой переплетаются поэзия и лирика, публицистика и философия. Роман очень современен, чтение его несет большие раздумья и волнение за людей, за судьбу человечества.

З. ЛИТВИНЕНКО
г. Днепропетровск

недавно выпущено...

Азаров Ю. П. Искусство воспитывать. М., «Знание», 1971. 96 с. 128 440 экз. 18 к.

Балкарские и карачаевские сказки. Пер. и обработка для детей А. Алиевой и А. Холаева. Предисл. К. Кулиева. Худож. С. Меджидова и Я. Анкизов. М., «Дет. лит.», 1971. 191 с. с илл. 100 000 экз. 51 к. (Для начальной школы).

Глобус, 1971. Геогр. ежегодник для детей. Сост. Л. А. Джалалбекова. Л., «Дет. лит.», 1971. 495 с. с илл.; 14 л. илл. 100 000 экз. 1 р. 78 к. (Для детей среднего и старшего возраста).

Криштоф Е. Г. Меджанству — бой! Симферополь, «Таврия», 1971. 79 с. 20 000 экз. 12 к.

Кымпан Ф. История числа «пи». Пер. с румын. Под ред. Б. А. Розенфельда и Б. В. Вирюкова. М., «Наука», 1971. 216 с. 70 000 экз. 58 к.

Окунджав Б. Глоток свободы. Повесть о П. Пестеле. Вступит. статья С. Волка. Худож. К. Соколов. М., Политиздат, 1971. 360 с.; 6 л. илл. 200 000 экз. 69 к.

Оржеховская Ф. Пять портретов. Повести о русских композиторах. Грав. Н. Калиты. М., «Дет. лит.», 1971. 160 с. с илл. 100 000 экз. 44 к. (Для детей старшего возраста).

Парандовский Я. Мифология. Берования и легенды греков и римлян. Пер. с польск. и предисл. Н. Дубова. Худож. Е. Ганнушкин. М., «Дет. лит.», 1971. 272 с. с илл.; 32 л. илл. 75 000 экз. 97 к. (Для детей среднего и старшего возраста).

Прилежаева М. На Двадцать четвертом съезде. М., «Дет. лит.», 1971. 63 с. с илл. 100 000 экз. 1 р. 24 к. (Для среднего школьного возраста).

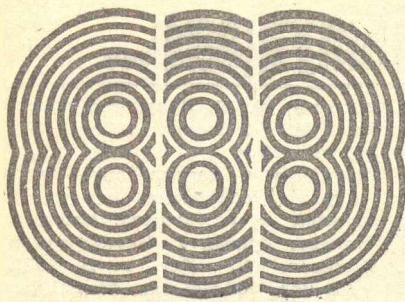
Старостин А. Митька. Рассказы. Рис. Г. Никольского. М., «Дет. лит.», 1971. 20 с. с илл. 300 000 экз. 18 к. (Для дошкольников).

Товарищ. 1972. Спутник пионера. Сост. В. С. Ханчин и Ю. Е. Ривес. М., «Мол. гвардия», 1971. 398 с. с илл. 200 000 экз. 1 р. 50 к.

Ученые о науке и ее развитии. Сборник статей. Под ред. Н. И. Родного, Ю. И. Соловьева и Б. С. Грязного. М., «Наука», 1971. 259 с. 2 700 экз. 96 к.

Эврика — 71. Ежегодник. Сост. Н. Лазарев и Ф. Наумов. М., «Мол. гвардия», 1971. 429 с. с илл. 150 000 экз. 1 р. 90 к.

Яхнин Л. Площадь картонных часов. Рис. В. Чижикова. М., «Малыш», 1971. 79 с. с илл. 100 000 экз. 81 к. (Для старших дошкольников).

Новая красота

С. Прокофьев. РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА. Музыка балета. Исполняет оркестр Большого театра СССР. Дирижер Г. Рождественский.

Этого дня Сергей Сергеевич Прокофьев ждал нетерпеливо — четыре года прошли с того дня, когда он закончил партитуру. И наконец-то сегодня, 11 января 1940 года, в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова назначена премьера балета «Ромео и Джульетта».

Какую судьбу пережила его музыка за это время... Встреченная скептически, она казалась странной, слишком терпкой, слишком угловатой, совершенно нетанцевальной. Не дожидаясь, пока балет увидят на сцене, композитор создал из его музыки две симфонические сюиты и несколько фортепьянных пьес, которые сам с удовольствием играл в концертах. Музыка начинала нравиться слушателям. Наконец она получила признание профессионалов, ее приняли в театре.

Сейчас, сидя в ложе и ожидая поднятия занавеса, Прокофьев вспоминал историю своего произведения.

К сцене его влекло с детства. Еще ребенком, никогда не видевши театра — он родился и рос в селе Солнцовка под Полтавой, где отец его был управляющим имением, — девятилетний Сережа написал свою первую оперу «Великан» и разыграл ее на домашнем театре с крестьянскими ребятами. Успех вдохновил его на создание еще нескольких «творений», о которых он всегда вспоминал с улыбкой. В театре было для него какое-то волшебство, которое не просто объяснить. И это отношение сохранилось на всю жизнь.

Во время длительного пребывания за границей (Прокофьев вернулся в Советский Союз в 1934 году) были осуществлены постановки его оперы «Любовь и трем апельсинам» и нескольких одноактных балетов. Встретившись в России с новым зрителем, он был поражен восприимчивостью, непосредственностью реакции, сразу же захотелось писать для театра. Он долго искал сюжет, хотелось писать о новой, современной жизни. Но при его огромной требовательности сразу найти близкий сюжет было нелегко. И тогда как бы сама собой возникла мысль о Шекспире. «Ромео и Джульетта», эта удивительная повесть о любви, великой и бескорыстной, которая так волновала и до него многих музыкантов. Он вспоминал и знакомую с детства увертюру-фантазию Чайковского, и симфонию Берлиоза, и оперу Гуно. Были, кажется, еще и несколько балетов на этот сюжет, написанных второстепенными композиторами прошлого века, но он их не знал, как не знал их уже почти никто.

Он собирался дать свое истолкование «вечного» сюжета Шекспира — не стилизовать музыку в духе шекспировских времен, а создать произведение, которое звучало бы современно: ведь музыку слушать и смотреть спектакль придут его современники, для которых чувства шекспировских героев так же живы, как и триста с лишним лет назад. Это будет его «Ромео», но в котором каждый должен узнать героев великого драматурга.

Работая над сценарием балета вместе с талантливым театральным режиссером, блестящим знатоком Шекспира Сергеем Эрнстовичем Радловым, композитор удивительно живо представлял ситуации и героев будущего спектакля. Конечно, при «переводе» трагедии на язык музыки и хореографии пришлось убрать некоторые шекспировские сцены, кое-что захотелось расширить. Но в основном, как ему казалось, он остался верен драматургу, сохранил напряженную и возвышенную атмосферу трагедии, ее невероятные контрасты трагического и комического, высокого и низкого. Как ясно видел он блистательный бал в доме Капулетти, юную Джульетту, церемонно и холодно танцующую с Парисом и вдруг озаряемую светом при встрече с Ромео, встречу Тибальда с Меркуцио, которые словно смотрят друг на друга быками, в которых внезапно закипят кровь, их поединок, участником которого он на время сам становился. Видит он и гордых и чванливых рыцарей, никак не могущих забыть вековую распрю, и шекспировскую толпу, то яростную, то безудержно веселящуюся. Неистовый Тибальд и

весельчак Меркуцио, готовый тут же обнажить шпагу, защищая честь друга, благородный патер Лоренцо, простодушная и хитроватая кормилица Джульетты — всех их он представлял отчетливо и каждому стремился найти мелодическую тему, соответствующую его характеру. Стремительную и угловатую тему дал он Меркуцио, таким он является в маске на бал в дом врагов Капулетти, и та же тема звучит прерывисто и трагически в сцене его смерти. Суровая и жесткая тема рыцарей, тема кормилицы, немного комическая (мелодия обрисовала словно по-утиную переваливающуюся женщину), тема Лоренцо, строгая и благородная, и в противоположность ей беспокойная тема вражды — всем он нашел точные музыкальные характеристики.

С особой любовью работал он над образами главных героев, его необычайно волновало их великое чувство, идущее навстречу вековой вражде; они победили ее своей смертью... Правда, сначала он думал дать в своем балете счастливую развязку. Трудно было представить, как будут выглядеть в балете умирающие герои: не смогут же они танцевать. Он даже написал музыку для этого счастливого финала. Но, когда однажды он ее играл в небольшом кругу друзей, кто-то сказал ему, что настоящей радости в финале не получится. Это была правда, не смог он пойти вопреки Шекспиру. Еще раз посоветовавшись с хореографами, решил, что и при трагической развязке можно найти нужное сценическое решение.

К главным героям он был особенно щедр: Ромео и Джульетте подарил добрый десяток музыкальных тем. Музыка Джульетты, то озорная и беззаботная, то хрупкая и нежная, как и ее пробуждающееся чувство, возвышенная музыка, характеризующая Ромео, проникновенные любовные сцены... Все это он писал в каком-то безудержном порыве вдохновения. Он, в музыке которого слушателям особенно нравились мощная энергия, упругость ритмов, полностью погрузился в лирическую стихию — хотелось создать музыку чистую и целомудренную. Хотя в лирике ему долгое время отказывали вое или замечали ее задним числом, он знает, что его сдержанная и негромкая лирика должна найти путь к сердцам людей — пусть только захотят они внимательно в нее вслушаться.

Большую часть музыки «Ромео» он сочинил летом 1935 года. Впервые за долгие годы он проводил летние месяцы в России. Среди чудесных пейзажей Поленова, живописно раскинувшегося на берегу Они, дышалось удивительно вольно и работалось особенно легко и свободно. Может

быть, оттого, что он так сросся тогда со скромной и чарующей русской природой, музыка выходила из-под его пера такой поэтичной.

Об одном он все время думал, сочиняя новое произведение, первое по-настоящему крупное, писавшееся по возвращении на родину, — музыка его должна быть мелодична и проста.

Он очень обрадовался, когда осенью 1938 года к нему явился молодой балетмейстер Леонид Лавровский. Прослушав музыку, он был настолько захвачен ею, что сразу же решил ставить балет в Кировском театре.

Композитор поехал в Ленинград, он хотел сам следить за всей работой. Правда, сначала не все шло гладко. У балетмейстера был свой план спектакля, и скрепя сердце ему пришлось кое-что переделывать в готовой партитуре, с некоторыми пожеланиями постановщика он и сам согласился. Пришлось кое-где изменить и оркестровку. В лирических сценах он стремился к прозрачности оркестра, для балетной сцены это не годилось. Он вспомнил, какое беспокойство вызывали у него в начале работы танцовщики. Они как будто танцевали под какую-то иную, не его музыку, были очень скованны. Ему не жаловались на неудобства: его побаивались, зато замучили Лавровского своими претензиями.

К счастью, все это позади. Он по-

мнил, как от репетиции к репетиции сживались с музыкой артисты. Видел, как молодая танцовщица Галина Уланова начинает чутко находить рисунок роли. Да, она уже становилась той Джульеттой, какой он видел

ее, работая над партитурой. Нравился ему и элегантный Константин Сергеев — Ромео. Хороши были и декорации, написанные Петром Вильямсом. Словом, спектакль, и его радости, родился, и сегодня он вместе со всеми, кто работал вместе с ним над спектаклем, ждет от публики решения.

...Когда три часа спустя он вместе с Лавровским, Улановой, Сергеевым, Вильямсом и другими участниками спектакля выходил на авансцену и отрывисто кланялся на бесконечные вызовы, он понял, что борьба за признание «Ромео и Джульетты» выиграна окончательно. Публика, для которой он писал свою музыку, приняла ее восторженно.

Так оно и было. По окончании войны спектакль был поставлен в Большом театре. Снова композитор увидел на сцене Уланову, которая танцевала теперь еще прекраснее. Поразили его и Алансей Ермолаев, несравненный Тибальд, и Сергей Корень, блестящий Мернуцио. Много раз, сидя в ложе Большого театра, он вновь и вновь переживал судьбы своих героев. И радовался, что музыка все больше и больше увлекает слушателей.

Композитора уже не было в живых, когда весь мир заговорил о великой балерине Улановой, покорившей всех в образе проиофьевской Джульетты, когда его музыка и балету была всюду признана великим классическим произведением...

Н. ТАНАЕВ

Издательство «Мир» выпустило в переводе на русский язык книгу английского психолога профессора Г. Айзенка «Проверьте свои способности». Это своеобразная книга — она представляет собой сборник задач, требующих для решения не специальных знаний, а способности к логическому мышлению. Несколько задач из этой книги мы предлагаем читателям «Семьи и школы». Решать их могут и старшие школьники.

проверьте свои способности!

Книга Г. Айзенка «Проверьте свои способности» обращена к самому широкому кругу читателей. Практически она обращена к любому, кто откликнется на ее призывное название. И действительно, за рубежом книга привлекла к себе самое пристальное внимание, став прямо-таки бестселлером.

Как известно, людям свойствен интерес ко всякого рода головоломкам, шарадам, ребусам, кроссвордам и пр., но обычно такой интерес не перерастает в массовое увлечение. Так чем же объясняется столь повальное при- страстие?

Дело в том, что автор предлагает вам испытать свои силы в решении целой серии задач, с помощью которых можно узнать что-то новое о себе, о своих способностях. Это уже не просто занимательное времяпрепровождение, несмотря на условность задач, их схематичность и как бы игровую форму. Желание испытать свои силы связано с извечным стремлением человека познать самого себя. Это оправданное и очевидное стремление, как ни странно, относится не к конечной цели — достичь самопознания. Призыв «познать самого себя» воспринимается не как задача, способная доставить радость только на этапе ее разрешения. Никто, собственно, об этом и не задумывается. Задача неисчерпаема, а цель относится к категории абсолютной истины. Но стремление к истине, сам процесс познания необычайно привлекательны. В этом главная приманка книги «Проверьте свои способности». Человеку приятно, что задача ставится в порядке самопроверки, то есть определение способностей отдается в его собственные руки. Иными словами, человек соединяет в одном лице исследователя и испытуемого, а книга поставляет и инструмент и программу исследования.

В процессе решения задач у вас может возникнуть чувство досады, нетерпения, желание бросить «заниматься пустяками», может появиться, как признает и сам автор, раздражение против составителя задач. Но при успехе вдруг все сменяется чудесным чувством радости. А успех чаще всего приходит неожиданно, как своего рода озарение. Человек просматривает только что решенную задачу и видит, что «ларчик просто открывался», однако он не только удивляется этому, но и вновь переживает радость открытия. Это мини-аторная, но верная модель такого большого события, как настоящее открытие ученого или художника, у которых процесс решения — дело всей жизни: в маленьких масштабах психологического эксперимента также присутствует «Эврика!» Архимеда.

(Из предисловия к книге, написанного доктором медицинских наук, профессором Ф. Д. Горбовым)

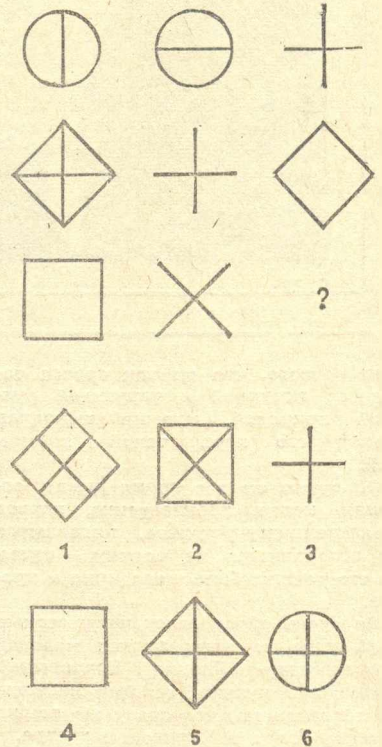
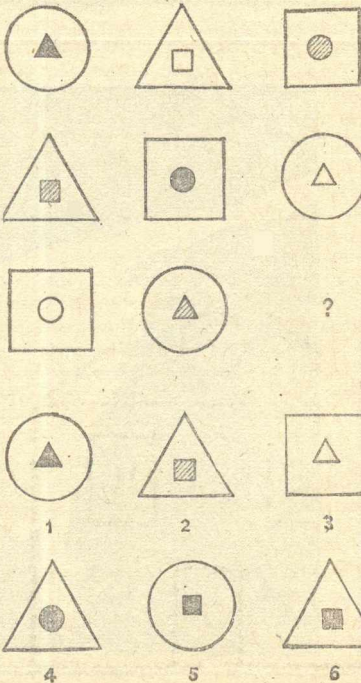
1. Вставьте слово, которое служило бы окончанием первого слова и началом второго.

ОБЫ (...) КА

2. Решите анаграммы и исключите лишнее слово.

ААЛТЕРК
КОЖАЛ
ДМОНЧЕА
ШКААЧ

3. Выберите нужную фигуру из шести пронумерованных.

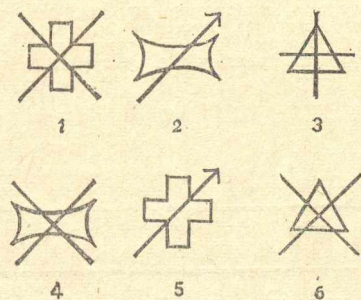
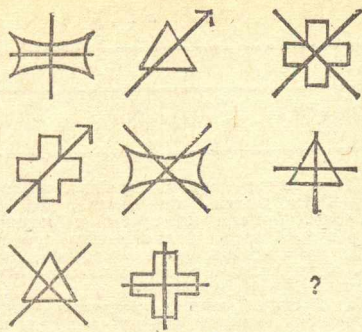
4. Выберите нужную фигуру из шести пронумерованных.

5. Вставьте недостающее число.

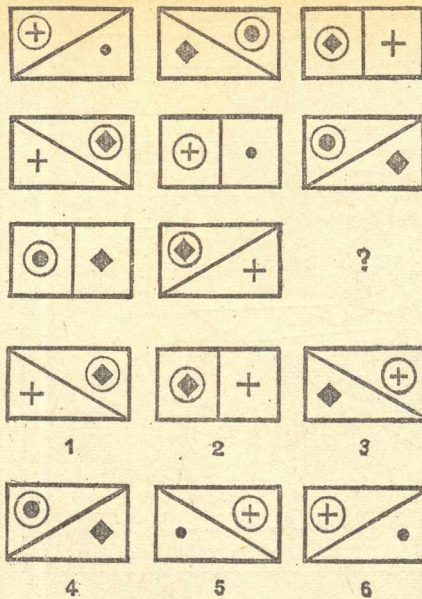
4 9 20
8 5 14
10 3 ?

6. Вставьте недостающее число.

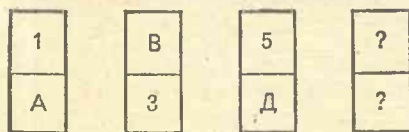
16 (27) 43
29 () 56

7. Выберите нужную фигуру из шести пронумерованных.

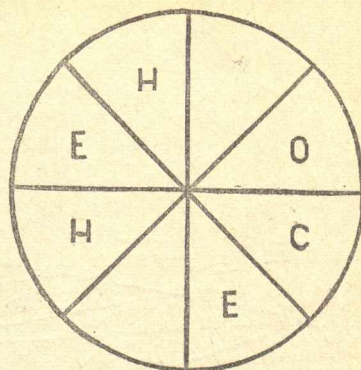
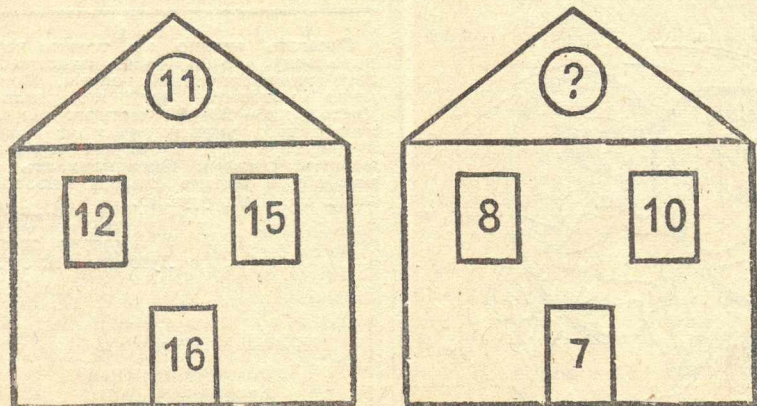

9. Выберите нужную фигуру из шести пронумерованных.

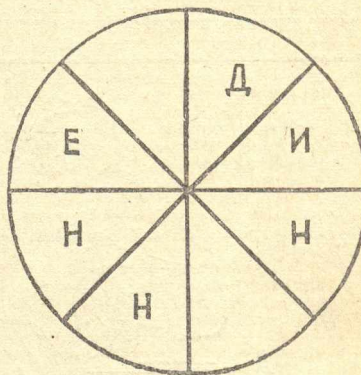

10. Вставьте пропущенную букву и пропущенное число.

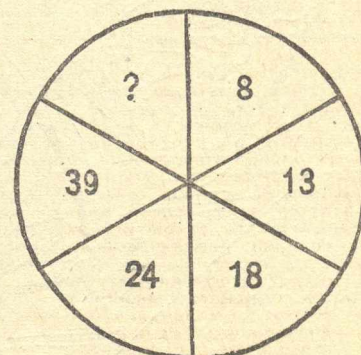
8. Вставьте недостающее число.

11. Вставьте недостающие буквы.

12. Вставьте недостающее число.

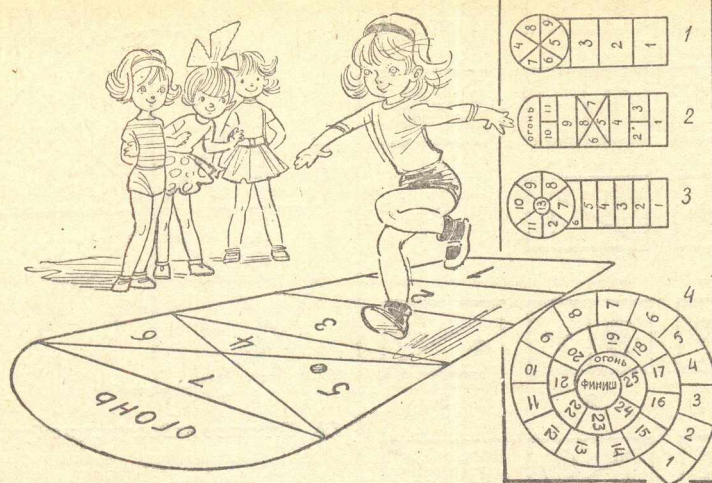

ПРЫГ-СКОК

Классы

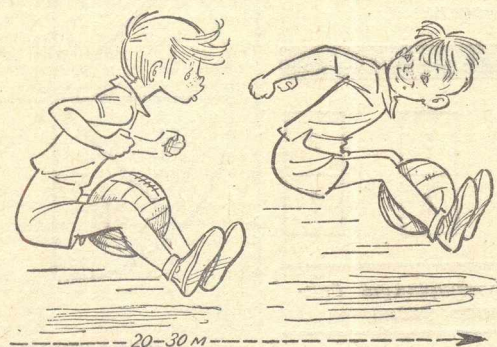
В «классы» играют ребята во всем мире. На земле, на камне, на асфальте. Бросив камешек в первую клеточку, надо, подталкивая его ногой, проскочить до последней клеточки. Следующий кон — камешек бросают во вторую клетку и т. д. Почти всегда чертят «огонь» — если камешек попадет случайно туда, все придется начинать сначала.

На рисунке (справа, под номерами) показаны различные фигуры «классов», в которые играют дети в Шотландии (1), Англии (2), Испании (3), Франции (4). Вы сами можете придумать различные фигуры.

Кенгуру

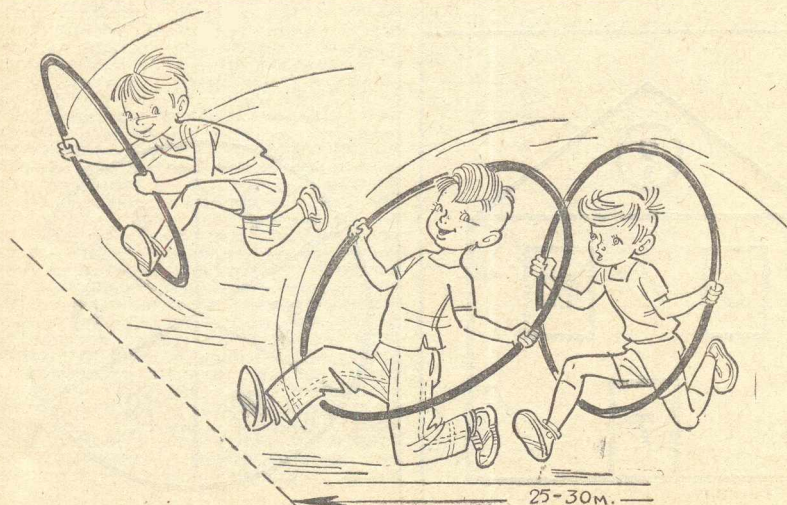
У каждого — мяч. Зажав его коленями или щиколотками, надо пропрыгать метров 20—30, стремясь добраться до финиша поскорее. Если мяч ускользнул, его надо поднять и снова продолжать бег. Конечно, время будет потеряно, но вдруг все еще поправится! Отталкиваться при прыжках надо сразу обеими ногами (потому игра и называется «кенгуру») — иначе мяч удержать трудно.

Гонки с обручами

Прыгать можно не только через веревочку, но и через пластмассовый гимнастический обруч. Можно даже устроить бег наперегонки. Дистанция — 25—30 метров. На линии старта участники стоят метрах в полутора друг от друга (чтобы не мешать соседу). Пересканивать через обруч можно любым способом, лишь бы было удобно.

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта
Художник А. Орлов

раз, два —
и в дамки!

Отдел ведет
заслуженный
тренер СССР
Ю. БАРСКИЙ

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ХОД

В четверг Колпаковский и Андрей Петрович играли матч. Из пяти партий. На первенство дома. Мы все, конечно, окружили их. Четвертую партию Колпаковский начал ходом 1. e3 — f4.

— Подозрительный ход! — усмехнулся Андрей Петрович.

Тогда Колпаковский тут же берет свой ход обратно, идет 1. c3 — d4 и

потом выигрывает партию. В пятой — белые Андрея Петровича.

— Послушайте, Колпаковский, — сказал он, когда игра была в разгаре, — не забудьте, что вы брали ход обратно. А то от вас только и слышишь: «Ход сделан — ход обратно не дается!»

— А какой я взял ход обратно? — подскокил Колпаковский.

— Как это какой? В прошлой партии! Вы пошли e3 — f4, а потом переменили на c3 — d4.

— Подумаешь! Я мог и не переменивать!

— Я не знаю, что вы могли и чего не могли. Я знаю, что вы сделали: вы взяли ход обратно. А теперь я возьму.

— Да что же это такое, товарищи?! — вскричал Колпаковский. — Он пошел, я ответил, а после этого он будет переходить? Таких вещей не бывает! Из принципа не согласен! Играйте!

— Но вы-то брали ход обратно?

— Брал до ответа! А вы хотите после ответа! Это совсем другое!

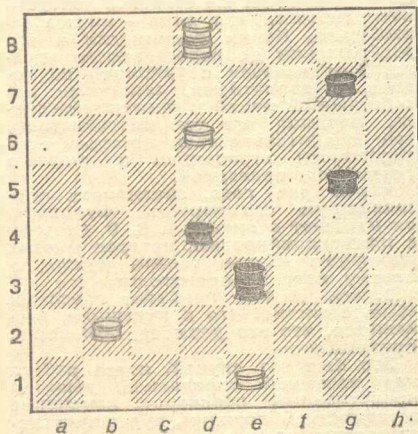
Теперь играли молча. И вдруг Андрей Петрович, сделав какой-то ход, после которого возникло положение, как на первой диаграмме, сказал:

— Будьте свидетелями: он еще не ответил! Я возьму ход обратно.

Колпаковский не спеша оглядел доску и, решив, что любая перемена хода для него безопасна, снисходительно изрек:

— Ну возьмите. Возьмите, раз уж так хотите. Можно подумать, будто вы от этого выиграете!

Однако именно так и вышло: Андрей Петрович, заменив свой ход другим, выиграл! Конечно, можно назвать его последний ход и сказать, каким выигрывающим ходом он его заменил. Но к чему? Вы ведь найдете это сами. (Автор позиции — Ю. Сарбийн, Мурино).

НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ

Когда возникло это положение (вторая диаграмма), игрок, чьи были черные, затаял дыхание: он рассчитывал поймать противника в заготовленную ловушку. И вот партнер сыграл 1. e3 — d4.

— Я так и знал, что вы попадетесь! — воскликнул игравший черными и, не скрывая радостной улыбки, принялся проводить комбинацию:

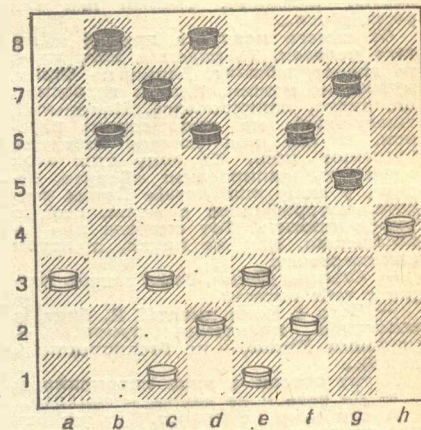
1. ... f6—e5 2. d4:h8 b8—a7
3. h4:f6 d8—e7 4. f6:d8 d6—e5
5. h8:d4 b6—a5 6. d8:b6 a7:g1.

Сделав последний удар, он откинулся на спинку стула и посмотрел на противника взглядом, ясно выражавшим: «Сдавайся, друг! Пора уже».

Однако друг и не собирался сдаваться.

— Не ройте другому яму! — рассмеемся он и сыграл...

Как же он сыграл, если известно, что он выиграл?

Главный редактор
Л. М. ИВАНОВА

Редакционная коллегия:
М. В. ГОГОЛЕВА, В. В. ДАВЫДОВ, М. В. ЖИЛИНСКАЯ, О. М. ИВАНОВА, И. И. КАРПЕЦ, Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, И. П. РУДЕНКО, В. А. РЫБАКОВ, Э. С. СОКОЛОВА, А. Г. ХРИПКОВА, О. Э. ЧКАЛОВА.

Оформление номера
Юрия Колوشева
Художественно-технический
редактор Т. Мухина

Издательство «Педагогика»
Академии
педагогических наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР

Адрес редакции:
119823, ГСП,
Москва, Г-117,
Погодинская улица, 8
Телефоны редакции:
245-23-69, 245-03-73, 245-12-14

Рукописи и фотоснимки
не возвращаются.
Литературные консультации
редакция не дает.

Подписано к печати
9 марта 1972 г. А07154. Тираж
1 300 000 (1—550 000) экземпляров.
Заказ 162. Бумага 84×108/16.
Печ. л. 4+вкл. 0,25 (6,72+вкл. 0,42).
Уч.-изд. л. 10,65.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 1
«Печатный Двор» им. А. М. Горького
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР,
г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны
в Ленинградской типографии № 3
имени Ивана Федорова,
Звенигородская, 11.

буйная сила

...Прошли быстрину. Солдат на ходу трубочку вынул, да Канин перебил. Из могучей груди его сначала с хрипом вырвалось: «Э-эх!», а потом уж и первые слова, которые ватага подхватила:

Матушка Волга,
Широка и долга,
Уначала, уваяла,
Нашей силушки не стало.
О-ох! О-о-о!

Ухнем да ухнем! У-у-ух!

Ничего, быстрину прошли — самое промучное место. Барна, груженная известью, сидит глубоко, а тут еще берег такой, не упреешься в него, вязко, валуны наиданы — смотри в оба, а чего увидишь, когда пот глаза застилает. Э-э-эх!..

Вот уж Лысая гора видна. За поворотом отмель откроется, дымком из Ширяева потянет, что-нибудь из мужиков, что за отмелью рыбачит, начнет к берегу грести — знают: здесь бурлаки на привал встанут, костер разожгут, рыбку для ухи разживутся...

От самого поворота припал и ватаге человек. То рядом в ногу идет, то вперед забежит. Барин не барин, мужик не мужик. Платье городское, да, видно, поизносилось. Маленький, щедущий, на лицо совсем ребенок. И все под ногами вертится, трепещет весь. На ходу стал всех одаривать папиросами: «Берите, берите, у меня еще есть!» Потом солдата, который шел с краю, стал о чем-то просить. Тот сначала или не расслышал, или не понял, а потом как загогочет:

— Слышь, Канин, баят: можно патреть с тебя писать?

— Чего с меня писать? Я, брат, в волостном правлении прописан, удивился Канин, — не беспаспортный какой...

А тот совсем в лице переменялся: — Да ведь я не даром, я заплачу!..

А сам чуть не плачет. Тут уж вся ватага загоготала, все рады случаю зубы оскалили:

— Слышь, баят: заплачу!.. Ах ты, бедовый каной! А много ли запла-тишь-то!..

Когда, помолясь, сели обедать, тот отошел. Может, обиделся. Только Алешка-поп во время обеда все на кусты оглядывался. А потом к Канину подошел: «Я видел: тот чудной за кустами все сидел, на тебя поглядывал, в грамотку записывал». Канин отмахнулся...

С того времени чудной человек часто появлялся. На привале садился в стороне, рисовал, потом ящик с красками принес, все пробовал. В Царевщину, где барку грузили известью, на лодке приплывал. И когда на плотках вниз по Волге плыли, провожал. Привыкли. Никто уж над ним не смеялся. И если давал двугривенный, чтобы неподвижно постояли, пока он будет списывать, ничего — стояли. Лишнего он не спрашивал.

А чего бурлаки не любили — расспросов разных. Были среди них такие, что с юности без паспортов ходили. Случалось, хвастались: «Сегодня лямшники — завтра станишники». Получали расчет, сбрасывали лямку, кланялись хозяину, собирали станицу — несколько десятков людей надежных. И вот уж разносился слух по Волге, что нападают на купеческие барки, грабят хозяйское добро. И пойдут их сыщи! Конечно, были среди бурлаков обыкновенные мужики деревенские, которые нанимались на сезон, чтобы денег на хозяйство скопить. Только какие же это были бурлаки! Мужика земля тянет, а бурлака Волга да воля. Разные люди сбивались в команду: солдат беглый, корабейник незадачливый, старообрядец, властью преследуемый, бездомные, безродные. И иконописца бывшего можно было здесь встретить, и попа. Канин был пол-расстрига, при церкви лет десять регентом пел, а теперь уж лет десять бурланует.

Э-эх, матушка Волга,
Широка и долга...

...Поездка по Волге, еще только вчера казавшаяся несбыточной (где взять столько средств на дорогу; да и позволительно ли отрываться на столь долгое время от работы в академической мастерской — ведь конкурс не за горами), сегодня оказалась реальностью. Неутомимый, всезнающий, почти всемогущий Васильев, замечательный пейзажист, новый приятель Репина, все устроил, всех уговорил, все достал. И вот они уже на палубе плоскодонки, медленно ползущей по реке. Боже, какое упоение, какое празднество жизни! Ночью в Плесе они во время стоянки сбежали с парохода, вскарабкались на высокий берег, ярко освещенный луной, и вдруг показало, будто летят они над всем раскинувшимся и исчезающим луговым пространством широкой Волги...

В сущности, если подумать, в последние годы судьба обращается с ним, как со своим избранныком. Разве не так?

Сын кантониста, рано изведавший горечь жизни, пять лет назад приехал за полторы тысячи верст в Петербург. Ни одной живой души здесь не знал, а совсем не был смелым по характеру своему. И что же — он поступает в Академию художеств и в первый же год получает за рисунки лучшие номера. Да, почти целый год он питался черным хлебом и чаем, в поисках работы и красил крыши, и подновлял экипажи, и соблазнялся жалованьем натурщика. И все равно был счастлив: в теплых классах и мастерских академии с утра до поздней ночи он мог отдаваться своей страсти — изучать натуру, гипсы и рисовать, рисовать.

Однажды во время загородной прогулки по Неве он увидел сцену, поразившую его: среди зелени парка, спускающегося почти вплотную к реке, нарядно одетые, изящные фигуры гуляющей публики. И вдруг что-то черное, страшное, смрадное заставило людей отодвинуться: по берегу шли бурлаки. Какой контраст, какая величественная картина могла бы получиться! Друзья — Савицкий, а потом Васильев, — не сговариваясь, в один голос энергично поддержали: «Конечно, ты непременно должен поехать на Волгу — вот где настоящие бурлаки!»

Окончательно поселились они в деревне Ширяево, на берегу Волги, ближайшим городом была отсюда Самара. Но до нее добираться было слишком далеко. Вставали на восходе солнца и сразу брались за эту-ниги.

Среди того моря радости, которую давала каждодневная работа и отдых на реке, смущали житейские заботы, которые подчас ставили их в тупик, и трудности, которые только внешне казались комическими. Ну почему баба, взявшаяся им готовить пищу, подавала на стол такое, что и есть было невозможно? «Христа ради, свари, как варишь дома для себя», — просили ее. «Да ведь вы, барин, не будете есть нашей еды, ведь у нас еда простая», — отвечала баба. «Вот и хорошо, это-то нам и надо, мы будем есть самую простую еду». Ан нет. Баба снова ставила на стол такое, что и в рот не возьмешь. Может быть, отнести к этому как к казусу, анекдоту? А эти испуганные и озлобленные лица крестьян, страшными словами ругавшие детей, согласившихся взять пятачок и посидеть смирно, пока их будут рисовать... «Ведь это дьявол, а деньги его — черепки!» Собирались мужики, окружили толпой, и было мгновение, когда Репин понял — будут бить. Спасло академическое свидетельство с императорской печатью. Толпа в мгновение она рассеялась.

Илья гнал от себя тяжелые мысли, он не хотел им отдаваться. Он познакомился с бурлаками и теперь только томился и жил в ожидании встречи с ними.

Когда впервые он увидел их с борта парохода там, под Петербургом, он воскликнул: «Какой ужас! Люди вместо смута впряжены». Да, его переполняло сострадание. Может быть, даже жалость. А теперь, когда нужно было подойти к ним, заговорить, это себя он ощущал жалким, ничтожным. Он совершенно влюбился в Канина. Какой взгляд, какая выразительность во всей фигуре! Он старался наизусть воспроизвести его лицо — ничего не выходило. Канин поднимался в его воображении до недостижимого идеала. Этот человек с тряпичной на голове, с заплатками, защитными его собственной рукой и протертыми снова, поражающий его тем достоинством, той значительностью, которые приобретаются страданием и жизнью подлинной, праведной.

Через два года, заканчивая прославившую его картину «Бурлаки», он напишет в письме к В. В. Стасову с прямотой, которая многих шокирует: «Судья теперь мужик, а потому надо воспроизводить его интересы». И еще прибавит горестно: «Мне совестно, что я художник, мне кажется, что это дармоед, обманщик, приживалка».

Это был тот случай, когда работа над картиной определила, вызвала нравственный переворот, изменение эстетической позиции, художнического взгляда на мир.

«...Под раскаленным солнцем, когда все другие люди ушли и спрятались в домах, в тени, в лавках, горницах и залах, целая толпа несчастных каторжных, но каторжных «по своей воле», «по добровольному найму», тяжело шагает в своих ломотях по берегу Волги, вычлещивая свои ладти и сапоги на мокром песке. И целые столетия так проходили, мало кого удивляя, мало кого поднимая в щемящем и неутешном недоговании!» — так писал Стасов.

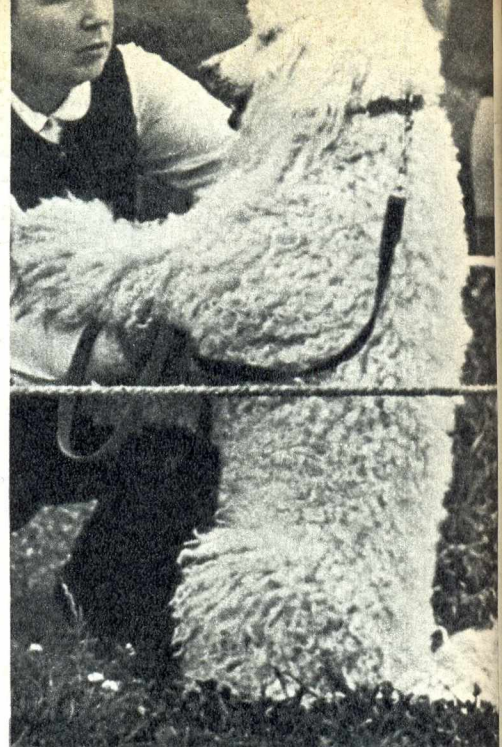
Нет, это не жалкие люди прохаживающиеся перед зрителем, надвигающиеся на него, не к жалости и состраданию они вызывают. Возмездие они несут с собой.

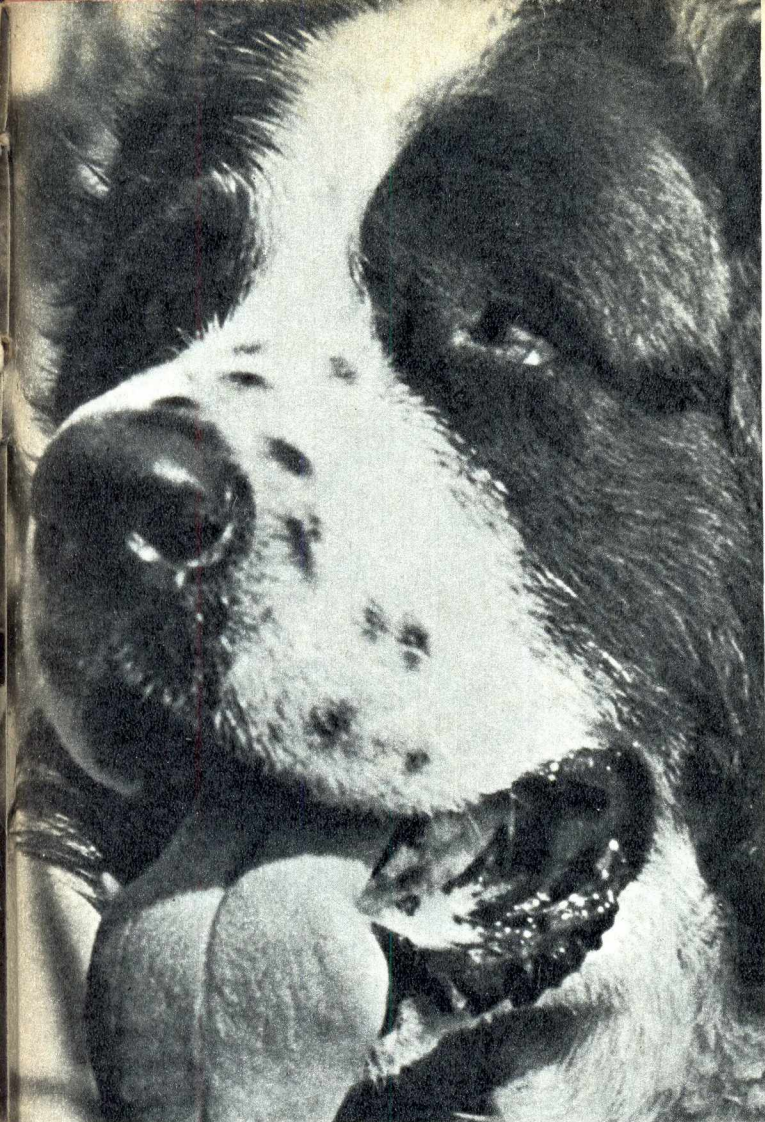
Эх, матушка Волга,
Широка и долга...

Разве не слышны в их песне сновозвоную тоску и буйная сила, и вызов...

Л. ОСИПОВА

ребята и щенята

Фото А. Кендзерского

Читайте в номере
в отделе „Природа“
„Я хочу собаку...“

УЗНАЮЩИЙ
ДЕРЕВНА УЯЗУШКА

УЗНАЮЩИЙ
ДЕРЕВНА УЯЗУШКА